

Российская Православная Церковь и современная предантихристовая эпоха

(Вероисповедная концепция РосПЦ)

Российская Православная Церковь (РосПЦ) является духовной и канонической преемницей дореволюционной поместной Православной Российской Церкви (ПРЦ) и возникших вследствие революционной смуты двух ее канонических частей: Катакомбной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

История Российской Православной Церкви неотделима от истории Российского государства и русского народа, их взлетов и падений, поражений и побед. Поэтому Российская Православная Церковь всегда была и будет не только хранительницей и воспитательницей правой веры во Христа–Спасителя, но и выразительницей заветных идеалов русского народа – идеалов Святой Руси – и священных основ российской государственности – Православной Самодержавной монархии. Пока существует Российская Православная Церковь, будет существовать и русский народ, не погибнет и русская государственность. С падением Российской Православной Церкви не станет и самой России, а русский народ исчезнет из истории. Вот почему Российская Православная Церковь является главной святыней русского народа и его государства, святыней, за которую отдали свои жизни миллионы мучеников и принесли себя в жертву прославленные и безвестные русские герои.

Сегодня, когда российская государственность уничтожена ее врагами, и русский народ поработен духовно-инородной властью, бытие Российской Православной Церкви необходимо включает в себя национально-государственную составляющую, более того Российская Православная Церковь исповедует невозможность спасения человека при отвержении этой составляющей или хотя бы при безразличии к ней. Триединая формула: «Православие, Самодержавие, Народность» является для Российской Православной Церкви основополагающей в этом вопросе, и она воспитывает своих чад в верности этим трем началам, вне которых существование исторической России немислимо.

Чтобы понять непоколебимую приверженность Российской Православной Церкви этим идеалам, которые также могут быть выражены призывом: «За Веру, Царя и Отечество!», необходимо знать исторический путь Поместной Русской Церкви за последнее столетие, когда Она по промыслу Божию была подвергнута решительному испытанию на верность своему вероисповеданию, но победоносно вышла из этого испытания, преодолев все искушения и соблазны, ведущие за ограду Церкви и к отречению от Христа. В результате столетней борьбы за истинное православие Российская Православная Церковь сильно умалилась количественно, но сохранила свое вероисповедание неповрежденным, ещё крепче утвердила его и продолжает отстаивать его даже с большей силой и цельностью, чем делала это до перенесенных ею испытаний.

Знать исторический путь Поместной Русской Церкви необходимо и потому, что мы живем в лукавое время самых беззастенчивых обманов, когда сплошь и рядом названия вещей и явлений совершенно не соответствуют их внутреннему содержанию, и под видом подлинника нам предлагаются всевозможные фальшивки и подделки. Наибольшего размаха подобное мошенничество достигло в религиозной области, где под именем Русской Православной Церкви выступают структуры, не имеющие с исторической Русской Церковью ничего общего. Самой известной из таких подделок является организация под названием «Русская Православная Церковь Московского Патриархата»

или Московская патриархия (МП), возглавляемая внештатным сотрудником госбезопасности г-ном В.М. Гундяевым, именуящим себя «патриархом Московским и всея Руси Кириллом». Имеется ещё около десятка подобных структур и организаций, не столь многочисленных как МП, но столь же далеких от исторической Русской Церкви, с которой они полностью порвали идейно и духовно, хотя и дерзают причислять себя к ней.

Разобраться во всем этом нагромождении лжи и обмана, а также в той идейной борьбе за истинное Православие, результатом которой стало образование всех этих лже-церквей, невозможно без знания истории Поместной Русской Церкви, начиная с того времени, когда она была ещё единой и существовала в условиях православной монархической государственности.

С самого момента насаждения христианства на Руси святым равноапостольным Великим Князем Владимиром Русская Церковь пребывала под защитой православных Государей и была их неизменной опорой. Существование Русской Церкви и православного государства были настолько тесно переплетены и взаимообусловлены, что можно было говорить о Симфонии Церкви и Царства на протяжении всей русской дореволюционной истории. Эта Симфония, при которой Церковь и православное Царство соединены неслиянно и нераздельно по образу соединения божеского и человеческого естеств в Господе Иисусе Христе, всегда оставалась идеалом, как для Церкви, так и для Царской власти. Несмотря на все искажения и постоянно случавшиеся отклонения от этого идеала, объясняемые врожденной греховностью падшей человеческой природы, именно Симфония Церкви и Царства стала той основой, на которой Русское государство выросло из раздробленных удельных княжеств в могущественную христианскую Империю мира, являвшуюся наследницей Римской и Византийской Империй – Третьим Римом, а Русская Церковь превратилась из провинциальной митрополии константинопольского Патриархата в крупнейшую поместную Православную Церковь, являвшуюся защитницей всемирного Православия и старшей сестрой всех прочих поместных Церквей.

Такое положение дел привело в начале XX века к тому, что враг рода человеческого диавол, непрерывно на протяжении тысячелетий ведущий брань против Господа Иисуса Христа и Его Святой Церкви, сосредоточил всю свою злобу и ненависть на Российской Империи и Православной Российской Церкви, подняв на войну против них как несметные полчища падших духов, так и армию своих служителей из представителей рода человеческого, отвергнувших и возненавидевших Христа, главным образом иудеев и масонов.

Российская Православная Церковь исповедует, что талмудический иудаизм и мировое масонство являются смертельными врагами христианства, врагами, с которыми невозможен никакой компромисс и соглашение, а только решительная и беспощадная борьба с использованием всех разрешенных Святой Церковью средств, вплоть до мер государственного принуждения и насилия.

Первой своей целью эти сатанинские силы поставили сокрушение Православного Самодержавия и ликвидацию Российской Империи, ибо только через их уничтожение они могли добраться до главного объекта своей лютой ненависти – Православной Российской Церкви, надежно укрытой за крепостной стеной христианской Империи.

Первый их приступ в 1905 г., едва не увенчавшийся успехом, был отбит соединенными усилиями Церкви и Царства, хотя и привел к образованию своеобразных брешей в обороне в виде создания чуждых Самодержавному строю учреждений западного образца и принятия законов, умаляющих православный характер Российской Империи. Используя достигнутые успехи, дьявольские силы начали подготовку ко второму штурму, на этот раз делая главный упор на разложение умов и развращение сердец русских людей с целью привить им отвращение к монархической форме государственной власти и идее

Симфонии Церкви и Царства. Великий грех русских людей того поколения, особенно ведущего слоя русского народа, состоял в том, что они широко раскрыли свои умы и сердца для сатанинских соблазнов и масонских лже-учений, отвернулись от Святой Христовой Церкви и богоданной Царской власти. В государственной области это отступничество (апостасия) проявилось в отвержении идеи Самодержавия и требования демократии, а в церковной области – в отвержении идеи Симфонии Церкви и Царства и требования «свободы» Церкви от Царской власти, отделения Церкви от государства.

Эти чуждые учению Церкви идеи внедрялись в сознание русских людей под видом критики существующих недостатков церковно-государственных отношений в Империи, исправить которые можно, якобы, только коренным изменением этих отношений и ликвидацией Симфонии Церкви и Царства как таковой. К великому стыду и скорби подобная низкопробная жидомасонская пропаганда о мнимом «порабощении Церкви Самодержавием», «рабской зависимости Церкви от государства», «цезарепапизме» и проч. находила благоприятную почву в среде духовенства Русской Церкви и благожелательный отклик у большинства представителей Ея иерархии. В представленных Царю в начале 1906 г. «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» почти все архиереи требовали реформ, направленных на «освобождение» Церкви от государственной зависимости, что означало отрицание православного характера Российской Империи. Аналогичные идеи развивало собранное по повелению Царя Предсоборное присутствие, которое напрямую увязывало предполагаемые реформы (прежде всего восстановление патриаршества) с обособлением Церкви от государственных учреждений.

Подобные апостасийные настроения и идеи, постепенно распространяясь в церковной среде в период между двумя революциями, к Февралю 1917 г. овладели умами практически всего высшего духовенства и образованных мирян (в основном профессоров духовных академий), которые полностью утратили понимание смысла и значения Симфонии и непреходящей ценности Православного Самодержавия как внешней ограды Церкви. В личности Государя Императора видели только Верховного Правителя государства, который отличается от республиканского президента лишь объемом своих полномочий, и совершенно утратили понимание Государя как ктитора Церкви, как Помазанника Божия и тем более как «Удерживающего» распространение мирового зла. Были прочно забыты догматическое значение Православного Самодержавия, учение о Симфонии Церкви и Царства, о Помазаннике Божиим и соответственно необходимость церковной поддержки его. Господствующей была мысль о «свободе» Церкви от власти Царя, когда можно будет управляться «самостоятельно».

Накануне Февральской катастрофы практически никто не осознавал, что навязываемое масонами «отделение Церкви от государства» является для Церкви самоубийственным шагом, поскольку речь шла не об абстрактном «государстве», а о Православной монархии, т.е. единственной из всех известных форм государственной власти, признававшей интересы Церкви своими собственными интересами. Отделение Церкви от монархического государства означало разрушение этого государства, а затем неизбежно и самой Церкви. Тогдашние близорукие церковные руководители наивно полагали, что с уничтожением государственной опеки начнется небывалый расцвет во внутрицерковной жизни, тогда как в действительности ликвидация «цезарепапизма» явилась для Церкви началом цепи непрерывных унижений, оскорблений, издевательств, кощунств, гонений и страшного разрушения практически всех форм церковной жизни.

Теперь, спустя 90 с лишним лет после крушения тысячелетней русской монархической государственности мы можем с уверенностью утверждать, что власть православных Государей, сначала в лице Великих Князей, затем Московских Царей и, наконец, Императоров Всероссийских была для Поместной Русской Церкви безусловным

и несомненным благом. Преимущества, которые доставляла Русской Церкви Царская власть, были настолько велики и неоспоримы, что никакие притеснения, обиды и несправедливости в отношении Церкви, чинимые время от времени тем или иным монархом, не могли побудить Церковь отказаться от защиты и всесторонней поддержки этой власти. Противление власти самодержавного Государя всегда признавалось Церковью одним из наитягчайших грехов, что нашло свое отражение в 11-ом анафематизме, ежегодно торжественно провозглашаемом Церковью в Неделю торжества Православия.

Каковы бы ни были недостатки церковно-государственных отношений в Российской империи, сохранение Православной Самодержавной Монархии как основы её государственного строя являлось совершенно необходимой предпосылкой для проведения каких бы то ни было церковных реформ, если в этих реформах и действительно была такая острая нужда, в чем сейчас, спустя 90 лет после произошедшей катастрофы, приходится сильно сомневаться. Без сохранения монархии любые церковные реформы становятся пустым звуком, поскольку не существует никакой другой формы государственной власти, которая была бы заинтересована в благоденствии Святой Христовой Церкви и распространении православной веры. Вне рамок православного Самодержавия православная Церковь нормально развиваться, строиться и жить не может, а обречена на гонения, скрытые или явные. Это непреложная истина, и забвение этой истины накануне Февраля привело к такому умонастроению подавляющего большинства иерархии, что она стала считать возможным проведение церковных реформ за счет Самодержавия, а нередко рассматривала ликвидацию Самодержавия как один из способов расчистить дорогу церковным реформам.

Поэтому когда свершилась Февральская революция, и произошло свержение с Престола Государя-Императора Николая II-го, церковная иерархия в громадном большинстве, а рядовое духовенство практически поголовно приветствовали эту богопротивную революцию и оправдали всенародное клятвопреступление, выразившееся в попрании клятвы 1613 г. на верность Дому Романовых и верноподданнической присяги лично Императору Николаю II. Церковь в лице Святейшего Синода закрыла глаза на незаконность свержения монархии, признала революционное, а стало быть, преступное Временное правительство законным и привела народ и армию к присяге на верность ему. Для оправдания совершенного греха в широкий оборот была официально пущена ложь о якобы добровольном «отречении» Государя от Престола, чем будто бы и уничтожается действие принесенной ему перед крестом и Евангелием присяги. Именно такое поведение епископата и клира позволяет утверждать, что ответственность за Февраль 1917 г. несут не столько темные дьявольские силы, издревле стремившиеся к уничтожению православной Империи, сколько сам Русский народ и в особенности его ведущий слой, в своей совокупности отвернувшийся от своего Царя – Помазанника Божия, отрекшийся от него (за исключением ничтожного меньшинства) путем принятия присяги на верность жидомасонскому Временному правительству и допустивший арест, заточение, ссылку и убийство своего Царя и Его Семьи извергами рода человеческого.

Российская Православная Церковь исповедует, что она не признает законным так называемого «отречения» Государя-Императора Николая II от Престола, поскольку в марте 1917 г. произошло не отречение, а насильственное свержение его с Престола, а затем и самого Престола. Все изданные от имени Государя документы о сложении им с себя верховной власти есть результат революционного насилия, они юридически ничтожны и не могут служить оправданием греха клятвопреступления, совершенного подданными Императора.

Российская Православная Церковь исповедует, что вся совокупность действий и бездействий русских людей в период времени с февраля 1917 г. по июль 1918 г.,

связанных со свержением с Престола и убиением Помазанника Божия, а также прямое или косвенное оправдание этих действий и бездействий последующими поколениями русского народа носит обобщенное название Февральского греха, который в должной мере до сих пор русскими людьми не раскаян, а большинством из них даже и не осознан.

Российская Православная Церковь исповедует, что действительность покаяния русских людей в этом грехе измерялась, измеряется, и будет измеряться не красивыми словами, а, прежде всего, стремлением поступками и делами ликвидировать последствия Февральского греха и исправить нанесенное им зло. Верным признаком, позволяющим достоверно судить о том, что покаяние русского народа в Февральском грехе принято Богом, и этот грех изглажен из Книги Жизни, будет восстановление Престола Православных Царей и Православной Российской Империи.

Таким образом, Февральская революция 1917 г. привела к падению христианской Империи и вызвала к жизни совершенно новые формы государственной власти, с которыми русский народ и Поместная Русская Церковь никогда не сталкивались на протяжении всей своей истории. До Февраля 1917 г. Русская Церковь знала только одну форму власти – власть Царскую, и только один вид взаимоотношений с нею – Симфонию. Падение Третьего Рима открыло совершенно новую историческую эпоху не только для России, но и для всего мира и поставило Церковь в такие условия существования и такие отношения с государством, которых она не знала с момента своего основания Господом нашим Иисусом Христом.

Российская Православная Церковь исповедует, что с падением Третьего Рима – Православной Российской Империи в Феврале 1917 года и ритуальным убийством в Июле 1918 года последнего «Удерживающего» – Царя-Мученика Николая Второго, весь мир вступил в предантихристову эпоху, которая характеризуется постепенным созданием всех необходимых материальных и духовных предпосылок для воцарения сына погибели – *антихриста*. Эта эпоха является временем непосредственной подготовки народов Земли к добровольному признанию над собою власти *антихриста*, который явится одновременно и духовной и политической главой человечества, отвернувшего от Христа и Его Святой Церкви.

Российская Православная Церковь исповедует, что отличительной чертой предантихристовой эпохи является особенно ожесточенная брань сатаны и его служителей против Церкви Христовой, при этом в соответствии с двумя значениями греческого слова «анти» – «против» и «вместо» – эта война предтеч *антихриста* с Церковью ведется двумя способами: путем прямого физического насилия, и путем подмены Церкви лже-церковью *антихриста*.

С началом предантихристовой эпохи вопрос о взаимоотношении Церкви и государственной власти оказался ключевым вопросом церковного бытия, который породил череду расколов в Русской Церкви и определил Ея скорбный путь в XX-ом столетии. Без преувеличения можно сказать, что без разрешения этого кардинального вопроса ни один другой вопрос церковной жизни не может быть не только правильно решен, но даже правильно поставлен.

Православная Церковь имеет законченное и стройное учение о государственной власти (см. Приложение № 1). Только исходя из положений этого учения можно разобраться во всех событиях церковной истории, последовавших после уничтожения Православной монархии в Феврале 1917 г, и дать им правильную оценку.

По смыслу Симфонии Церкви и Царства жизнь Церкви неотделима от жизни христианской монархии, и, следовательно, падение Царской власти оставляло Церкви только три возможных линии дальнейшего поведения:

а) либо, сохраняя верность Симфонии, встать на сторону поверженного Царя и анафематствовать революционеров, объявить совершившийся переворот богопротивным бунтом и тем самым ослабить его или даже остановить;

б) либо разорвать Симфонию, перейти на сторону победившей власти и попытаться наладить «симфонию» уже с ней;

в) либо заявить о своей «аполитичности», неучастии в политической жизни страны, тем самым молчаливо соглашаясь на масонскую программу отделения Церкви от государства.

В предантихристову эпоху этот троякий выбор между симфонией, лже-симфонией и аполитичностью вставал и будет вставать перед Русской Церковью всякий раз при смене государственной власти, и всякий раз от правильного ответа на этот вопрос будет зависеть, остается ли Церковь верна самой себе и Христу или же началось её постепенное перерождение и превращение в антицерковную структуру, хотя и продолжающую именоваться «Церковью», но уже не являющуюся таковой по духу, а представляющую собой готовый кирпичик строящегося здания всемирной антихристовой империи, в которой она обеспечивает свое существование ценой постоянной измены Христу, отречения от Него и предательства Его.

С этой точки зрения период времени с февраля по ноябрь 1917 года следует признать одной из самых позорных страниц в истории Поместной Русской Церкви. Высший орган церковного управления – Святейший Синод с первых дней революции открыто солидаризировался с масонским Временным правительством и его идеологией, дойдя в этом отношении даже до исправления богослужебных книг, из которых были удалены всякие упоминания о царях, и введения в богослужебный оборот молитв «О благоверном (?) Временном правительстве». Вместо грозного «Анафема!», как того требует Чин в Неделю тожества Православия, с церковных амвонов раздавалась «Осанна!» жидо-масонам.

Одна часть (и при этом большая) епископата, клира и мирян всецело приветствовала Февральскую революцию, осыпая самозванное Временное правительство и государственных изменников из Государственной Думы приветственными телеграммами с выражением своей полной и безоговорочной поддержки перевороту; другая же, меньшая часть, хотя и не выражала столь бурной радости по поводу падения Самодержавия, сочла наступившие события подходящим временем для решения внутрицерковных проблем, предав забвению учение Церкви о государственной власти и демонстративно подчеркивая свое невмешательство в «политику». При этом как революционная часть Церкви, так и её «аполитичная» часть как будто совершенно утратили само понимание того, что любая революция есть сатанинское дело, ибо первым революционером был сам сатана, поэтому не то, что восхваление революционеров, но даже простая пассивная поддержка революции, простое непотворение ей уже является грехом для православного христианина, а особенно для пастыря и архипастыря.

Российская Православная Церковь исповедует, что всякая революция есть беззаконие, она подготавливает почву для того предельного Беззаконника, «которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными» (2 Фес.2:8), и, следовательно, узаконение и оправдание созданной революцией незаконной власти есть приобщение к духу антихриста, если не прямой переход в его лагерь.

Российская Православная Церковь исповедует, что единственной богоустановленной (законной) государственной властью, за которую Церковь

возносит свои молитвы и которой оказывает всестороннюю поддержку, является власть Помазанника Божия – Самодержавного Государя. Все остальные формы власти, возникшие в результате революционного насилия и свержения Самодержавной Царской власти, признаются Российской Православной Церковью богопротивными и незаконными. Российская Православная Церковь возносит свои молитвы об избавлении народа Божия от таких богопротивных властей и выполняет только такие распоряжения этих властей, которые не противоречат заповедям Спасителя, учению Святой Православной Церкви, Священному Писанию и Священному Преданию.

Девять десятилетий, прошедших с падения богоустановленной Царской власти, ясно и убедительно показали, что так называемая «аполитичность» Церкви по своей сути означает невмешательство Церкви в ту политику обезбоживания и разцерковления народа, которую неизбежно проводит всякая светская власть, и потому путь «аполитичности» есть путь скрытого отступничества от Христа. Образно говоря, «аполитичная» Церковь равнодушными глазами взирает на то, как безбожное государство развращает и растлевает своих подданных. На поверку «аполитичность» оказывается скрытой политикой – политикой одобрения и молчаливого признания всего того, что творит существующая в государстве власть.

Российская Православная Церковь исповедует, что Церковь Христова не может быть «аполитичной», она обязана елико возможно защищать богоустановленную власть православного Царя, признавая её радости своими и получая в ответ взаимное признание, и противодействовать всеми силами самозванной и богоборческой власти предтеч *антихриста*. Церковь Христова не может делать вид, будто ей всё равно, какой в государстве политический строй, а обязана стремиться привести его в соответствие со своим политическим идеалом – Православной Самодержавной монархией. Церковь ни при каких обстоятельствах не может отказаться от этого идеала и будет бороться за него всеми средствами, не противоречащими Ея божественной природе.

Российская Православная Церковь исповедует принципиальную невозможность отделения религии от политики в предантихристову эпоху. Неотделимость религии от политики следует из того, что вся деятельность грядущего *антихриста* будет носить не только религиозный, но непременно и политический характер, ибо без политической власти он не сможет завершить своего сатанинского дела. Кто в таких условиях проповедует теплохладную «аполитичность», тот проповедует безразличие к добру и злу, отрицает необходимость различать дух истины от духа лжи и необходимость обнаруживать и узнавать – где Христос и где *антихрист*. Вопрос – со Христом или против Христа имеет в предантихристову эпоху политическое значение, поскольку обязывает христианина протестовать против тех политических систем, которые возникли из отрицания богоустановленной Самодержавной царской власти и своей главной целью имеют явную или тайную борьбу со Христом и Его Святой Церковью.

В период времени с февраля по ноябрь 1917 года обе группировки в Русской Церкви, и та, которая проповедовала лже-симфонию с революцией, и та, которая отстаивала «аполитичность», искали осуществления своих целей через созыв общецерковного собрания, которое по замыслу его устроителей должно было закрепить «завоевания» Февральской революции в церковной сфере. Такое собрание действительно было созвано и вошло в церковную историю под названием «Всероссийского Поместного Собора» 1917-18 г.г.

Впервые в русской истории церковный собор состоялся без участия и вопреки ясно выраженной воле православного Государя, находившего созыв этого собора

несвоевременным. Уже одно это ставило под сомнение статус данного собора как Поместного. Участники собора постановили не касаться «политики», т.е. молчать о свергнутой монархии, и сохранять строгую «лояльность» в отношении революционного Временного правительства, которому собор обязался подавать все свои решения на утверждение. На соборе были широко представлены не только члены революционных партий – кадетской и эсеровской, но также явные масоны (напр. бывший обер-прокурор Вл. Львов) и известные февралисты (напр. бывш. председатель Государственной Думы М. Родзянко). Серией своих постановлений: о выборах в Учредительное собрание, о свободе политической ориентации и деятельности членов Церкви, о «невмешательстве» Церкви в политику, о реабилитации церковных революционеров (таких как о. Г. Петров), об удалении из богослужебных книг упоминаний о царях и императорах, о выборности епископата и клира, о модернизации богослужения и т. д. собор фактически одобрил как саму Февральскую революцию, так и её «завоевания» в церковной области.

Российская Православная Церковь исповедует, что в отсутствие престола Православных Царей, защитников Церкви Христовой, не могут создаваться условия, необходимые для созыва подлинного Поместного Собора, свободно и неискаженно выражающего собой соборное мнение всей полноты Русской Церкви. Без санкции Царя никакое церковное собрание, сколь бы представительным оно ни было, не может претендовать на статус Поместного Собора, и любое собрание, восхитившее такое название, Российская Православная Церковь объявляет заведомо неправомочным.

Наиболее ярко отступнический дух, господствовавший на соборе 1917-18 г.г., проявился в преступно-равнодушном отношении его участников к судьбе арестованного Временным правительством Государя, которого участники собора именовали не иначе как «бывшим», официально поддерживая революционную ложь о «добровольном отречении» свергнутого с Престола православного Императора. Собор ни слова не сказал в защиту заключенного Государя, а позднее никак не выразил своего отношения к его злодейскому убийству, ограничившись лишь решением о служении обычной панихиды по убиенному Царю-Мученику. Этими действиями собор подчеркнул, что он признает разрушение монархической государственности ничего не значащим для Церкви событием, а в убийстве Помазанника Божия видит не ритуальное мистическое действие, а лишь преступный акт насилия над гражданином Романовым.

Логическим концом либерально-антимонархической линии собора стало принятие им на заседании 26 февраля 1918 года (годовщина революции) решения об исключении из чина анафемы в Неделю торжества Православия 11-го анафематствования о возстающих на Царскую власть. Вместо призыва к горячему и искреннему покаянию в Февральском грехе участники Собора исключили его из списка грехов.

Российская Православная Церковь исповедует, что обстоятельства созыва, состав участников, условия работы и принятые решения так называемого Всероссийского Поместного собора 1917-18 г.г. свидетельствуют о том, что этот собор являлся типичным революционным учреждением, и поэтому его постановления не имеют никакой канонической силы и не могут быть обязательными для членов Российской Православной Церкви.

Особенно пагубное значение имело постановление собора от 2/15 августа 1918 г. о так называемом невмешательстве Церкви в политику. Составители этого постановления исходили из ложной мысли, будто политический строй государства не влияет на спасение души, тогда как в действительности он оказывает на него огромное влияние, и сам антихрист явится как политическая фигура и прибегнет именно к политическим средствам для осуществления своих религиозных задач. В предантихристову эпоху Церковь особенно не может оставаться безучастной наблюдательницей в политике, а обязана

настаивать на проведении христианской политики и бороться с политикой антихристианской.

Согласно постановлению каждый член Церкви получал свободу иметь какие угодно политические убеждения и участвовать в политической деятельности, как ему лично заблагорассудится. Никто в Церкви не имел права принудить его церковными мерами (прямыми или косвенными) примкнуть к какому-либо политическому направлению. Иными словами постановление объявляло, что Церковь как целое не связана ни с какой политической системой, в том числе, естественно, и с православной Монархией, которая при такой постановке вопроса лишалась своего сакрального значения и низводилась на уровень изобретенной человеческим разумом политической структуры.

Российская Православная Церковь исповедует, что принадлежность к Российской Православной Церкви несовместима с антимоноархическими, демократическими, социалистическими, а также экуменическими и церковно-модернистскими убеждениями, и никто из членов Российской Православной Церкви не может под угрозой отлучения защищать такие убеждения ссылкой на постановления так называемого Всероссийского Поместного собора 1917-18 г.г.

Наиболее пререкаемым решением собора явилось его постановление о восстановлении патриаршества и об избрании патриарха Московского и всея России. Это решение возникло в результате упорной борьбы между революционной частью собора, требовавшей церковной модернизации и демократизации, и консервативной частью, стремившейся к сохранению единоначалия в Церкви, но в силу своей «аполитичности» обладавшей чисто формальным пониманием патриаршества без учета его глубокой и неразрывной связи с Самодержавием. Эта группа не понимала, что патриаршество обязано своим возникновением покровительству православных Государей, и невозможно, разорвав Симфонию и отвергнув православное Царство, пользоваться их плодом – патриаршеством.

Наращение революционного хаоса и безвластия в стране склонило, в конце концов, чашу весов на сторону консервативной части, доказывавшей, что разгулу анархии может противостоять только Церковь, сплоченная вокруг общепризнанного духовного вождя. 30 октября/12 ноября 1917 г. патриаршество было восстановлено, и 5/18 ноября 1917 г. патриархом Московским и всея России был избран митр. Московский и Коломенский Тихон (Белавин).

События, последовавшие в ближайшие годы за этим избранием, показали, что ущерб, наносимый необдуманном восстановлением патриаршества, превосходит ущерб от его отсутствия. Единоличное возглавление укрепило Церковь организационно и духовно, но в тоже время централизованное управление через одного человека упростило победившей боготорческой власти борьбу с Церковью, позволило держать под контролем всю церковную жизнь и постоянно ее душить. Патриарх стал заложником, ответственным за всех, и одновременно мишенью, в которую гонители стали бить всегда, когда желали нанести удар по Церкви. Устранение единоличного главы сразу приводило к развалу всего управления, и чтобы этого избежать, пришлось вводить запутанную и весьма сомнительную с канонической точки зрения систему заместительства с передачей патриарших полномочий по наследству. В конце концов, идея управления Церковью «первым епископом» была взята на вооружение властью и использована ею для разложения Церкви изнутри. После нескольких попыток большевикам удалось подобрать послушного «первого епископа» и уже его руками начать уничтожать Церковь, пользуясь страхом прочих иерархов и клириков, находившихся в плену мысли об обязательности единоличного и централизованного управления Церковью и боявшихся выступить против своего «первого епископа» как «канонического главы».

Российская Православная Церковь исповедует, что вне рамок православной монархической государственности невозможно никакое подлинное патриаршество, а только фикция и декорация его. Любая попытка организовать патриаршее управление в отсутствие Самодержавной монархии рано или поздно приводит к вырождению патриаршества в свою антихристову противоположность – лжепатриаршество. Патриаршество есть следствие существования Церкви в рамках православной монархии и вне такой монархии оно просто немыслимо.

Российская Православная Церковь исповедует, что до тех пор, пока Поместная Русская Церковь вновь не будет находиться под защитой православных Государей, она не может быть возглавляема Патриархом, и всякий, провозглашающий себя Патриархом, хотя бы и с санкции сколь угодно представительного церковного собрания, заранее объявляется Российской Православной Церковью самозванцем и анафематствуется.

Несмотря на незаконный в целом характер созыва и подбор участников собора 1917-18 г.г., отдельные постановления этого собора оказались исповедническими и, с течением времени, были приняты соборным разумом Русской Церкви. Все эти постановления состоялись уже после большевицкого переворота 25 октября/7 ноября 1917 г., приведшего к власти откровенных богоборцев и русоненавистников, что вызвало некоторое отрезвление у членов собора и вывело многих из них из гипнотического состояния «аполитичности».

К числу таких постановлений, в первую очередь, относится Послание патриарха Тихона от 19 января/1 февраля 1918 г. с анафемой на советскую власть, подтвержденное Собором на заседании 22 января/4 февраля. К моменту выхода этого Послания большевицкая власть уже выявила свое антихристианское и богоборческое лицо. Объявленные программные установки большевиков были абсолютно несовместимы с христианской верой и вообще верой в Бога. Их ненависть к Церкви была нескрываема, поскольку Церковь наряду с Самодержавием была краеугольным камнем всей российской государственности, и без сокрушения Церкви большевики не могли достичь своей главной цели – уничтожить Россию и превратить её в «плацдарм мировой революции». Наконец, во главе большевистской партии и советского государства стояли не просто крайние революционеры, но именно одержимые сатанисты, такие как Ленин, Троцкий, Дзержинский, Свердлов, Сталин, Губельман-Ярославский и т.д., для которых борьба с Церковью была религиозной, а не политической борьбой. Для них это была борьба дьявола, сознательными слугами которого они являлись, со Христом Богом, возглавлявшим Свою Святую Церковь.

От лица всей Церкви патр. Тихон засвидетельствовал и во всеуслышание заявил, что с такой властью у Церкви не может быть ничего общего, что участие в деяниях этой власти ставит человека вне Церкви. Перечислив ряд злодеяний большевиков, назвав их «извергами рода человеческого», заклеив их дело, как дело «поистине сатанинское», патриарх анафематствовал большевиков, отлучил их от Церкви, а всех верных христиан заклинал не вступать с этими врагами веры и Церкви в какое-либо общение. Патриарх звал народ на защиту попираемых прав Церкви с готовностью пострадать за дело Христово.

Значение этого Послания патриарха Тихона невозможно переоценить. Впервые в истории Церковь подвергла анафеме не отдельных представителей власти, а всю систему власти как таковую, объявив её тем самым не властью, а антихристовым самовластием, сотрудничество с которым является для христианина грехом, а сопротивление ему – его христианским долгом. Попытки доказать, что этот указ анафематствует не советскую власть как таковую, а только тех, кто создавал беспорядки и творил святотатство в отношении Церкви, заведомо безнадежны. Акты надругательства и святотатства происходили не самопроизвольно, а по приказам советской власти, и именно с ней верные

призывались не иметь ничего общего. Сама советская власть также поняла эту анафему правильно – как анафему на себя. Поэтому, когда 5 лет спустя ей удалось частично сломить патр. Тихона, она принудила его написать в заявлениях от 3/16 июня и 18 июня/1 июля 1923 г. слова о том, что он раскаивается именно в своем «анафематствовании советской власти».

Российская Православная Церковь исповедует, что анафема патриарха Тихона на коммунистов и советскую власть является соборной анафемой Церкви, и до сегодняшнего дня она никем не снята и полностью сохраняет свою силу. Всякий, именующий себя православным христианином и вступающий в какое-либо сотрудничество с этой властью и её институтами, находится под заклятием и по смыслу анафемы отлучается от общения церковного впредь до прекращения своего общения с анафематствованными и раскаивания.

Эта анафема возвращала Церковь с ложных путей аполитичности и признания революции, на которые Она встала после Февраля 1917 г., на спасительный путь активного сопротивления злу и грядущему антихристу. Этой линии «политического», а на самом деле духовного сопротивления антихристовой власти патр. Тихон придерживался, по крайней мере, до конца 1918 г., неоднократно обличая большевиков в своих Посланиях, в частности, по поводу Брестского мира и, особенно, в своем знаменитом Послании большевистским комиссарам («Совнаркому») по поводу годовщины их владычества, в котором вновь отказывал большевикам в праве именоваться законной властью и предрекал им скорую погибель.

Своеобразным ответом большевиков на Послание патриарха от 19 января (ст.ст.) было принятие 20 января (ст.ст.) декрета «Совнаркома» об отделении церкви от государства и школы от церкви, издевательски названного большевиками «Декретом о свободе совести». Фактически этот декрет объявлял Церковь вне закона, лишал Её всяких юридических и публичных прав. Большевицкая власть начала с православной Церковью самую настоящую войну, имея своей конечной целью уничтожение России как христианского православного государства. Церковь в свою очередь не признала этот декрет, осудила его и запретила своим чадам под страхом анафемы принимать прямое или косвенное участие в его осуществлении.

Этот период открытого сопротивления Церкви и антихристовой советской власти, охватывающий весь 1918 г. и часть 1919 г., явился вне сомнения одним из самых славных в истории Русской Церкви. Несмотря на то, что Её материальные потери были неисчислимы, а жертвы большевицкого террора исчислялись десятками и сотнями тысяч, на Ней исполнились слова о том, что кровь мучеников является семенем христианства. Великое множество исповедников и мучеников засвидетельствовало своей смертью непобедимость Церкви Христовой и безсилие сатаны в его борьбе со Христом. Среди гонений и террора Церковь, умаляясь количественно и ослабевая материально, росла качественно и укреплялась духовно.

Со второй половины 1918 года на борьбу большевиков с Церковью все большее влияние стала оказывать разгоравшаяся Гражданская война, определившая в конечном итоге Ея дальнейшую судьбу.

Гражданская война в России кардинально отличалась от всех предыдущих гражданских войн, в которых борьбу вели две группировки, одинаково являющиеся патриотами своей родины, но резко противоположным образом видящие дальнейшие пути её развития. В отличие от таких войн Гражданская война в России была войной большевиков против русского народа и России, как таковой. Большевицкая власть, открыто провозгласив свою цель – уничтожить «старую» Россию, показала себя не как пусть и «новая», но национальная власть, а как антирусская, оккупационная власть интернационального преступного сброда, главным образом еврейского. Кроме того,

поскольку ленинская партия была не столько политической структурой, сколько своего рода сатанинской сектой, то Гражданская война в силу этого приобретала черты религиозной войны сатаны и его слуг против Христа и верных Ему.

Наиболее организованной формой сопротивления русского народа большевикам стало Белое движение, опирающееся на воссозданную национальную армию, сумевшую в ходе войны освободить от большевиков значительные территории страны и установить на них относительный правовой порядок и законность. Однако коренным пороком Белого движения была связанность его участников общим февральским грехом измены, которого они не хотели раскатыть. Остальные силы русского антибольшевистского сопротивления были поражены февральским грехом ещё в большей степени. В конечном итоге, эта всеобщая нераскаянность в грехе Февраля и предопределила победу большевиков в Гражданской войне.

Решающую роль на исход Гражданской войны оказала позиция Церкви, ибо духовная оценка совершающихся событий и призыв к покаянию в февральском грехе должны были исходить именно от Неё. Однако ничего такого не последовало вследствие того, что февральский грех глубоко проник и в саму Церковь, связав совесть Ея иерархов и клириков. Церковь продолжала держаться рожденного Февралем ложного положения о том, что Она, якобы, не связана неразрывно с определённой формой государственного правления, и что для Неё безразлична форма государственного строя. Февральский грех проявил себя и во всеобщем непонимании глубокой связи политического и религиозного в предантихристову эпоху.

Такая позиция обрекала Церковь на пассивную роль в разгоревшейся Гражданской войне. Непонимание связи религии и политики привело ко взгляду на развернувшуюся борьбу с большевиками, как на борьбу политическую, в которой Церковь участвовать не должна, тогда как эта борьба в силу антихристового характера советской власти была в первую очередь борьбой религиозной. Это заблуждение привело к отказу от призыва ко крестовому походу против большевиков даже со стороны тех иерархов, которые политически и идейно связали себя с Белым движением. Но и с чисто политической точки зрения отказ Церкви исповедать свой полуторатысячелетний политический идеал – Самодержавную монархию лишил православный народ духовного ориентира в развернувшейся войне и возможности разобраться в противоборствующих группировках. Революционный соблазн ложно понимаемой «свободы» Церкви от монархического государства, уже приведший к февральскому греху, продолжал действовать в Церкви. Не было даже самого сознания того, что в Феврале был совершен великий грех.

В результате высшая церковная власть в лице патр. Тихона оказалась в духовном тупике и безславно вернулась на позиции «аполитичности», «невмешательства» Церкви в политику. Этот поворот зафиксировали Послания патр. Тихона от 8/21 июля и особенно от 25 сентября/8 октября 1919 г., в которых патриарх открыто заявлял, что Церковь не стремится «к ниспровержению советского строя» (т.е. *антихриста*) и что «установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа» (т.е. демократии). Церковь, согласно патриарху, «не связывает себя ни с каким определенным образом правления». Патриарх возбранял служителям Церкви «вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций».

Ложность этой позиции выявилась уже в ближайшие годы, когда во время кампании по «изъятию» церковных ценностей в пользу голодающих самого патриарха, вставшего на защиту чисто церковных интересов, большевики обвинили в «политической демонстрации» и арестовали. Чаемое патр. Тихоном отделение религии от политики было полной утопией, т.к. сами большевики отлично осознавали религиозные цели своей политической деятельности, и потому для себя они религиозное от политического не

отделяли. В таких условиях политическое выступление против власти большевиков имело характер религиозного сопротивления *антихристу*, а религиозное сопротивление их власти не могло не приобрести черты «политической демонстрации».

Для самого патр. Тихона попытка «отделить религию от политики» закончилась личной трагедией: пройдя через невероятные нравственные унижения и отрекшись от всего «политического», с целью спасти «религиозное», он, тем не менее, убедился, что его жертва ничего не дала, т.к. перед лицом *антихриста* религия от политики неотделима. Патриарх воочию увидел, что перед ним не политики, а сатанисты, а сатана никогда не ограничивается частными уступками, а требует всего целиком, и, отдав врагу «политическое», невозможно рано или поздно не отдать и «религиозного». Нравственных сил вернуться на исповеднический путь патриарх уже не находил. Февральский грех сделал свое разрушительное дело, и лишь кончина патр. Тихона не позволила ему перейти ту грань, за которой начинается явное отступничество от Христа. Господь милостиво забрал его к Себе, дабы не лишать его уготованного ему венца.

Российская Православная Церковь исповедует, что Послания патриарха Тихона верующим Православной Российской Церкви от 8/21 июля 1919 г. и от 25 сентября/8 октября 1919 г. о несвязанности Церкви ни с каким определенным образом правления, а также его Воззвание от 18 июня/01 июля 1923 г. о примирении с советской властью и аполитичности Церкви являются выражением личных заблуждений патр. Тихона и не могут считаться голосом Русской Церкви. Никто из членов Российской Православной Церкви под угрозой прещений не вправе обосновывать свою церковную и общественную деятельность ссылкой на эти документы.

Соглашательские послания патриарха от 8/21 июля и от 25 сентября/8 октября 1919 г. положение Церкви не улучшили и скорее создали у большевиков ощущение, что Церковь дрогнула, и остается Её только добить. Вторая половина 1919 г. и весь 1920 год стали временем самых яростных гонений.

Наиболее значительным последствием этих гонений стал постепенный распад церковного управления. Вследствие постоянных арестов созданные собором 1917-18 г.г. в помощь патриарху органы управления Церковью – Синод и Высший Церковный Совет (ВЦС) в полном составе никогда не собирались. Полностью прекратилось централизованное финансирование, даже почтовое сообщение было нерегулярным.

В сложившихся обстоятельствах патр. Тихон принял единственно правильное решение – о децентрализации церковного управления и передачи власти на места. Это решение было оформлено в виде Постановления № 362 (известное также как «Указ № 362»), принятого 7(20) ноября 1920 г. на совместном заседании патриарха, Синода и ВЦС.

Указ № 362 предусматривал в случае полного прекращения деятельности высшей церковной власти временный переход полномочий этой власти в каждой епархии ея правящему архиерею (который должен был «немедленно войти в сношение с Архиереями соседних епархий» на предмет временной организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в сходных условиях) и переход этих епархий на самоуправление до восстановления законной общецерковной власти, которой эта временная власть должна дать отчет о своей деятельности. При этом Постановление подчеркивало, что указанный порядок церковного управления является не просто желательным, а обязательным – организация церковной власти на положениях Указа вменялась старшему среди архиереев нескольких епархий в «непременный долг». Переход на самоуправление предусматривался Указом не только в случае ликвидации центрального управления, но и в случае невозможности связаться с ним из-за «передвижения фронта» или «изменения государственной границы».

Именно на основе Указа № 362 организовали свое временное управление те архиереи Русской Церкви, которые после окончания Гражданской войны оказались вместе с остатками Белой армии за границей. Старейшим среди этой группы архиереев был митр. Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), который и возглавил созданное Высшее Церковное Управление (ВЦУ) Заграницей. По приглашению патриарха Сербского Димитрия заграничное ВЦУ переехало в Сербию и обосновалось в г. Сремские Карловцы, где в конце 1921 г. сумело собрать и провести I Всезарубежный Церковный Собор, известный также под названием Карловацкого.

Среди участников Собора оказалась люди, связавшие свою судьбу с той частью русского народа, которая избрала путь активного, а не пассивного сопротивления большевикам, а потому наименее зараженные соблазном церковной «аполитичности» и в значительной мере освободившиеся от февралистских заблуждений.

В противоположность патр. Тихону, увлекавшему Церковь на ложный путь «аполитичности», т.е. молчаливого согласия с преступлениями большевиков, члены I-го Всезарубежного Собора осознали невозможность в условиях апостасии и торжества антихриста отделения политики от религии и заняли четкую исповедническую позицию. По итогам своей работы Собор принял «Тезисы против социализма», осуждающие последний как лже-учение, исповедание которого несовместимо с христианством, а также два исключительно важных Послания: «Чадам Русской Православной Церкви, в разгоне и изгнании сущим», в котором впервые после Февраля православный народ призвался молиться о возвращении на «всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых», и «К Мировой конференции» в Генуэ, в котором Собор призвал представителей держав, собравшихся на генуэзскую конференцию, не признавать законной советскую власть и помочь русской эмиграции оружием и добровольцами, чтобы «изгнать большевиков — этот культ убийства, грабежа и богохульства — из России и всего мира».

Российская Православная Церковь исповедует, что в отличие от так называемого Всероссийского Поместного собора 1917-1918 г.г. I-й Всезарубежный Русский Церковный Собор (Карловацкий Собор), высказавшись о безусловной необходимости для Церкви восстановления Престола православных Царей из Дома Романовых, выразил соборное мнение всей полноты Поместной Русской Церкви по этому вопросу. Своим Посланием Собор фактически подтвердил клятву 1613 года, поэтому никто из членов Российской Православной Церкви не может под страхом отлучения проповедовать необходимость пересмотра этого решения и желать иного Царя, кроме как из Дома Романовых, если только этот последний в полном составе не отречется от святой православной веры.

Российская Православная Церковь исповедует, что I-й Всезарубежный Русский Церковный Собор в вопросе об абсолютном непризнании советской власти вплоть до возможности её вооруженного свержения действовал в духе провозглашенной ранее Церковью анафемы на советскую власть и выразил собой соборное мнение всей полноты Русской Церкви по этому вопросу.

Принятые I-м Всезарубежным Собором решения прошли не без борьбы. «Аполитичное» меньшинство Собора во главе в архиеп. (впоследствии митрополитом) Евлогием (Георгиевским) письменно осудило призыв к восстановлению на всероссийском Престоле законного православного Царя. Ничего не сказал Собор и по важнейшему вопросу о Февральском грехе, без покаяния в котором переход участников Собора, поголовно виновных в этом грехе, на монархические позиции был нравственно безцельным. Поэтому решения Карловацкого Собора носили половинчатый характер.

Призывы I-го Всезарубежного Собора получили осуждение патр. Тихона, всё более склонявшегося с концом Гражданской войны к «аполитичности» и малодушным

компромиссам со злом, принявшим политическое обличье. Основываясь на своем Послании от 25 сентября/8 октября 1919 г. о невмешательстве Церкви в политику патр. Тихон совместно с Синодом и ВЦС издал Постановление № 348 от 22 апреля/5 мая 1922 г. о неканоничности Карловацкого Собора и незаконности принятых им «политических» решений. Постановление также требовало распустить заграничное ВЦУ, а его членов привлечь к церковной ответственности.

Российская Православная Церковь исповедует, что Постановление патр. Тихона и ВЦУ № 348 от 22 апреля/5 мая 1922 г., независимо от того, было ли оно принято патриархом добровольно или под давлением антицерковных сил, является неканоничным, так как не находит своего обоснования в учении Святой Православной Церкви, Ея Священном Писании и Предании. Никто из причисляющих себя к Поместной Русской Церкви не вправе обосновывать свои убеждения и свое каноническое положение ссылкой на это Постановление.

В момент принятия Постановления № 348 патр. Тихон находился в сложном положении. Избранный им путь «аполитичности», т.е. путь поиска компромисса между добром и злом, вел в заведомый духовный тупик, поскольку промежуточного положения между добром и злом не существует. Патриарх растрачивал свои силы в борьбе с набиравшим силу обновленческим движением, проповедавшим тождественность интересов Церкви и советской власти, с зарубежной частью Церкви, проповедавшей их полную непримиримость, и с самой советской властью. В подобном духовном тупике находились и идейные сторонники патр. Тихона зарубежом – митр. Евлогий, еп. Вениамин (Федченков) и др., громогласно заявлявшие о своей «аполитичности», т.е. желании найти средний путь между отступничеством от Христа и исповедничеством за Христа.

Большинство заграничного ВЦУ, занимавшее исповедническую позицию, отвергло предложение митр. Евлогия безоговорочно подчиниться Постановлению № 348 и постановило его не исполнять. Однако, не желая идти на прямой разрыв с патр. Тихоном, заграничные архиереи формально выполнили его волю и закрыли ВЦУ, но одновременно «в целях сохранения правопреемства Высшей Церковной власти» создали на его месте Заграничный Архиерейский Синод РПЦ с равными ВЦУ правами. Вскоре он был преобразован в Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Фактически с момента выхода Постановления № 348 между заграничной и российской частями Поместной Русской Церкви сохранялось только духовное, но не административное единство, т.к. все постановления Высшей церковной власти в России стали выполняться заграничными архиереями постольку–поскольку, а через некоторое время Высшая церковная власть в России и вовсе прекратила свое существование.

Российская Православная Церковь исповедует, что после выхода Постановления № 348 патр. Тихона Высшая церковная власть в России потеряла свободу в принятии своих решений и возможность полноценно осуществлять свои функции. С этого момента единственным каноническим органом Высшего церковного управления в Русской Церкви остался только Архиерейский Синод РПЦЗ.

Добившись от патр. Тихона издания Постановления № 348 большевики немедленного его арестовали. Арест патриарха открыл новый этап борьбы коммунистов-сатанистов с Церковью Христовой. До сих пор они использовали только один способ борьбы с Ней – неограниченный террор, однако, в конце концов, убедились, что уничтожить Церковь одними репрессиями невозможно и, более того, они укрепляют Ея дух, а пролитая кровь мучеников делает Её непобедимой. Бесперспективность пути голого насилия стала понятна наиболее пронизательным вождям большевиков. Тогда

сатанинский дух, руководивший этими людьми, подсказал им новое решение проблемы: создать из церковных ренегатов подделку под Церковь, советскую лже-церковь, которая, оставаясь по видимости православной, в действительности служила бы не Христу, а *антихристу*.

Созданием такой лже-церкви большевики и их возглавитель диавол достигали сразу нескольких целей:

1) при наличии политически лояльной лже-церкви, официально признанной антихристовой властью, террор против истинной Церкви удалось бы представить не как преследование за Христа, а как преследование за политические или даже уголовные преступления;

2) всех обращающихся ко Христу и ищущих Церковь удалось бы, пользуясь внешним сходством лже-церкви с Церковью, захватить в сети лже-церкви и там погубить.

3) недовольных советской властью верующих удалось бы, используя власть и авторитет иерархии лже-церкви, принудить к покорности *антихристу* и заставить служить советской власти не за страх, а за совесть;

4) через проповедь явной лжи служителями лже-церкви удалось бы в людях, ищущих истины, подорвать всякое доверие к слову Церкви и вере в Бога вообще;

5) прикрываясь своим саном служители лже-церкви смогли бы заниматься в зарубежных христианских странах шпионажем в пользу советской власти и выполнять там роль её агентов без риска быть заподозренными.

Организация лже-церкви из ренегатов и отступников поначалу не представлялась большевикам трудной задачей, т.к. подавляющее большинство духовенства, приветствовавшего Февральскую революцию как богоугодное дело, было готово к сотрудничеству с советской властью и признанию её властью от Бога. Поэтому уже летом 1922 г., после арестов и ссылок всех несогласных во главе с патр. Тихоном, большевикам удалось привести к власти в Церкви так называемую обновленческую группировку, которая сформировала Высшее церковное управление (ВЦУ), объявившее о созыве Второго Поместного собора. Целью этого собора было проведение внутрицерковной революции и организационное оформление лже-церкви на платформе советской власти.

Однако большевики просчитались. Хотя им и удалось обеспечить признание обновленческого ВЦУ большинством епископата и клира, а также восточными патриархами, но привлечь на сторону ВЦУ церковный народ и патр. Тихона они не смогли. Широкие массы церковного народа не желали внутрицерковной революции и разрушения канонического строя Церкви, намеченного обновленцами (женатый епископат, второбрачие духовенства, отмена постов, монашества, новый стиль в богослужении и т.п.). Вокруг патриарха сплотилась та часть верующих, которые в Феврале 1917 г. приветствовали революцию в государстве, но не желали революции в Церкви.

В таких условиях замысел большевиков потерпел крах. Решения обновленческого собора 1923 г. церковными массами игнорировались, а после выхода патр. Тихона из заключения и анафематствования им ВЦУ начался массовый отход от обновленцев епископата и клира. Архиерейский Синод РПЦЗ, оставшийся к тому времени единственным каноническим органом Высшей церковной власти, также не признал обновленцев и их лже-собор 1923 г. Церковь по-прежнему управлялась по канонам, а не по инструкциям Политбюро и ГПУ. Превратить Её в лже-церковь не удалось.

Сатанинская советская власть вынуждена была начать всё сначала. Причину своей неудачи большевики объяснили тем, что обновленцам не удалось соблюсти главного условия – предельно возможного внешнего сходства лже-церкви с Церковью. Обновленческая подделка оказалась слишком грубой. Не получилось у обновленцев и

привлечь на свою сторону первого епископа – патр. Тихона, а это при иерархической структуре Церкви обрекало на неудачу практически все их начинания.

Поэтому на ближайшие годы главной задачей советской власти стали поиск и поставление во главе Церкви каноничного епископа, который бы согласился выполнять все инструкции ГПУ и сумел бы сделать Церковь придатком советской государственной машины без видимого искажения канонических и догматических форм Церкви.

На содействие патр. Тихона большевики рассчитывать уже не могли, более того, в сложившихся условиях он становился им помехой. 25 марта/7 апреля 1925 г. патр. Тихон, фактически к тому времени уже не контролировавший ход церковной жизни, скончался при загадочных обстоятельствах, не исключая возможности предумышленного убийства. Согласно решению собора 1917-18 г.г., назначившего патриарху на случай его кончины или ареста трех Местоблюстителей, преемником патр. Тихона стал единственный из находившихся на свободе Местоблюстителей митр. Петр (Полянский). Каноническая власть митр. Петра была признана большинством православного епископата в России, однако Архиерейский Синод РПЦЗ продолжал управляться независимо от митр. Петра, хотя его имя и возносилось за богослужениями как Местоблюстителя и фактического Первоиерарха.

Попытки большевиков использовать митр. Петра для своих целей окончились полной неудачей. Он оказался гораздо тверже патр. Тихона и не шел ни на какие соглашения с советской властью. Предложенный ему проект «легализации» Церкви, означавший полную подконтрольность Церкви большевикам, он отверг. Обновленческий раскол он также не признавал и на примирение с ним не шел. Большевикам ничего не оставалось, как арестовать и митр. Петра. 27 ноября/10 декабря 1925 г. он был взят под стражу, успев перед арестом составить свое завещание, в котором указывал имена трех своих заместителей: митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Михаила (Ермакова), экзарха Украины, и архиепископа Иосифа (Петровых). Это распоряжение митр. Петра являлось неканоничным, поскольку каноны не предусматривают такого способа передачи властных полномочий – «по завещанию». При невозможности Первоиерарху осуществлять свои функции его власть никому не завещается, а временно прекращается, и епископы осуществляют самостоятельное управление своими епархиями в соответствии с Указом № 362 от 7/20 ноября 1920 г.

Российская Православная Церковь исповедует, что с арестом митр. Петра (Полянского) прекратилось каноническое преемство Первоиераршей власти в России. Отныне все функции Высшей церковной власти сосредоточились в Архиерейском Синоде РПЦЗ, а его председатель стал фактически временным Первоиерархом Поместной Русской Церкви, осуществляющим свои полномочия впредь до созыва Поместного Собора под скипетром Православного Царя, которым он и возглавляемый им Синод будут обязаны дать отчет в своей деятельности.

Неканоничное завещание митр. Петра создало окончательную неразбериху в церковном управлении, весьма выгодную большевикам. Помимо назначенного митр. Петром митр. Сергия на первоиераршную власть претендовали ещё два человека: вернувшийся из ссылки митр. Агафангел (Преображенский), один из Местоблюстителей патр. Тихона, и самовыдвиженец архиеп. Григорий (Яцковский), объявивший о создании Временного Высшего Церковного Совета под предлогом невозможности митр. Сергию приехать в Москву. Оживились и деятели обновленческого раскола, на своем соборе осенью 1925 г. вторично предложившие свои услуги советской власти. При этом ни один из претендентов на высшую церковную власть не имел канонически безупречных прав на управление Церковью.

Первоначально большевики сделали ставку на архиеп. Григория, однако, вскоре выяснилось, что он не обладает должным авторитетом в церковной среде. Тогда их

внимание привлек митр. Сергей, видный деятель обновленческого раскола, опрометчиво принятый патр. Тихоном в общение и столь же опрометчиво назначенный митр. Петром своим заместителем. Но митр. Сергей пожелал вести с чекистами двойную игру, подготавливая тайные выборы самого себя в патриархи, что совершенно не понравилось ГПУ. В начале декабря 1926 г. митр. Сергей был арестован. В управление Церковью вступил митр. Иосиф (Петровых), следующий из указанных в завещательном распоряжении митр. Петра заместителей Местоблюстителя. О непримиримости и исповеднической стойкости митр. Иосифа большевикам было хорошо известно, поэтому они даже и не пытались его обрабатывать. 16/29 декабря 1926 г. был арестован и митр. Иосиф, успевший незадолго до ареста назначить трех своих преемников, из которых в управление Церковью смог вступить только архиеп. Серафим (Самойлович).

Теперь со своим предложением возглавить организацию лже-церкви большевики обратились к архиеп. Серафиму. Однако последний не только ответил им отказом, но и поставил большевиков в тупиковое положение, не назначив себе на случай ареста никаких заместителей. По его собственным словам он «оставил Церковь на Господа Бога». Фактически такое решение первого епископа означало переход Церкви к децентрализации управления, а в условиях децентрализации замысел большевиков о создании лже-церкви становился неосуществимым.

Российская Православная Церковь исповедует, что в условиях изоциренных гонений, сочетающих террор с организацией поддельной церкви, переход на децентрализованное управление является единственным каноническим способом существования Церкви. Впредь до прекращения гонений не существует канонических оснований для учреждения центральной церковной администрации, и любая центральная администрация, созданная в таких условиях и признанная гонителями, является учреждением антихристовым.

Между тем, деятельность зарубежной части Русской Церкви всё более раздражала большевиков. Архиерейский Синод РПЦЗ пребывал на территории православной Сербии под защитой православного Государя – короля Югославии Александра I, поэтому никакой возможности влиять на Синод и тем более контролировать его деятельность большевики не имели. О репрессиях и терроре речи и вовсе быть не могло. Без подчинения же Синода РПЦЗ антихристовой власти задача уничтожения Русской Церкви, поставленная большевиками, являлась неразрешимой.

В таких условиях у советской власти оставался только один способ борьбы, к которому она и прибегла, – агентурная работа в среде русской эмиграции и организация церковных расколов. Наиболее удобным полем такого рода деятельности являлась Франция, руководимая злейшими врагами христианства иудео-масонами и известная своими прокоммунистическими симпатиями. Если учесть, что наиболее слабое звено в зарубежном епископате – «аполитичный» митр. Евлогий постоянно пребывал в столице Франции Париже, то насытить западно-европейскую епархию своей агентурой и организовать первый раскол большевикам удалось сравнительно легко. В 1926 г. митр. Евлогий, наущаемый этой агентурой, объявил неканоничным существование Архиерейского Синода РПЦЗ, порвал с ним общение и перешел на самоуправление с подчинением непосредственно Москве. В ответ Архиерейский Синод РПЦЗ запретил митр. Евлогия в священнослужении, чему последний не подчинился, образовав собственный евлогианский раскол.

Идейной и духовной основой евлогианского раскола стали идеология «аполитичности» и либерально-масонское истолкование христианства деятелями так называемого «Богословского института» в Париже, на которых опирался митр. Евлогий. Не малую роль сыграли и деньги международного масонства, в финансовую зависимость к которому попал митр. Евлогий, стремясь поправить материальное положение своей

епархии. Митр. Евлогий открыто проповедовал необходимость для русского человека «умереть в политико-национальном отношении», т.е. превратиться из русского православного человека в христианина-космополита, лишённого национального чувства. Необходимость такого превращения, согласно евлогианам, якобы вытекает из вселенского характера православия. По сути, деятели евлогианского раскола занимались омасониванием православного христианства. «Аполитичность» митр. Евлогия и его духовенства, как и следовало ожидать, также оказалась односторонней. На деле она свелась к осуждению вооружённой борьбы с большевиками и к горячему стремлению любой ценой примириться с советской властью, т.е. с *антихристом*. Это намерение не удалось осуществить только из-за нежелания самой советской власти мириться с евлогианами. В итоге митр. Евлогий со своими последователями перешёл под омофор Константинопольского патриарха-масона, и в дальнейшем эта группа утратила даже внешние признаки русского православия.

Российская Православная Церковь исповедует, что евлогианский раскол представляет собой безблагодатную структуру, входящую в состав мировой системы масонских организаций, которая исповедует еретическое либерально-модернистское христианство и полностью порвала с русской православной традицией как внутренне, так и внешне. Принадлежащие к евлогианскому расколу принимаются в состав Российской Православной Церкви по чиноприему из обновленчества.

Между тем, в России после отказа архиеп. Серафима назначить себе преемника большевики пребывали в замешательстве. План создания лояльной «красной церкви» находился под угрозой срыва. При аресте архиеп. Серафима цепочка заместительства прерывалась, а поручить организацию лже-церкви малоавторитетному иерарху, не имеющему преемства с патр. Тихоном, большевики не могли. Требовался именно авторитетный и канонически неоспоримый епископ. В поисках такого епископа большевики вернулись к началу цепочки и последовательно обратились с предложением организовать лже-церковь к двум Местоблюстителем патриаршего престола, стоявшими в завещании патр. Тихона выше митр. Петра, – митр. Агафангелу и митр. Кириллу (Смирнову), однако получили категорический отказ и этих иерархов. Казалось, борьба большевиков с Церковью зашла в полный тупик.

Но в этот критический для советской власти момент она получила помощь с совершенно неожиданной стороны. Свои услуги по созданию лже-церкви предложил большевикам находящийся в заключении митр. Сергей (Страгородский). Каким образом во время тюремного заключения произошло превращение бывш. митрополита в хриstopродавца и богоотступника, поставившего себя на службу сатане, установить точно невозможно, но 7/20 марта 1927 г., в 10-ю годовщину приказа Временного правительства об аресте Государя Императора Николая II-го, митр. Сергей освободился из-под ареста и объявил о возвращении себе полномочий Первоиерарха.

Деятельность митр. Сергея после выхода из тюрьмы протекала при полной её поддержке советской властью. Митр. Сергей получил право жить в Москве (чего ему не позволялось до ареста), созвал в Москве при содействии властей Синод, который он составил из таких же бывших обновленцев, как и он сам, и агентов ГПУ в рясах, и 7/20 мая, через два месяца после своего освобождения, зарегистрировал свой Синод в НКВД.

Быстрота и решительность действий митр. Сергея показали, что он сознательно осуществляет хорошо продуманный план, конечная цель которого превратить Церковь в послушный придаток советского государственного аппарата. Ничем другим нельзя было объяснить всестороннее содействие большевиков митр. Сергию. План митр. Сергея и ГПУ предусматривал следующие мероприятия:

1) издание от имени всей Церкви послания или декларации с объявлением общности интересов Церкви и советского государства;

- 2) установление полного контроля большевиков над составом епископата и церковного клира с удалением оттуда всех неугодных советской власти;
- 3) осуждение и отлучение от Церкви заграничного духовенства, выступающего против советской власти;
- 4) содействие Церкви проведению внешней и внутренней политики большевиков.

Последовательное и полное осуществление этих мероприятий превращало Церковь в структурное подразделение большевицкого государства наподобие одного из его наркоматов. Однако митр. Сергей в своем стремлении услужить *антихристу* шел гораздо дальше самых смелых пожеланий советской власти. Если последняя хотела лишь сделать из Церкви орудие своей внутренней и внешней политики, подобное ГПУ или профсоюзам, то митр. Сергей вслед за обновленцами стремился к большему – осуществлению «симфонии» между Церковью и советским государством по образцу дореволюционной России. Излишне говорить, что такая симфония могла осуществиться только или в случае превращения советской власти в православное Самодержавие, или в случае превращения православной Церкви в советскую лже-церковь – церковь *антихриста*. Поскольку митр. Сергей не мог не понимать невозможность самоликвидации советской власти, то не подлежит никакому сомнению, что он стремился именно к превращению Церкви Христовой в антихристову структуру и делал это совершенно сознательно. Осатанение митр. Сергия в этом вопросе было настолько глубоким и полным, что даже сама сатанинская советская власть оценила по достоинству его замысел лишь полтора десятка лет спустя, во время Второй Мировой войны.

Свои еретические антицерковные идеи митр. Сергей изложил и объявил общеобязательными для членов Церкви в печально знаменитом «Послании» от 16/29 июля 1927 г. больше известном под именем Декларации о лояльности советской власти. (См. Приложение № 2). Опубликованием Декларации началось открытое осуществление плана по созданию красной лже-церкви, разработанного ГПУ совместно с митр. Сергием.

Декларация представляла собой своеобразный катехизис новоявленной сергианской ереси. Митр. Сергей вместе со своими сообщниками из самозванного «Синода» обещал большевикам «показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством».

Советское государство и советское правительство были учреждениями антихристовыми, как в силу характера их деятельности (откровенно богоборческой), так и в силу наложенной на них Церковью в 1918 г. анафемы. Врагами этого государства и его правительства в силу тех же причин являлись Христос Господь и Его Святая Церковь. Таким образом, заявление митр. Сергия о единстве с «нашим правительством» означало, что он больше не со Христом и Его Церковью, а с *антихристом* и его слугами, ведущими войну против Церкви Христовой. Митр. Сергей не просто складывал оружие перед антихристом, объявляя себя «аполитичным», но он отрекался от Христа и Его Святой Церкви и переходил в лагерь их осатанелых врагов.

Поблагодарив антихристову власть «за внимание к духовным нуждам Православного населения» (выразившееся в лютых гонениях), митр. Сергей поставил перед своими последователями задачу «не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его». Согласно Сергию православные христиане должны «сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». При таком своеобразном понимании православия, отождествляющим Христа и *антихриста*, «всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-

нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому» должен сознаваться православными «как удар, направленный в нас».

Упоминание «варшавского убийства» как нельзя лучше раскрывало истинные намерения митр. Сергия и цель изданной им Декларации. В июне 1927 года на вокзале г. Варшавы русский патриот Борис Коверда в упор (а не «из-за угла») застрелил видного большевика Петра Войкова (Пинхуса Вайнера), одного из организаторов и участников убийства св. Царя-Мученика Николая II и его Семьи. В то время как православное сознание расценило этот поступок как казнь цареубийцы и справедливое возмездие палачу, митр. Сергей отнес его в разряд преступлений против Церкви. Отсюда следовало, что под «Церковью» митр. Сергей в отличие от православных христиан понимает вовсе не Дом Божий, а антихристову структуру, являющуюся составной частью безбожного советского государства. Если учесть, что убийство Царя-Мученика имело и глубокий мистический смысл, как убийство Помазанника Божия, и что это убийство было духовной первоосновой и фундаментом антихристовой власти, то становилось ясно, что своей Декларацией митр. Сергей заявлял не просто о внешней покорности советскому режиму, а о действительно глубинном и мистическом соединении с ним.

Российская Православная Церковь исповедует, что бывший митр. Сергей (Страгородский) является родоначальником новой сергианской ереси, сущность которой он наиболее полно изложил в своей Декларации 1927 г. Декларация призвала православных отождествить интересы антихристовой власти с интересами Церкви, причем сделать это не по принуждению, а с полным убеждением. Сергианская ересь требует от своих последователей служить *антихристу*, именно так как христианин служит Христу – всем сердцем, всей душой, всем помышлением, всеми чувствами. Иными словами, духовная сущность сергианской ереси состоит во внутренней подмене христианства антихристианством и Церкви антицерковью при сохранении внешней православности.

Богословское обоснование своей ереси митр. Сергей попытался отыскать в учении Церкви о власти и в догмате о самой Церкви. Извращенно толкуя слова Ап. Павла о богоустановленности института власти (Рим. 13:1–8), митр. Сергей и его последователи – сергиане стали утверждать, что любая государственная власть установлена Богом и ведет свое происхождение от Него. Не составляет, якобы, исключения и сатанинская советская власть, которой члены Церкви также должны повиноваться «не из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13:5). Сам Сергей, однако, и в этом вопросе шёл гораздо дальше большинства сергиан. Фактически он стал исповедовать только советскую власть – богоустановленной, а все остальные власти – богопротивными. Эти свои убеждения он выразил в официальном указе № 549 от 8/21 октября 1927 г., в котором предписывал духовенству молиться за советские власти на богослужениях, и прекратить поминовение находящихся в заключении и сосланных православных епископов, как врагов советской власти, с которой Сергей объявил себя единым. С точки зрения сергиан, поменявших места Бога и сатану, этот указ был совершенно логичен, тогда как с точки зрения Церкви составители и исполнители этого указа попадали под анафему, навсегда лишаясь благодати и спасения.

Российская Православная Церковь исповедует, что после издания Указа № 549 от 8/21 октября 1927 г. бывший митр. Сергей (Страгородский) и все, принявшие этот Указ к исполнению, отпали от Святой Православной Церкви, а совершаемые ими богослужения сделались безблагодатными и стали мерзостью в очах Божиих. Совершители и участники таких кощунственных «богослужений» находятся под анафемой Святой Церкви 1918 г. и в церковном отношении приравниваются к представителям антихристовой власти, за которую они возносят свои молитвы.

Усвоение митр. Сергием сергианской ереси привело не только к извращению учения Церкви о власти, но и к новоявленному учению о самой Церкви, совершенно искажающему соответствующий православный Догмат. Митр. Сергей стал исповедывать еретическое учение о том, что Церковь по существу будто бы ничем не отличается от обычной человеческой организации. Ересиарх фактически отождествил Церковь с аппаратом её управления, а себя как временного главу этого аппарата – с главой Церкви. Заместив таким образом подлинного Главу Церкви – Господа Иисуса Христа, митр. Сергей стал любое непослушание себе трактовать как противление Церкви и ощутил потребность взять на себя дело «спасения Церкви», которое всецело принадлежит Господу. Под «спасением Церкви» митр. Сергей и его последователи, усвоившие сергианскую ересь, стали подразумевать сохранение в целостности аппарата управления церковной организацией и свое личное самосохранение как членов этой организации. Поскольку последнего можно было добиться лишь путем соучастия во всех преступлениях большевиков и, прежде всего, в их всеохватной лжи, то сергиане стали утверждать необходимость и даже спасительность лжи, проповедуя неизвестный Церкви «подвиг лжи» и приравняв его к подвигу мученичества. Соответственно и нравственные муки, которые доставляет человеку ложь и соучастие в ней, Сергей и сергиане объявили равнозначными страданиям мучеников и исповедников за Христа, а свое насквозь пролганное существование – «безкровным мученичеством».

Российская Православная Церковь исповедует, что бывший митр. Сергей (Страгородский), являясь еретиком-антицерковником, создал лишенную благодати Святаго Духа лже-церковную организацию, которую он стал нечестиво именовать «Церковью». Фундаментом этой организации и способом её существования стала духовная и фактическая ложь, отцом которой является диавол. Таким образом, созданная Сергием и сергианами организация является сатанинской, и её единение с сатанинской властью *антихриста* является не вынужденным, а совершенно естественным и глубоко закономерным.

После опубликования Декларации митр. Сергей перешел к выполнению следующих пунктов своего плана создания лже-церкви, согласованного с ГПУ. Первые месяцы ушли у Сергия на подбор послушной и угодной чекистам иерархии. Декларация была разослана на места, и каждый епископ и священник, отказавшийся её принять и дать соответствующую подписку в ГПУ, увольнялся Сергием на покой или за штат, а в случае упорного сопротивления запрещался в служении. ГПУ через некоторое время арестовывало такого человека. Если ГПУ производило арест по своей инициативе, то Сергей, демонстрируя общность своих радостей с большевиками, немедленно объявлял арестованного не только «врагом народа» но и врагом Церкви, лишал его всех прав и запрещал о нем молиться. Освободившиеся места Сергей заполнял новыми людьми, во всеуслышание выразившими готовность следовать принципам Декларации. Таким образом, через достаточно непродолжительное время митр. Сергей сформировал кадровый состав своей лже-церковной организации и организовал собственную лже-иерархию. Завершением этого процесса стал факт присвоения Сергием полномочий митр. Петра (Полянского) и игнорирование всех распоряжений последнего.

Группы епископов, духовенства и мирян из разных епархий пробовали обращаться к Сергию с просьбами и протестами, стараясь вразумить заблудшего собрата и отвратить его от погибельного пути. Однако митр. Сергей не обращал никакого внимания на протесты, подвергал репрессиям протестующих и продолжал свою церковно-разрушительную работу. Тогда лучшие представители епископата Российской Церкви признали необходимым отсечь от тела церковного гнилой сергианский член в виду его явной неисцелимости и порвали всякое общение с ересиархом, объявив его находящимся в расколе с Русской Церковью.

Отошедшие от Сергия и сергиан не имели по причине разрушения церковного управления административного единства, однако сохранили единство духовное и молитвенно-евхаристическое общение. Для отличия от еретика Сергия, его последователей и приверженцев, продолжавших именовать себя «православными», а свое нечестивое собрание «православной церковью», отошедшие от Сергия члены Церкви стали называть себя **истинно-православными христианами (ИПХ) или Истинно-Православной Церковью (ИПЦ)**. Духовно и церковно ИПХ объединялись вокруг наиболее авторитетных архиереев, называя себя также по имени или фамилии своих епископов. Наибольшую известность приобрели последователи митрополита Петроградского Иосифа (Петровых), называвшие себя «иосифлянами», и это именование со временем сделалось равнозначным именованию истинно-православные христиане.

Между тем, митр. Сергей во исполнение планов ГПУ, но и следуя своим еретическим убеждениям, отождествляющим *антихриста* и Христа, потребовал от заграничного русского духовенства дать письменное обязательство о полной и безоговорочной «лояльности» в отношении антихристовой власти в духе изданной Декларации. Сергей требовал от зарубежных епископов и клириков прекратить «монархическую пропаганду», т.е. отречься от союза Церкви с богоустановленной царской властью, и вместо этого заключить союз с богоборческой властью *антихриста*, признав ей предварительно властью от «Бога».

Глава евлогийского раскола «аполитичный» митр. Евлогий немедленно принял условия Сергия, продемонстрировав внутреннюю лживость своей «аполитичности» и антихристианскую сущность своего раскола. Однако высшая церковная власть – Архиерейский Собор РПЦЗ отвергла требования Сергия как превращающие Церковь, в случае их исполнения, в заграничный филиал ГПУ. Одновременно Архиерейский Собор официально засвидетельствовал ставший очевидным факт разрушения канонического высшего церковного управления в России и объявил о самоуправлении заграничной части Русской Церкви. Тогда в мае 1928 года сергианский «Синод» объявил Архиерейский Собор и Синод РПЦЗ «упраздненными» и все их действия «отмененными». Практически с этого момента бывш. митр. Сергей (Страгородский), его сообщники и их последователи окончательно отпали от единства со Святой Соборной и Апостольской Церковью и образовали сергианский раскол.

Российская Православная Церковь исповедует, что после издания сергианским «Синодом» указа № 104 от 26 апреля/9 мая 1928 г. формально завершился процесс отпадения группы митр. Сергия (Страгородского) в раскол от Православной Российской Церкви. С этого момента Поместная Российская Церковь стала состоять из двух самоуправляющихся частей: зарубежной части, канонически управляемой Архиерейским Собором и Синодом РПЦЗ, и российской части, не имевшей административного единства и управляемой епископами, не признавшими Декларации Сергия и разорвавшими с ним каноническое, молитвенное и евхаристическое общение. Все сторонники Декларации и последователи митр. Сергия, как в России, так и за границей образовали сергианский раскол, духовно объединенный еретическим сергианским лже-учением и организационно оформившийся на основе созданной Сергием и ГПУ лже-церковной организации, получившей название «Московская патриархия» (МП).

Дальнейшие пути обеих частей Русской Церкви и сергианских раскольников имели свои особенности, знать которые необходимо для понимания последующей церковной истории.

В численном отношении наиболее многочисленным оказался сергианский раскол. За Сергием последовало свыше 80 % приходов «тихоновской» Церкви, но это были

худшие представители епископата, клира и мирян. В основном это были люди, глубоко пораженные февральским грехом, которые ещё с Февраля 1917 г. исповедывали Временное правительство властью «от Бога», затем отпадали в обновленческий раскол, и поэтому им нетрудно было примкнуть к сергианской формуле о «всякой власти от Бога» и включить сатанинскую советскую власть в список «богоустановленных». В сергиане по большей части попали и сторонники церковной «аполитичности» в духе патр. Тихона, полагавшие, будто для Церкви все виды власти равны. Эту ложную мысль в то время разделяли даже соловецкие епископы-исповедники, писавшие в 1926 г. Совнаркому о том, что «Церковь ... лояльна в отношении правительств всех стран» и «уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до республики Северо-Американских Штатов». Сергианами сделались вообще все малодуховные люди, имевшие формальное понимание Церкви и видевшие в Ней прежде всего организацию, а не духовный организм, и потому боявшиеся нарушить церковную дисциплину и разрушить организацию ради спасения организма. Ложная боязнь «устроить раскол» привела их всех как раз туда, куда они больше всего и опасались попасть – в сергианский раскол. Наконец, за Сергием потянулись откровенные шкурники и трусы, убоявшиеся грядущих гонений и из страха отказывавшиеся от исповедничества. Цементировала всю эту разношерстную и в целом безыдейную массу группа сознательных богоотступников, подобно Сергию целиком поставивших себя на служение сатане и сделавшихся агентами ГПУ.

Лучшие представители Русской Церкви оказались в рядах ИПХ и ИПЦ. Здесь мы находим всех трех патриарших Местоблюстителей, двух из трех заместителей Местоблюстителя, наиболее авторитетных архиереев и священников, доказавших свою верность Православию в период господства обновленчества и массовых арестов и ссылок духовенства. Некоторые практически сразу после Декларации, а другие с течением времени, по мере нарастания и усиления репрессий советской власти против истинно-православных, стали переходить на нелегальное положение, собираться и молиться тайно от властей, в потайных катакомбных храмах, почему постепенно за всеми ветвями и направлениями ИПХ и ИПЦ закрепилось общее название **Катакомбной Церкви**. Катакомбная Церковь существовала в исключительно тяжелых условиях непрекращающегося большевицкого террора, однако сумела не только сохранить канонический епископат, но и дать правильное решение церковных и духовных вопросов, являвшихся ключевыми после Февраля 1917 г.

Прежде всего, соборное сознание Катакомбной Церкви правильно определило эпоху, открывшуюся ниспровержением последней православной Империи, как эпоху непосредственной подготовки к воцарению *антихриста*. Советская власть квалифицировалась Катакомбной Церковью как власть *антихриста*, с которой Церковь Христова может находиться только в состоянии духовной и фактической войны.

Затем Катакомбная Церковь исповедала свое категорическое неприятие сергианства и красной лже-церкви, считая её сатанинской организацией и отрицая какую бы то ни было благодатность «таинств» сергианского духовенства, которое в глазах истинно-православных являлось «священниками сатаны». Катакомбная Церковь признала проповедуемое митр. Сергием лжеучение ересью и анафематствовала как саму эту ересь, так и её создателя.

Наконец, идеология Катакомбной Церкви являлась ярко выраженной монархической. Катакомбная Церковь полностью преодолела соблазн церковной «аполитичности», имевший широкое распространение в последние годы жизни патр. Тихона, и вернулась к той точке зрения, на которой всегда и стояла Церковь: православное Самодержавие является единственной богоустановленной и законной государственной властью, которая получает признание и поддержку Церкви. Никому, кроме православного

Царя, Церковь не обязана своей лояльностью, более того, Она должна всеми доступными средствами противодействовать любым попыткам ниспровергнуть самодержавную царскую власть и заменить её богопротивными политическими системами – таково было соборное сознание Катакомбной Церкви.

Российская Православная Церковь исповедует свое духовное, экклезиологическое и идеологическое единство с Катакомбной Церковью в вопросе об отношении к советской лже-церкви и в вопросе об отношении к государственной власти.

Российская Православная Церковь подтверждает анафему Катакомбной Церкви на митрополита Сергия, его последователей и всех, находящихся с ними в молитвенном и евхаристическом общении. Сила и действенность этого анафематствования вытекают как из факта изобретения митр. Сергием новой ереси антихристианства, так и из факта духовного, а затем и фактического слияния лже-церкви митр. Сергия с советским государством. Став частью советской тоталитарной машины, ещё одним «приводным ремнем от партии к массам» сергианская лже-церковь приняла на себя и анафему Православной Церкви 1918 г. на советскую власть и все её институты.

Российская Православная Церковь вслед за Катакомбной Церковью исповедует, что сергианская лже-церковь безблагодатна, она не имеет ни благодатных таинств, ни благодатного священства и епископства. Духовенство Московской патриархии является собранием богоотступников, подпавших под анафему Церкви Христовой наравне с Ея гонителями. Никто из членов Российской Православной Церкви не может отвергнуть экклезиологию Катакомбной Церкви без риска быть отсеченным от тела церковного и лишения спасительной благодати Духа Святаго.

Российская Православная Церковь в единении с Катакомбной Церковью исповедует своим государственным идеалом неограниченную монархию, всецело поддерживающую Православную Церковь и опирающуюся на Неё.

Если Катакомбная Церковь перед лицом лютых гонений быстро сумела духовно и идейно сплотиться и дать правильные ответы на важнейшие церковные вопросы, то положение второй части Русской Церкви – РПЦЗ было более сложным. В отличие от России, где гонения естественным образом освободили Катакомбную Церковь от идейных февралистов и церковных революционеров, а также от людей маловерных, духовно нетвердых, теплохладных и двоедушных, (все такие поспешили к обновленцам или под сергианский «омофор»), то ряды РПЦЗ были переполнены такого рода людьми. Ещё вчера равнодушные к Церкви, они, лишившись Родины и под впечатлением пережитого, потянулись к Церкви, но с самыми смутными понятиями о православии. Эти деятели под лозунгом «Церковь вне политики» подвергали ожесточенной критике линию I-го Всезарубежного Собора на восстановление монархии и принципиальную позицию Архиерейского Синода РПЦЗ в отношении Декларации митр. Сергия. Они же оказали и массовую поддержку митр. Евлогию при организации раскола, который без этой поддержки снизу едва ли смог бы состояться.

Однако благодаря твердости тогдашнего Председателя Архиерейского Синода РПЦЗ митр. Антония (Храповицкого) РПЦЗ сохранила верность курсу I-го Всезарубежного Собора в монархическом вопросе. 31 августа (13 сентября) 1929 г. митр. Антоний выпустил «Воззвание к православным русским людям», в котором, ссылаясь на клятву Дому Романовых 1613 г., признал Великого Князя Кирилла Владимировича Императором Всероссийским и призвал к повиновению ему как законному Государю всех членов Церкви. При всей спорности притязаний Великого Князя Кирилла на Престол это был принципиальный шаг со стороны митр. Антония, т.к. во время Гражданской войны и

после неё он признавал власть Главнокомандующего Русской Армией ген. П.Н Врангеля, т.е. власть февральского происхождения. Таким образом, впервые после Февраля Русская Церковь в лице Ея фактического Первоиерарха вновь официально объявила о своей неразрывной связи с царствующим Домом Романовых во исполнение клятвы 1613 г.

Другим важным шагом РПЦЗ на путях преодоления наследия революции стало церковное осуждение масонства, как антихристианского движения, бывшего главной действующей силой всех антимонархических революций в Европе, включая и Февральскую революцию 1917 г. в России. 15/28 августа 1932 г. Собор Архиереев РПЦЗ специальным Окружным посланием признал масонство сатанинским лже-учением, прямо указал на масонов как на виновников разрушения российской монархической государственности, а затем и духовного растрепания русской эмиграции, и признал принадлежность к масонским структурам несовместимой с принадлежностью к Церкви Христовой. Собор епископов РПЦЗ призвал паству не иметь ничего общего с масонами, а духовенство сверх того вести с масонством решительную борьбу.

Российская Православная Церковь исповедует, что Окружное послание Собора архиереев РПЦЗ от 15/28 августа 1932 г., осуждающее масонство, выражает собой соборное мнение всей полноты Поместной Российской Церкви и обязательно для всех членов Российской Православной Церкви. Участие в масонских организациях и структурах и распространение масонских идей и лжеучений несовместимо со званием христианина и принадлежностью к Российской Православной Церкви. Виновные в таких действиях в случае упорного нераскаяния отлучаются от Церкви Христовой, а в случае раскаяния уже никогда не могут быть клириками Российской Православной Церкви.

Если в монархическом вопросе обнаружилось полное духовное единство двух частей Русской Церкви, то в вопросе об отношении к сергианской лже-церкви – Московской патриархии этого не наблюдалось. В отличие от Катакомбной Церкви, однозначно относившейся к МП как к безблагодатной структуре, РПЦЗ заняла в отношении сергиан половинчатую позицию. Архиерейский Синод РПЦЗ просто разорвал общение с «синодом» митр. Сергия по причине порабощения последнего безбожной властью, однако, не дал экклезиологического определения деяниям Сергия, не осудил его ни как раскольника, ни как еретика и не анафематствовал его лже-учения.

РПЦЗ продолжала считать Сергия законным Заместителем Местоблюстителя, в то время как Катакомбная Церковь давно уже лишила его права предстоятельства и считала отторгнутым от единства со Святой Церковью. Свой канонический спор с Сергием Архиерейский Синод РПЦЗ отдавал на суд будущего Поместного Собора, который должен был собраться после падения советской власти, т.е. неизвестно когда и неизвестно в каком составе. До этого момента Сергей и его раскольная группировка фактически продолжали считаться частью Русской Церкви, с которой у РПЦЗ временно нет общения, и эта двусмысленная позиция лишила Зарубежную Церковь должной стойкости в противостоянии советской лже-церкви и в дальнейшем привела к капитуляции перед ней. РПЦЗ решительно и быстро объявляла извергнутыми из Церкви и безблагодатными митр. Евлогия и его последователей или организатора американского раскола митр. Платона, но не сделала ничего подобного в отношении Сергия и сергиан, хотя совершаемое Сергием было поистине сатанинским делом.

Между тем, митр. Сергей, подавив с помощью чекистов организованное церковное сопротивление в России и наблюдая нерешительную и половинчатую позицию РПЦЗ, продолжал творить свои беззакония с ещё большей дерзостью.

2(15) февраля 1930 г., в самый праздник Сретения Господня Сергей по заданию ОГПУ и Политбюро ЦК ВКП(б) дал в Москве пресс-конференцию для иностранных журналистов, на которой заявил, что в С.С.С.Р. нет гонений на веру, что все

репрессированные священнослужители справедливо преследуются советской властью как политические преступники, а православные храмы, если и закрываются, то якобы по постановлению самих верующих. Столь безстыдной лжи и хулы на мучеников христианский мир не слышал со времен гонений Диоклетиана, и этой богохульной ложью Сергей однозначно поставил себя под анафему Святой Церкви (63-е правило VI Вс. Соб.).

За оказанную пропагандистскую услугу большевики расплатились с Сергием разрешением издавать «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП), который был использован бывшим митрополитом для дальнейшей хулы на мучеников и теоретической разработки основных положений сергианской ереси. Именно в ЖМП Сергей впервые обосновал «недействительность» (т.е. безблагодатность) таинств Катакомбной и Зарубежной Церквей, а также свое еретическое учение о Церкви.

14/27 апреля 1934 года Сергей совершил новое каноническое преступление. В этот день он захватил кафедру находящегося в ссылке митр. Петра и стал именовать себя «митрополитом Московским и Коломенским». При этом карманный сергианский «Синод» и признавшие Декларацию архиереи присвоили Сергию ещё и титул «Блаженнейшего», право ношения двух пангий и фактически объявили его Первоиерархом. Свой **грех самозванства** Сергей довершил тем, что два года спустя ещё при живом митр. Петре официально присвоил себе звание Местоблюстителя и вовсе прекратил помянуть митр. Петра за богослужениями.

Наконец, 9/22 июня 1934 г. Сергей исполнил давнее требование советской власти, которое она предъявляла еще патриарху Тихону: запретил в священнослужении заграничных русских епископов «как ослушников законного священноначалия и учинителей раскола». Актами от 14/27 апреля 1934 г. и 9/22 июня 1934 г. завершилось организационное оформление сергианского раскола. Отныне эта группа отпала от полноты Поместной Русской Церкви окончательно и безповоротно.

Однако в дальнейшем в отношениях между Сергием и советской властью, все указания которой ересиарх до тех пор выполнял безпрекословно, наступил кризис. Конфликт состоял в том, что глава сергианских раскольников стремился сделать свою структуру органичной частью безбожного советского государства, со всеми вытекающими отсюда правами и привилегиями, почему он «не на словах, а на деле» постоянно и доказывал свою «лояльность» большевикам и готовность служить сатанинской советской власти «не за страх, а за совесть». Однако тогдашние вожди большевиков и в первую очередь Сталин не оценили лакейской готовности и услужливости Сергия и решили, что «на данном этапе» советской власти не требуется не только Православная Церковь, но и сергианская лже-церковь. Агитационно-пропагандистские и агентурно-осведомительские функции последней, по мнению Сталина, вполне успешно выполняли уже существующие институты советского государства, как то: партия, комсомол, профсоюзы, НКВД и Союз воинствующих безбожников. Поэтому со второй половины 30-х годов политика большевиков по отношению к сергианской лже-церкви изменилась. Начались массовые закрытия сергианских церквей и аресты сергианских клириков, а в центральной администрации сергиан – «Московской патриархии» началась чистка по образцу чисток, проходивших в то время во всем партийном, советском и государственном аппарате.

В результате этих репрессий десятки, а возможно и сотни тысяч сергиан постигла участь истинно-православных христиан – они были убиты или сосланы в лагеря, а в «Московской патриархии» Сталин оставил на свободе только безусловно доказавших свою готовность служить *антихристу* не за страх, а за совесть – Сергия Страгородского и его ближайших подручных Алексея Симанского и Николая Ярушевича, а весь остальной сергианский епископат, служивший больше за страх, чем за совесть, также или уничтожил или посадил. Фактически в это время всех репрессированных сергиан постигла кара Божия за совершенное ими предательство Христа и своих бывших собратьев истинно-

православных христиан. Предатели сами себя лишили мученического венца, т.к. согласно программным установкам сергиан советская власть за веру никого не преследует, а справедливо карает только за преступления против «нашего народа и нашего правительства», поэтому все репрессированные большевиками сергиане являются с сергианской же точки зрения государственными и церковными преступниками.

Российская Православная Церковь исповедует, что все пострадавшие от советской власти сергиане поголовно являются предателями Православия и Христа, а потому не могут рассматриваться как мученики и исповедники за веру. В церковном отношении они должны быть приравнены к остальным жертвам сталинского террора 30-х годов из числа партийных, советских и государственных служащих. Все эти люди погибли, находясь под анафемой Церкви на советскую власть и её сотрудников, поэтому их кончину следует рассматривать как кару Божию за совершенное ими предательство Христа, Православной Церкви и русского народа. Если Новомученики и Исповедники Российские пострадали как воины Христовы, ратоборствующие с *антихристом*, то сергиане как жалкие лакеи *антихриста*, изо всех сил угождавшие ему, но так и не угодившие.

Между тем, советский террор против истинно-православных христиан продолжал усиливаться с каждым годом и достиг своей вершины в 1937 г. 27 сентября/10 октября этого года был расстрелян митр. Петр (Полянский), и его полномочия Местоблюстителя формально перешли к митр. Кириллу (Смирнову). Однако последний не только не мог их осуществлять, но даже не успел их и воспринять, поскольку 7/20 ноября 1937 г. он также был расстрелян. Вместе с ним был убит и один из заместителей Местоблюстителя митр. Петроградский Иосиф (Петровых), общепризнанный глава ИПЦ. Ещё раньше 27 октября/9 ноября мученически погиб ещё один заместитель Местоблюстителя архиеп. Серафим (Самойлович). Со смертью этих священномучеников в России больше не осталось ни одного архиерея, который мог бы, пусть и чисто формально, притязать на возглавление Русской Церкви. Отныне не только фактическим, но и каноническим Первоиерархом Русской Церкви становился председатель Архиерейского Синода РПЦЗ. После кончины в августе 1936 г. митр. Антония (Храповицкого) таковым был митр. Анастасий (Грибановский).

Российская Православная Церковь исповедует, что после 7/20 ноября 1937 г. российская часть Поместной Российской Церкви не только канонически, но и фактически лишилась своего главы. С этого момента Председатель Архиерейского Синода РПЦЗ стал первым епископом Поместной Русской Церкви не только в силу невозможности осуществления первоиерарших функций лицами, находящимися в России, но и по формально-каноническим основаниям.

Однако каноническое самосознание РПЦЗ было таково, что фактический переход первоиерарших прав к Председателю Синода РПЦЗ в то время не был осознан и осуществлен. РПЦЗ продолжала по инерции считать Россию административно-каноническим центром, тогда как со второй половины 30-х годов для этого не было уже никаких оснований, и отказывалась от вмешательства в церковные процессы на Родине, считая, что сфера деятельности РПЦЗ строго ограничена зарубежьем. Такая позиция облегчала работу узурпатору-еретику Сергию (Страгородскому), продолжавшему дерзко выдавать себя за Первоиерарха Русской Церкви и смущать умы не только в России, но и за границей. Между тем, силою обстоятельств именно Собор и Синод РПЦЗ делались средоточием церковной жизни Поместной Русской Церкви, и подтверждением этому стал созванный в августе 1938 г. в Сремских Карловцах II Всезарубежный Собор РПЦЗ.

II Всезарубежный Собор ознаменовал собой возвращение церковного сознания на дофевральские позиции и идейный разрыв с церковным феврализмом. Во многом этому способствовали то покровительство, которое неизменно оказывали Синоду РПЦЗ

благоверные югославские Государи Александр и Петр, и сама обстановка проживания русских изгнанников в православном королевстве, что сильнее всяких словесных аргументов действовало против февральских идей. Собор приветствовал глава Российского Императорского дома, а один из членов дома Романовых был среди участников Собора. Всё это разительно отличало II Всезарубежный Собор от революционного «Всероссийского Поместного Собора» 1917-18 г.г.

Главной практической задачей для всех православных русских людей Собор устами своего Председателя поставил «восстановление нашей поруганной и покрытой кровью России и потрясенной Русской Церкви». Для этого, прежде всего, необходимо было возродить в душе русского человека православное мировоззрение и вернуть в неё идеал Святой Руси. Важнейшим деянием Собора стало возвращение в Чин анафемы, положенный в Неделю торжества Православия, анафематизма о восстающих на Царскую власть, который был самочинно удален участниками так называемого «Всероссийского Поместного Собора». Итоги своей работы II Всезарубежный Собор выразил в двух замечательных посланиях «К Русскому народу в Отечестве страждущему» и «К Русской пастве в рассеянии сущей».

В послании «К русскому народу ...» Собор укреплял русских людей надеждой на близость крушения сатанинской власти в России, ибо когда Господь «видит, что беззаконник продолжает упорствовать в своем противлении, злоупотребляя Его милосердием, Он низлагает и сокрушает его Своею всемогущею силою и нет на земле никого, кто мог бы спасти нечестивого от Его карающей десницы», поэтому «в ожидании грозного небесного приговора над сынами беззакония будем мужественны и тверды», ибо неизвестно «кому принадлежит завтрашний день, и кто будет радоваться последним». Призывая русских людей в России не ослабевать в борьбе с *антихристом* и довести её до победы, Собор обещал им помощь в этой борьбе со стороны строителей Русской земли Смутного времени, которые, наблюдая повсеместное осквернение и разорение Святой Руси, «растерзали бы ризы своя, посыпали пеплом главу и, обращаясь к нам, грозно спросили бы нас, как спрашивали своих современников: "или вам, православные христиане, всё это нипочем"?». Собор напоминал православным и о подвиге новых мучеников Российских во главе с Царем-мучеником. «Жертва, принесенная ими, – говорило Послание, – была бы неоправданной, если бы мы не продолжали их великого подвига, подъятого за родную землю».

Это Послание, обращенное к русским людям на Родине, было полностью созвучно умонастроениям Катакомбной Церкви, которая также исповедывала не пассивное противостояние богоборческой власти, а активное сопротивление ей. В этом проявилось глубокое духовное единство двух частей Русской Церкви, одинаково понимавших, что перед лицом *антихриста* истинная Церковь Христова может быть только воинствующей. В антихристовы времена у истинного христианина, не желающего спастись бегством, остается лишь два возможных пути спасения: путь мученика за веру, побеждающего *антихриста* верностью Христу до смерти, и путь бойца христоролюбивого воинства, побеждающего *антихриста* и его слуг силою меча. Двойность путей борьбы вытекает из двойкой природы *антихриста*, являющегося как духовной, так и политической главой отвергнувшего Бога человечества. При этом предпосылкой успешности такой борьбы является глубина и искренность покаяния, ибо пришествие *антихриста* попускается именно за умножение беззакония и греха, и в первую очередь среди самих христиан.

Поэтому Собор помимо Послания «К русским людям ...» принял и Послание «К русской пастве ...», в котором этот призыв к покаянию прозвучал с особенной силой. Это Послание со всей определенностью указало, что задача восстановления России и Церкви не может быть решена без покаяния в том великом грехе, который и привел к катастрофе – февральском грехе измены Помазаннику Божию. Этот грех «лежит на всем Русском

народе, поскольку он является одним организмом» и сама «мученическая смерть Царской Семьи ... на совести не только тех, кто непосредственно участвовал в этом величайшем злодеянии, но и на всех нас, поскольку мы не приняли мер для того, чтобы уберечь Государя от руки преступных убийц». Собор призвал каждого русского человека «покаяться, не оправдывая себя, и усердно моля Бога о прощении сего великого греха себе и всему русскому народу». Вместе с покаянием русским людям надлежит молить Бога о возвращении «на престол Российский Своего Помазанника Православного Царя».

II Всезарубежный Собор проходил в условиях приближающейся Второй Мировой войны, которую усиленно и целенаправленно подготавливала мировая закулиса для закрепления итогов Первой Мировой войны. Великая война 1914-18 г.г., хотя и закончилась с выгодным для мирового иудео-масонства результатом (крушение трех крупнейших христианских монархий Европы; создание вместо православной России большевицкого С.С.С.Р., т.е. откровенной сатанократии; организация «еврейского очага» в Палестине; образование «Лиги Наций» – прообраза мирового правительства *антихриста* и др.), не решила главной задачи – уничтожение европейского христианства как такового, без чего строительство всемирной империи *антихриста* было невозможно осуществить.

Решить эту задачу мировая закулиса предполагала двояким способом:

- 1) духовно-нравственным разложением европейских народов изнутри, через постепенное привитие им жидомасонских ценностей вместо христианских, и
- 2) вторжением антихристовой Красной армии в Европу, когда разложение последней будет достаточно глубоким, и она уже не сможет оказать советской оккупации и последующему «красному террору» никакого серьезного сопротивления.

То есть использовалась схема, которую мировое иудео-масонство ранее уже задействовало при захвате России: на первом этапе духовное и идейное разложение, а затем вооруженное нападение, оккупация и истребление побежденных. При этом если в православной России иудео-масонские оккупанты натолкнулись на яростное сопротивление, то в Европе они рассчитывали обойтись «малой кровью», полагая, что бывшая христианская Европа, расслабленная демократией, развращенная еврейским капитализмом, а главное пораженная ересями католичества и протестантизма, не найдет в себе сил для борьбы. Однако иудео-масоны просчитались.

Европейские народы, поставленные перед выбором – без борьбы и в самое непродолжительное время подпасть под сатанинскую власть большевиков и жидомасонов, или выдвинуть силу, способную и желающую вступить с ними в решительную борьбу, – сумели найти в себе волю к сопротивлению и решили защищать христианские ценности старой Европы. Такой силой, принявшей вызов антихристианского иудео-масонства и его передового отряда советского большевизма, стало европейское фашистское движение. Наибольший размах фашистское движение приобрело в Германии, где оно приняло форму национал-социализма, объявившего себя смертельным врагом еврейства, большевизма и либерально-масонской демократии, т.е. трех основных источников разложения христианской Европы, восходящих к общему первоисточнику – сатане.

Исключительные успехи фашизма в ряде стран Европы фактически сорвали иудео-масонский план порабощения Старого Света «малой кровью». Особенно это стало ясно после открытого вооруженного столкновения в Испании, где интернациональный иудео-большевизм, получавший всестороннюю помощь от С.С.С.Р. и мировой закулисы, был разбит национально-христианским фашизмом. После разгрома красной Испании вожди мирового иудео-масонства поняли, что поставленные ими цели могут быть достигнуты только новой Мировой войной, которая с этого момента стала неизбежной.

Лидеры и идеологи фашистского движения, родившиеся и выросшие в инославной среде, не имели и не могли иметь правильного мировоззрения по причине отпадения западного христианства от Вселенской Церкви и хранимого Ей учения. Поэтому вместо православного идеала христианской империи эти деятели пришли к идее националистического корпоративного государства, вместо идеала православного монарха – к идее Вождя (фюрера), а на место православной Церкви и Ея учения поставили свою фашистскую партию и её программу. Вредоносность еврейства они видели не в сатанинской сущности вероучения этого племени, а в его генетических особенностях, почему и в основу борьбы с еврейством положили не учение Церкви, а расовую теорию. Взвзвись защищать ценности европейской цивилизации – свободу, семью, частную собственность, нацию, государство, фашисты не понимали христианского происхождения этих ценностей, а выводили их из своих расово-социальных теорий. В этих условиях задача спасения христианской Европы, взятая фашистами на себя, не могла быть решена в принципе. Однако жребий был брошен, и судьба Европы должна была решиться в последнем «крестовом походе» – гигантском вооруженном столкновении национальных европейских государств с мировой иудео-масонской системой. Возглавить этот «крестовый поход» и вынести главную тяжесть борьбы предстояло национал-социалистической Германии А. Гитлера, которой таким образом предоставлялась возможность искупить свою историческую вину за развязывание Первой Мировой войны в 1914 г. и соучастие в крушении России в 1917 г.

Поместная Русская Церковь и русский народ в этих условиях не могли остаться в стороне от борьбы с богоборческим иудео-большевизмом, а тем более встать на его сторону. Отказ от борьбы означал возвращение на отвергнутый ранее ложный путь «аполитичности», а антифашизм – переход вслед за сергианами в лагерь *антихриста*. Единственным возможным решением для православных христиан было выступить на стороне национальной Европы с надеждой на постепенную христианизацию фашизма в ходе предстоящей борьбы. Поэтому с таким вниманием Зарубежная Церковь относилась ко всем событиям, указывающим на возможность такой христианизации, и когда в 1938 г. в Берлине Германское правительство построило на свои средства православный Собор, то Первоиерарх Русской Церкви митр. Анастасий (Грибановский) незамедлительно откликнулся на это благодарственным адресом на имя А. Гитлера, в котором отмечал, что «мы видим особое действие Божьего Промысла в том, что именно теперь, когда на нашей Родине храмы и народные святыни попираются и разрушаются, в деле Вашего строительства имеет место и создание сего храма», которое «является укреплением нашей веры в Вашу историческую миссию».

Точно также мыслила и чувствовала в тот момент Катакомбная Церковь, ибо как писал в том же адресе митр. Анастасий: «мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ, стонущий под игом рабства и ожидающий своего освободителя, постоянно возносит к Богу молитвы о том, чтобы Он сохранил Вас, руководил Вами и даровал Вам свою всемогущую помощь».

Напротив, все раскольники от Русской Церкви от сергиан до евлогиан заранее открыто солидаризировались в предстоящей борьбе с иудео-масонским лагерем. В безблагодатном сознании раскольников всё перевернулось с ног на голову, и в совершенном умопомрачении они объявили антихристовым движением не иудаизм, масонство или большевизм, а фашизм, который начал непримиримую борьбу против этих трех зол и, как показали события в Испании, на тот момент был единственным реальным защитником европейской христианской цивилизации и культуры. Но в сознании раскольников «христианской» цивилизацией являлась иудео-масонская система, поэтому и угрозу цивилизации они увидели не в антихристианском масонстве и коммунизме, а в фашистских «варварах». Кое-кто даже обнаруживал у масонов и большевиков христианские якобы ценности и идеи.

Российская Православная Церковь исповедует, что Вторая Мировая война была подготовлена и развязана мировым иудео-масонством с целью окончательной дехристианизации и порабощения европейских народов. Эта война стала неизбежной после того, как в Европе нашлась сила, готовая защищать ценности христианской цивилизации всеми средствами вплоть до вооруженной борьбы. Такой силой стало европейское фашистское движение во главе с национал-социалистической Германией, объявившей себя смертельным врагом еврейства, большевизма и либерально-масонской демократии.

Российская Православная Церковь исповедует, что в условиях Второй Мировой войны Поместная Российская Церковь не могла каким бы то ни было образом содействовать победе иудео-масонского лагеря, в том числе путем уклонения от борьбы и сохранения состояния нейтралитета. Всякий православный христианин был обязан словом или делом выступить против земных слуг *антихриста* в лице безбожного советского государства и его западных масонских партнеров. Никто, из причисляющих себя к русскому православию и принявший в ходе Второй Мировой войны сторону иудео-масонов и большевиков, не может считаться принадлежащим Поместной Российской Церкви, как попавший под анафему Церкви на советскую власть 1918 г.

Вторая Мировая война началась 1 сентября 1939 г., хотя мировое еврейство официально объявило войну Германии ещё шесть годами раньше. Шестилетняя задержка с открытием боевых действий была связана с разногласиями в иудео-масонском лагере между Сталиным и его западными партнерами, возникшими после того, как выяснилось, что предстоящая война с крепнущей день ото дня национальной Европой не будет легкой прогулкой, а выльется в затяжное и кровопролитное противоборство. В этих условиях, как Сталин, так и западные масоны стремились спихнуть друг на друга главную тяжесть борьбы, а себе оставить вспомогательную роль и выступить активно только на завершающей стадии пожатия лавров. Победителем в этой внутренней расправе вышел заматеревший в подобных интригах Сталин, и в результате на первом этапе войны западные масоны вынуждены были бороться с Германией в одиночку.

В результате почти двухлетних военных действий западное иудео-масонство оказалось в катастрофическом положении. Армии всех стран, которых за это время ему удалось втянуть в войну против Германии, оказались разбиты, а территории этих стран оккупированы немцами и их союзниками. К лету 1941 г. в Европе вне сферы влияния фашистского блока остались только две страны – Швеция и Швейцария. Запертая на своем острове Англия стала отчаянно взывать о помощи к своим старшим «братьям» – флагману масонской демократии С.Ш.А. и сатанинскому Советскому Союзу.

Серьезность положения заставила забыть о былых разногласиях внутри этого лагеря, и Сталин, исполняя «союзнический долг», тайно приступил к подготовке нападения на Германию, наметив его на июль 1941 г. Однако А. Гитлер разгадал сталинский замысел. 22 июня 1941 г., в день всех Святых в земле Российской просиявших, Германия, предупредив сталинское нападение, перешла в наступление первой. Началась Советско-германская война.

С первых же дней этой войны германским вооруженным силам всюду сопутствовал ошеломляющий успех. Антихристова Красная Армия, многократно превосходявшая противника по всем показателям, разваливалась буквально на глазах, многие её части разбегались, даже не принимая боя, войска сдавались в плен десятками и сотнями тысяч, бросали военную технику, оружие и боеприпасы. Неопишуемая паника охватила партийный и советский актив, который, всё побросав, удирал куда глаза глядят. Казалось, царству Зверя в России приходит конец, и А. Гитлеру суждено стать тем «бичом Божиим» (Ис. 10:26; 28:15,18), который, подобно Мидийскому царю Киру (1 Езд.), оставаясь

чуждым истинного богопочитания, тем не менее, освободит Народ Божий из рабства. Однако, как и в случае с вавилонским пленением, необходимым условием такого освобождения являлось глубокое и искреннее покаяние русского народа в своих грехах, прежде всего в грехе соучастия в революции и цареубийстве.

Российская Православная Церковь исповедует, что Советско-германская война была проявлением гнева Божия на сатанинскую советскую власть за совершенные ей величайшие беззакония и гонения на Церковь Христову, имевшее место в России с начала революции, но одновременно и вразумляющим наказанием Божиим русскому народу за отступление от Бога и соучастие в антихристовой революции, а также призывом к покаянию в этих грехах.

Российская Православная Церковь вместе с тем исповедует, что Советско-германская война явилась для русского народа прямым продолжением Гражданской войны. Исход этой Второй Гражданской войны вновь определялся глубиной покаяния русского народа в февральском грехе и желанием искупить его борьбой с самым ярким последствием этого греха – сатанинской советской властью.

Обе части Русской Церкви были едины в оценке происходящих событий и в своих действиях в сложившейся обстановке. Сопrotивление *антихристу* и его земным слугам вновь, как и в эпоху Гражданской войны, перешло в активную фазу, а потому духовенство РПЦЗ благословляло и духовно поддерживало вооруженную борьбу русской эмиграции с большевиками, а члены Катакомбной Церкви на Родине либо отказывались пополнять ряды Красной армии и принимали мученическую кончину, либо поступали в армию, получали оружие и переходили с ним на сторону немцев.

Совершенно противоположную позицию занял глава сергианских раскольников Сергей (Страгородский) и члены возглавляемой им лже-церкви. Сталинский террор уничтожил последних сергиан, служивших Сталину из страха, а не по совести, оставшиеся же в живых «целиком и полностью» стояли на «платформе» Декларации и всецело отождествили себя с сатанинской советской системой, органически слились с нею. Поэтому нападение Германии они расценили как угрозу себе лично, как представителям советской власти, а религиозное освобождение, которое приносили немецкие войска, воспринимали как покушение на «православие», т.к. согласно сергианскому лжеучению «православие» без отрыва от советской власти существовать не может. Ликвидация немцами советской власти означала в глазах сергиан и ликвидацию «православия».

Ересиарх Сергей, исходя из сергианского постулата о том, что «всякий удар, направленный в Союз» направлен в «православную» церковь, уже в первый день войны 22 июня выступил с публичным призывом к верующим защищать сатанинский С.С.С.Р., опередив в этом отношении самого Сталина, который обратился к народу лишь спустя 10 дней. При этом Сергей, используя жаргон Декларации, стремился затуманить сознание людей и говорил не прямо о защите антихристового сталинского режима, а о защите некоей «родины». Однако совершенная лживость подобных призывов следовала из того, что как до 22 июня 1941 г., так и после этой даты смертельная опасность для нашей Родины – православной России исходила только и исключительно от богоборческой советской власти, преданной Святой Церковью анафеме.

Стремясь выслужиться перед Сталиным, Сергей развил исключительно бурную деятельность. Не ограничиваясь простой «лояльностью», т.е. традиционным пресмыкательством перед коммунистами, он стал активнейшим пропагандистом «защиты Родины» и идеологом «священной» и «великой отечественной» войны, по сути дела предвосхищая поворот советской пропаганды от интернационализма к лже-патриотизму и его лозунгам. В западных странах иудео-масонского блока аналогичную работу вел эмиссар Сергея фанатичный сергианин «митрополит» Вениамин (Федченков),

превзошедший в безстыдности лжи самого Сергия. Казалось, что устами Федченкова вещает сам сатана.

Лживые сергианские воззвания, обращения и послания, восхвалявшие «советскую родину» и «свободу» религии в Совдепии, и одновременно клеймившие «фашистских варваров» и их «зверства», сыпались один за другим, как из рога изобилия. Сергиане произвели антихристову Красную армию в «христоролюбивое воинство», начали по своим приходам сбор средств на содержание и вооружение этого войска, а также ввели повсеместные моления о даровании победы «русскому» оружию, т.е. советскому *антихристу*. Одновременно Сергей обрушился на свое духовенство, оставшееся на занятых немцами территориях, специальными указами запрещая и анафематствуя тех, кто пытался совершать богослужения при немцах. Советскую власть Сергей возвел на уровень догмата, так что, по его логике, при отсутствии советской власти не было смысла и в церковных службах. Оставшиеся под немцами священники могли, по мнению Сергия, найти применение только как советские шпионы и агенты-provokatory.

Такая деятельность ересиарха в интересах «гражданской родины» не могла пройти незамеченной у Сталина. Советский диктатор оценил полезность сергианской лже-церкви для своего режима хотя бы с точки зрения организации эффективной просоветской и антифашистской пропаганды. В тот момент всем было ясно, что жизнь православного населения в освобожденных от большевиков районах разительно отличается от жизни на территориях, остававшихся под советским владычеством. С разрешения немцев повсюду были открыты церкви, и в них хлынул народ. Поскольку практически всё сергианское духовенство, будучи, по сути, агентурой НКВД, сбежало, опасаясь репрессий, вместе с Красной армией, то руководство религиозной жизнью в занятых немцами областях перешло в руки катакомбных священников, а также духовенства церквей, организованных немцами по национальному признаку: украинской и белорусской. Даже единственный оставшийся под немцами сергианский иерарх митр. Сергей (Воскресенский), руководивший из Пскова особой «Православной миссией», и тот восхвалял Гитлера, обличал коммунизм и лично Сталина, за что, в конце концов, и был ликвидирован советской агентурой. По сути дела, кроме таких подлых убийств и партизанского бандитизма Сталину нечего было противопоставить религиозной политике немцев. Поэтому кипучая деятельность такого талантливого активиста как Сергей была Сталину на руку. Репрессии против сергиан были ослаблены, а сам Сергей эвакуирован вглубь страны, где ему было поручено написать апологетическую книжку, обеляющую антихристов советский режим и его террор против Церкви.

Сергий с энтузиазмом взялся за порученное дело. Советско-германская война дала ему уникальный шанс воплотить в жизнь свою давнюю мечту – сделать свою лже-церковь не просто прислужницей коммунистического режима, которую используют лишь по мере надобности и до поры до времени, а полноценной частью советского тоталитарного государства, равноправную с другими частями, такими как НКВД, армия или колхозы. Сергей стремился к своеобразной «симфонии» своей лже-церкви с советской властью, справедливо полагая, что если большевики всерьез собрались строить царство *антихриста*, то им непременно понадобится и антихристова лже-церковь, а такую церковь Сергей уже организовал и давно ожидал, когда кто-нибудь из большевиков обратит, наконец, на неё внимание. К огорчению Сергия этого до сих пор не случилось, однако война открывала почти неограниченные возможности «не на словах, а на деле» доказать незаменимость, важность, полезность и безусловную необходимость лже-церкви для полноценного существования советского государства, строящего царство *антихриста*.

В первой половине 1942 г. заказанная Сергию книжка была им в соавторстве с другими сергианами написана и увидела свет под названием «Правда о религии в России». Правды в этой книге не было ни слова. Напротив, по глубине, всеохватности и

циничности лжи данное сочинение превзошло всё до сих пор написанное сергианскими идеологами. Безудержное восхваление сатанинской советской власти, при которой якобы обеспечена небывалая в истории «свобода религии», сочеталось в этой книге со знакомой ложью о новомучениках как о «политических преступниках», справедливо покаранных за свои злодеяния самым гуманным в мире советским правосудием, а также новоизобретенной ложью о том, будто за всё время советской власти ею не было уничтожено ни одного храма, а всё разрушения произведены ... немцами. Сергей и его соавторы из кожи вон лезли, чтобы доказать Сталину свою преданность коммунизму всем сердцем, всей душой, всеми мыслями и всеми чувствами. «Мы и думаем в душе то, что говорим» – писал Сергей в предисловии к книге, стараясь убедить Сталина, что он является таким же сатанистом, как и советский вождь. Не ограничиваясь словами, Сергей перешел к делу и объявил по своим приходам дополнительный сбор денежных средств на создание особой танковой колонны, кощунственно названной им именем Дмитрия Донского. Эта идея понравилась «отцу народов», и уже в начале 1943 г., к 25-ой годовщине Красной армии Сергей рапортовал Сталину о том, что на колонну собрано около 8 млн. рублей.

Между тем, летом 1943 г. стало ясно, что в Советско-германской войне, а вместе с тем и во всей Второй мировой войне наступил перелом в пользу иудео-масонской коалиции С.С.С.Р., Англии и С.Ш.А. Армии фашистского блока перешли к обороне, а затем и стали отступать на всех фронтах. Фашистское движение в целом оказалось не на высоте стоявших перед ним исторических задач. В борьбе с такими заматерелыми сатанистами как советские коммунисты и мировое иудео-масонство европейский фашизм отверг самое главное оружие, которое только и действительно против сатаны, – Иисуса Христа и Его Святую Церковь, и закономерно стал терпеть поражение. Особенно это сказалось в ходе Советско-германской войны, где национал-социалистическая Германия не сумела, да и не захотела сделать своим союзником в борьбе с Советами православный русский народ, стремившийся к борьбе с сатанинской властью большевиков. Укомплектованные русскими эмигрантами вооруженные формирования не были допущены немцами на Восточный фронт, препятствовали немцы и деятельности в России Русской Зарубежной Церкви. Хотя многие немецкие чиновники нижнего и среднего звена, соприкоснувшиеся с Россией, искренне стремились содействовать русскому делу, а немалое число солдат и офицеров Вермахта, попав в Россию, даже принимало православие, немецкая оккупационная политика определялась программными установками национал-социалистической верхушки, которая не допускала возможности восстановления православной монархической России и делала ставку на местные национализмы, настроенные к России по преимуществу враждебно. Все это облегчало Сталину работу по привлечению симпатий населения на свою сторону.

Однако не менее, а возможно даже и более важной причиной, по которой Господь попустил состояться военной победе Сталина, стало отсутствие сколько-нибудь серьезного покаяния основной массы русского народа в грехах революции, царубийства и сотрудничества с сатанинской советской властью. Значительная часть подсоветского населения за годы большевизма настолько растлилась нравственно и духовно, что стала считать своей родиной не Россию, а Совдепию и фактически образовала новый народ – советский. Именно сергианская лже-церковь довершила растление этой группы, внушив ей мысль, что в покаянии нет нужды, а служение антихристовой власти есть не грех, а добродетель. Советский народ сделался социальной опорой сталинского режима, стал служить ему в духе Декларации «не за страх, а за совесть» и считать его сатанинские «радости» своими собственными. Но и покаяние большинства русского народа, всё ещё исчислявшегося многими миллионами, не пошло дальше отрицания сталинского режима как «искажения» революции 1917 г. Возникшее на занятых немцами территориях Русское Освободительное движение (РОД) и созданная на его основе Русская Освободительная

армия (РОА) имели по сути февралистскую идеологию, а то и чисто советскую, хотя и антисталинскую. Сходным было настроение и в русском Зарубежье – огромная жажда борьбы при минимальном стремлении к покаянию.

Во второй половине 1943 г. Сталин всерьез заинтересовался деятельностью Сергия (Страгородского) и его подручных. Сталин был наиболее осатанелым из всех большевиков, и в то время как остальные его соратники продолжали смотреть на сергианскую лже-церковь как на бесполезный предмет или, в лучшем случае, как на подручное средство внешней и внутренней политики, Сталин сумел почувствовать столь близкие ему «глубины сатанинские» (Отк. 2:24) в деятельности Сергия и его лже-иерархии. Два года неустанных антихристовых трудов Сергия принесли, наконец, долгожданные для него плоды – в стане большевиков нашелся человек, равный Сергию по степени осатанения и сумевший понять и оценить по достоинству его замыслы и идеи. Размышляя о путях дальнейшего развития тайны беззакония после определившейся уже победы над фашизмом, Сталин интуитивно пришел к тем же выводам, что и Сергий, а именно – в будущей всемирной империи *антихриста* лже-церковь должна занять подобающее ей место, и созданием такой лже-церкви следует озаботиться уже сейчас. Сергианская поделка являлась с точки зрения Сталина наилучшей заготовкой для лже-церкви *антихриста*, поэтому Сталин и решил взять её за основу своего «церковного строительства», а не создавать антихристову лже-церковь с нуля.

4 сентября 1943 г. (н.ст.) Сергей (Страгородский), Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич), составлявшие костяк сергианской лже-иерархии, были приглашены Сталиным в Кремль на личную беседу. Состоявшийся разговор проходил в теплой, дружественной атмосфере, два главных сатаниста страны сразу нашли общий язык и понимали друг друга с полуслова. Были быстро согласованы все технические вопросы, и взаимовыгодное соглашение между Сталиным и Сергием состоялось. Сергианская лже-церковь становилась органической частью советского государства в качестве религиозного филиала НКВД, получала официальный статус, соответствующие права, привилегии и вместе с тем круг обязанностей. Сталин учредил новый государственный пост «Патриарха Московского и всея Руси» с включением его в номенклатуру Политбюро, и назначил на этот пост Сергия, обязав последнего в течение трех дней инсценировать «выборы» лже-патриарха. Собрав жалкую кучку своих приверженцев в количестве 18-ти человек, Сергей исполнил волю вождя и «выбрал» себя «патриархом». Это случилось 26 августа/8 сентября 1943 г.

Поместная Российская Церковь отвергла этот пребеззаконнейший акт. От Ея лица это засвидетельствовал Собор архиереев РПЦЗ, собравшийся в Вене 8/21 октября 1943 г. Этот Собор признал «избрание» Сергия не имеющим никакой канонической силы и вместе с тем вновь подтвердил принципиальную позицию Русской Церкви во Второй Мировой войне, заявив, что «борьба с коммунизмом, как с началом богоборческим по самой своей природе, должна быть по-прежнему настойчивой и непримиримой. В этой области не может быть нейтральных, ибо кто не со Христом, тот против Него».

Российская Православная Церковь исповедует, что после 22 августа/4 сентября 1943 г. сергианская лже-церковь – Московская патриархия стала неотъемлемой частью советского тоталитарного государства и через это перестала быть просто еретическим сообществом, отпавшим от Поместной Русской Церкви, а превратилась в сатанинскую организацию, как и все прочие организации, входящие в состав анафематствованной Святой Церковью советской системы. Отныне никаких духовных различий между Московской патриархией и породившим советскую власть дьяволом больше не осталось.

Российская Православная Церковь исповедует, что «выборы» всех советских лже-патриархов, начиная от «патриарха» Сергия, не имели и не имеют никакого

отношения к каноническому патриаршеству в Русской Церкви, а представляют собой назначения советских чиновников из номенклатуры Политбюро на пост начальника одного из ведомств антихристианского государства, производимые высшими представителями советской власти.

Заветная мечта Сергия, наконец, исполнилась – созданная им структура обрела возможность перейти от пассивной «лояльности» к активной деятельности, превратиться из большевицкой служанки в полноправную участницу строительства царства *антихриста*. Окончательно сделав ставку на Московскую патриархию, Сталин переподчинил ей все прочие структуры, создававшиеся в свое время советской властью как лже-церкви, но не выдержавшие испытания временем – обновленческую и григорианскую. Это свежее вливание отщепенцев и раскольников дало возможность Сергию значительно пополнить и расширить свою лже-иерархию с дальнейшим понижением её нравственного уровня.

Преисполненный благодарности к советскому диктатору Сергей открыл кампанию церковного восхваления осатанелого безбожника, называя его не иначе как «мудрым, Богопоставленным Вождем народов нашего великого Союза ... ». Одновременно он продолжал прославлять «доблестную» антихристову Красную армию и даже выпустил «Осуждение изменников Вере и Отечеству», в котором вопреки сергианской теории о «всякой власти от Бога» объявлял всех сотрудничающих с немцами верующих отлученными от своей лже-церкви, а клириков – лишенными сана. Среди таких трудов во славу *антихриста* лже-патриарх Сергей скончался 2/15 мая 1944 г., предав свою нечестивую богомерзкую душу в руки праведного Судии Мздовоздаятеля.

На посту «Патриарха Московского и всея Руси» его сменил другой испытанный сталинский кадр «митрополит» Алексей (Симанский). Инсценировка его «выборов» и «интронизации» на «Поместном Соборе», специально организованном для этой цели антихристовой властью, прошла с гораздо большей помпезностью и показухой, чем предыдущие «выборы» лже-патриарха Сергия. За счет пополнения сергианского епископата «кающимися» обновленцами число архиереев, участвовавших в «Соборе», было доведено до 45 человек. Кроме того, присутствовало около 100 человек сергианского духовенства и с полусотни рядовых сергиан. 12 иерархов представляли другие Поместные Церкви. Александрийская, Антиохийская и новообразованная Сталиным по аналогии с МП Грузинская патриархия были представлены на высшем уровне, своими Патриархами, остальные прислали своих высоких представителей. Сталин лично не почтил «Собор», но послал туда своего уполномоченного, который утверждал все решения «Собора».

Российская Православная Церковь исповедует, что все так называемые «Поместные Соборы», проводимые лже-иерархией Московской патриархии при непосредственном участии и контроле антихристианских сил, не имеют никакого отношения к Соборам Поместной Русской Церкви, а представляют собой собрания богоотступников, находящихся под анафемой Святой Христовой Церкви. С духовной точки зрения Российская Православная Церковь считает эти «Соборы» равнозначными съездам коммунистической партии и другим советским собраниям в силу установившегося духовного единения между Московской патриархией и антихристианским государством.

Российская Православная Церковь не имеет никакого общения с представителями других Поместных Церквей, именующих себя Православными, до тех пор, пока они признают проводимые Московской патриархией так называемые «Поместные Соборы» законными, а саму эту структуру канонической преемницей дореволюционной Православной Российской Церкви.

Новый лже-патриарх довел «симфонию» лже-церкви и антихристовой власти до непревзойденного ещё совершенства. Предтече *антихриста* Сталину сергиане стали воздаваться почести, которые в христианском государстве воздаются только православному Императору. Во всех сергианских храмах на богослужениях стали возноситься молитвы за Сталина, воспеваться ему многолетия, совершаться молебны о его здравии, а наиболее фанатичные сергиане, наподобие «митр.» Вениамина (Федченкова), даже вынимали за Сталина и других большевиков частицы на проскомидии. Сталин был объявлен «избранником Господним», «Богом данным верховным Вождем» и соответственно его власть – имеющей божественное происхождение. В силу того, что в действительности эта богоборческая власть имела явно сатанинское происхождение, то такое отношение Московской патриархии к Сталину яснее всего свидетельствовало о том, что «Богом» для неё является сатана, а сама она есть его прямое порождение.

Сделавшись частью советского тоталитарного государства, сергианская лже-церковь вынуждена была перестроить свою деятельность в соответствии с целями и задачами этого антихристового государства. Поскольку в состав госаппарата патриархия вошла как структурное подразделение НКВД-МГБ-КГБ, то эта деятельность свелась в основном к агентурной работе, доносительству и различным провокациям, как в России, так и за границей. В Европе и Америке патриархийное духовенство вело мощную дипломатическую и пропагандистскую кампанию с целью убедить зарубежных верующих в законности советского государства и красной лже-церкви и их преемстве с исторической Россией. На оккупированных немцами территориях сергианские священники, пользуясь тем, что у немцев священнослужители были вне подозрений, выдавали противников сталинского режима на расправу сталинским бандитам-партизанам и одновременно делали ложные доносы немцам на таких людей как на пособников партизан. На подсоветских территориях патриархийные клирики, внедряясь под видом «катакомбных батюшек» и «истинных епископов» в катакомбные общины, предавали их в лапы чекистов и призывали своих прихожан доносить в НКВД на «врагов советской власти», в первую очередь на истинно-православных христиан.

Между тем, Советско-германская война, а вместе с ней и Вторая Мировая война быстро шли к своему завершению. Германия стала терпеть одно поражение за другим, почти все её союзники были разбиты или даже повернули оружие против неё. Западные союзники Сталина высадились во Франции и быстро продвигались вперед, а антихристовая Красная Армия вторглась в Польшу и на Балканы, где повторились все ужасы, которые обычно следуют за коммунистической оккупацией. Орган Высшей Церковной власти Русской Церкви – Архиерейский Синод РПЦЗ, находившийся в Югославии, вынужден был ввиду угрозы его захвата Красной Армией перебраться сначала в Австрию, а затем в Германию.

Эта завершающая фаза Второй Мировой войны стала для Русской Церкви временем наиболее тяжелых испытаний за всю её историю. В России после «избрания» лже-патриарха Алексия (Симанского) все находящиеся в лагерях священники, не признававшие этого «избрания», или расстреливались или получали новые сроки. Все тайные священники, арестованные во время войны или обнаруженные в советской зоне Германии, также расстреливались, при этом зачастую без следствия и суда. Деморализация овладела значительной частью катакомбных христиан и многие из них, отрекаясь от своих убеждений, приносили покаяние перед Симанским и переходили в его патриархию. За границей на волне просоветских настроений, поднявшихся вслед за победами Красной армии, началось массовое дезертирство клириков, приходов и даже архиереев Зарубежной Церкви в сталинскую патриархию. В Китае все русские архиереи за исключением одного приняли советские паспорта и влились в сергианскую лже-церковь. В Америке число архиереев-перебежчиков составило ровно половину епископата. В Европе «под омофор» лже-патриарха Алексия поспешили митрополит Серафим

(Лукьянов) и архиепископ Серафим (Соболев). Что же касается заграничных раскольников, то они повалили в патриархию просто валом. «Аполитичный» митр. Евлогий внезапно возлюбил «политику партии» и «советскую родину» и в порыве этой любви припал к стопам советского посла в Париже, выхлопотал у него советский паспорт, заявил о своей готовности немедленно воссоединиться с патриархией и через месяц осуществил свое желание. Посланцев антихристовой Московской патриархии во всех странах иудео-масонского блока и на православном Востоке встречали с распростертыми объятьями как законных представителей исторической Русской Церкви. Многим казалось, что Катакомбная и Зарубежная Церкви переживают последние дни.

Но даже в этих труднейших условиях Русская Церковь осталась верна своей линии активного сопротивления коммунизму. Первоиерарх Русской Церкви митр. Анастасий неизменно продолжал благословлять и духовно поддерживать русские воинские части, сражавшиеся на стороне Германии, а части СС, набранные из истинно-православных христиан-добровольцев, до самого конца показывали исключительную стойкость в бою, зачастую не давая сдаваться самим немцам.

26 апреля/9 мая 1945 г. Советско-германская война закончилась победой *антихриста* Сталина и его союзников по иудео-масонскому блоку. Это был день величайшего торжества сатаны. Православная Россия и христианская Европа лежали поверженными у его ног. Для исторической России и русского народа это поражение имело особенно катастрофические последствия. Исторический шанс покаяться в грехах революции, освободиться вооруженным путем от коммунистического зла и возродить свою землю, который давала русскому народу Вторая Мировая война и германское нашествие, основной массой русского населения использован не был. Хуже того, подавляющее большинство этого населения, поддержав в решающий момент *антихриста* Сталина и приняв его ложь, полностью духовно и идейно переродилось, превратившись в «новую историческую общность людей» – советский народ, отличающийся от православного русского народа тем же, чем и советская лже-церковь отличается от исторической Русской Церкви, а именно – отвержением Христа и принятием вместо него *антихриста* с готовностью служить ему не за страх, а за совесть в духе Декларации бывш. митр. Сергия от 16/29 июля 1927 г. За послевоенные годы численное соотношение между советским народом и русским народом постоянно менялось в направлении сокращения относительного числа русских людей и возрастания доли советских человек в общем населении страны.

Отвергнув путь покаяния и христианские идеалы, советский народ вступил на путь сатаноизбранного народа иудейского, и стал по его примеру превращаться в народ богоотверженный, богопротивный и проклятый. В настоящее время на земле имеется уже два народа, полностью подготовленных для вступления в царство *антихриста*: народ иудейский, отвергший Христа и поклонившийся сатане в I-ом веке от Р.Х., и народ советский, отвергший Христа и поклонившийся антихристу в XX-ом веке от Р.Х. Советская лже-церковь – Московская патриархия играет для советского народа ту же роль, что и новозаветная синагога для народа иудейского, поэтому название «православная синагога» вполне отражает суть этой антихристовой организации.

Российская Православная Церковь исповедует, что одним из самых страшных итогов Второй Мировой войны стало перерождение значительной части русского народа в советский народ, который полностью порвал с исторической Россией, созданной его православными предками, и с исторической Русской Церковью и духовно отождествил себя с антихристовой системой, созданной революцией 1917 г., и с порожденной этой системой сергианской лже-церковью – Московской патриархией. Обратное превращение этого народа в русских людей возможно только через искреннее и глубокое покаяние, однако именно этот путь категорически

отвергается как всем советским народом, так и его отдельными представителями, что навлекает на советских людей сугубое проклятие и ещё больший гнев Божий.

Российская Православная Церковь исповедует, что в идейном и духовном плане иудейский народ и советский народ являются братскими. Как иудейский народ, распявший Христа и ставший сатаноизбранным народом, продолжает, тем не менее, считать себя народом богоизбранным, так и советский народ, предавший на распятие Христианскую Россию, тем не менее, продолжает считать себя русским народом, не имея в действительности с историческим русским народом ничего общего.

Вскоре после капитуляции Германии лже-патриарх Алексей (Симанский) распространил на Западе обращение «К архипастырям и клиру так называемой Карловацкой группы», в котором, считая Зарубежную Церковь полностью разгромленной, потребовал от неё своего рода церковной капитуляции – принесения покаяния перед советской лже-церковью и признания её за «Мать-Церковь». Однако Первоиерарх Русской Церкви митр. Анастасий, несмотря на исключительно тяжелое положение, потерю связи почти со всем епископатом и господствовавшие вокруг пораженческие настроения, отверг это требование. Это был переломный момент. Вскоре митр. Анастасий сумел вырваться из оккупированной Германии в Швейцарию, откуда письменно наладил общение со всеми странами мира и восстановил церковную организацию. К Пасхе 1946 года он возвратился в Германию и уже в апреле 1946 года смог собрать в Мюнхене Архиерейский Собор РПЦЗ, который занял прежнюю позицию полного непризнания Московской патриархии.

Созыв Собора и дальнейшее относительно благополучное существование Русской Зарубежной Церкви стало возможным благодаря изменению расклада политических сил в мире. Первое время после окончания Мировой войны участники антифашистской коалиции – Сталин и западные иудео-масоны действовали заодно. В этот период ими был совместно осуществлен ряд важных мероприятий, подготавливающих воцарение *антихриста*. К ним, прежде всего, относились организация Нюрнбергского процесса-фарса над «фашистскими военными преступниками» – незаконного судилища, целью которого было снять ответственность с подлинных виновников войны и переложить её на европейский фашизм; образование Организации Объединенных Наций – прообраза будущего Мирового правительства *антихриста*; создание в Палестине государства Израиль – цитадели христорборческого иудаизма, а также репатриация на расправу Сталину всех русских эмигрантов, словом или делом выступивших против сатанинского С.С.С.Р. в ходе прошедшей Мировой войны. Однако в дальнейшем в иудео-масонском стане возникли серьезные разногласия.

Причиной их стал значительно возросший в результате военных побед и оккупации половины Европы удельный политический вес Сталина. Советский диктатор больше не желал довольствоваться ролью подмастерья у старших «братьев», которую он играл до войны, а претендовал на место главного «мастера», возглавляющего всемирную иудео-масонскую систему. Иными словами Сталин потребовал от западных партнеров отдать ему лидерство в деле построения всемирной империи *антихриста* и основные рычаги управления этой империей.

Для такой передачи, считал Сталин, есть все основания и предпосылки. В процессе построения царства *антихриста* Сталин значительно опередил западных партнеров, которые ещё не вышли из подготовительной стадии разложения христианства либерально-масонскими ценностями. Западные государства проповедовали «свободу» и были ещё далеки от тоталитаризма. В отличие от западных иудео-масонов *антихрист* Сталин и его партия игры в «свободу» завершили ещё в 1917 г., а за последующие 30 лет создали вполне работоспособную модель тоталитарного государства *антихриста* – коммунистический С.С.С.Р., который Сталин и полагал необходимым взять за основу

строительства всемирной империи *антихриста*, путем включения в него новых «республик». Если западные иудео-масоны ещё только планировали создать всемирную церковь *антихриста* через изобретенное ими экуменическое движение, то Сталин считал, что он уже имеет готовую модель такой церкви в лице созданной им советской лже-церкви, на основе которой и следовало, по мнению Сталина, вести дальнейшее строительство всемирной лже-церкви. Наконец, сам Сталин уже фактически был малым *антихристом* – единоличным диктатором–тираном, которому в С.С.С.Р., воздавалось религиозное поклонение, тогда как западные иудео-масоны запутались в своей масонской демократии и не только не смогли договориться о едином кандидате на роль всемирного вождя, но даже вообще не имели таких кандидатов. Всё это, с точки зрения Сталина, давало ему полное право стать официальным вождем мировых антихристианских сил, а не играть роль младшего партнера.

Однако мировое иудео-масонство эти притязания Сталина категорически отвергло, считая свой план построения царства *антихриста* более совершенным и универсальным. Вследствие этого между Западом и Советским Союзом началась так называемая «холодная война». В идейном смысле это была борьба между «Февралем» и «Октябрем», но уже не во всероссийском, а во всемирном масштабе. Сталин в ходе этого противоборства использовал старые испытанные приемы, доказавшие свою эффективность в борьбе с русскими масонами-февралистами, тогда как западные иудео-масоны обратили против Сталина свое излюбленное оружие, которое они опробовали при разрушении христианских государств – идейное разложение, морально-нравственное растрепывание и экономическое удушение. Однако возникшая междуособная борьба не приостановила строительства царства *антихриста*, просто каждая из борющихся сторон стала осуществлять свой собственный план.

Именно «холодная война» создала уникальную возможность для мирного существования Русской Зарубежной Церкви в иудео-масонском окружении, для которого Она была явно инородным телом. В любых других обстоятельствах иудео-масоны постарались бы такую Церковь немедленно ликвидировать. Но в условиях «холодной войны» уничтожение этой Церкви оказалось невыгодным для западного иудео-масонства, которое рассматривало идейное противостояние РПЦЗ сталинской лже-церкви, как неотъемлемую часть своей идеологической борьбы с коммунизмом. По Промыслу Божию политическое противостояние Запада коммунистической Совдепии совпало с Православным противостоянием сергианству. Получив временный «церковный иммунитет» РПЦЗ смогла за время «холодной войны» не только сохранить и укрепить православную веру и русское национальное самосознание, но и поспособствовать устройению истинно-православной жизни в странах своего пребывания, а также восстановить церковную иерархию тем народам, которые её утратили по отпадении своих Поместных Церквей в ереси экуменизма и модернизма. Однако такое положение не могло сохраняться вечно, ибо с окончанием «холодной войны» Русской Зарубежной Церкви непременно пришлось бы столкнуться лицом к лицу с одним из победителей, и это столкновение не могло обещать ей ничего хорошего.

Выполняя свой план построения царства *антихриста*, Сталин в послевоенные годы провел советизацию захваченных им европейских стран, а также Китая и Кореи. Во всех этих странах установился коммунизм по советскому образцу, особенно жестокий в азиатских странах. Расширяя сферу влияния Московской патриархии, как базовой лже-церкви *антихриста*, Сталин пополнил интернационал лже-церквей бывшими Поместными Церквями Сербии, Болгарии, Румынии, Чехословакии и Польши, которые после уничтожения всех верных православных христиан и сергианизации сделались местными аналогами советской патриархии. Наконец, Сталин насильно включил в состав Московской патриархии униатов Украины, а затем и униатов Чехословакии. Румынских униатов Сталин подчинил румынской лже-патриархии.

Российская Православная Церковь исповедует, что после Второй Мировой войны во всех поместных Православных Церквях Восточной Европы произошли процессы, подобные происходившим в Русской Церкви в 20-х годах XX столетия – антихристовой властью были организованы официальные церковные структуры, исповедующие сергианско-экуменическое лже-православие, от которых отделились истинно-православные христиане, сохранившие чистоту Православной веры. Российская Православная Церковь исповедует свое духовное единство с этими христианами и готова восстановить им церковную иерархию, если последние не имеют канонического епископата и священства.

К церковным потерям Сталина за этот период следует отнести обратный переход евлогиянских раскольников под управление константинопольского патриарха-масона и отпадение американской ветви Московской патриархии в автокефалию. Обе эти группы – евлогиянская и американская – сочли, что победителем в «холодной войне» выйдет не Сталин, а иудео-масонский Запад, и поспешили примкнуть к будущему победителю.

Между тем, западные иудео-масоны осуществляли свой план построения церкви *антихриста*, предусматривавший на первом этапе создание универсальной всемирной религии, а на втором – организационное оформление лже-церкви из приверженцев этой религии. Для этой цели ими была созвана в 1948 г. в Амстердаме I-я Генеральная ассамблея Всемирного совета церквей, возродившая экуменическое движение и поставившая его на качественно новый уровень. В ответ Сталин собрал в этом же году в Москве лже-православный собор из представителей церквей советского блока, который осудил экуменизм, как движение, разрушающее сталинский план построения церкви *антихриста*.

Борьба Сталина с западными конкурентами вскоре выявила неравенство сил и, прежде всего, огромное экономическое превосходство Запада, которому Сталин мог противопоставить только заведомо малоэффективный труд многомиллионных масс заключенных концлагерей. Сталин постоянно отставал в разработке новейших технологий, современных видов вооружения и боеприпасов, и вообще мог выдерживать конкуренцию лишь ценой максимального напряжения всех своих сил. Но наиболее чувствительным ударом для него оказалась измена основной массы мирового еврейства, которое совсем недавно, в ходе Второй Мировой войны целиком и полностью поддерживало Сталина и его богоборческий режим, а до этого активнейшим образом участвовало в строительстве и укреплении этого режима. Но с началом «холодной войны» непреложно выяснилось, что мировое еврейство в целом остается послушно Кагалу и руководителям мировой закулисы, а вовсе не Сталину, пошедшему против последних. Таким образом, за достаточно короткий период огромные массы еврейства, находившиеся на территориях, подчиненных Сталину, превратились для советского диктатора из опоры режима в весьма нелояльный, а нередко и враждебный элемент.

Сталин был вынужден открыть «второй фронт» и начать чистку государственного и партийного аппарата от нелояльного еврейства, ориентированного на Запад. Эта чистка приняла широкий размах, т.к. евреи были представлены на всех уровнях власти вплоть до высших государственных постов. В Восточной Европе над коммунистической верхушкой этих стран, состоявшей из евреев, даже пришлось организовать ряд показательных процессов и судов, закончившихся смертной казнью обвиняемых. Сталин до того был напуган еврейской изменой, что усомнился в лояльности членов своего собственного Политбюро, женатых на еврейках, и удалил их от власти. Освобождавшиеся государственные посты и партийные должности Сталин заполнял представителями советского народа, который с этого момента сделался фактически единственной социальной опорой сатанократии в С.С.С.Р. Остальные народы бывшей Российской

Империи во главе с русским народом являлись злейшими врагами Сталина и антихристовой советской системы.

Между тем, ближайшее окружение Сталина всё более и более тяготилось междоусобной распрей между иудео-масонским Западом и антихристовым С.С.С.Р. По мнению ведущих членов Политбюро в этом конфликте не было никакого смысла, он лишь впустую растрачивал силы борющихся сторон, призванных вместе делать общее дело – строить царство *антихриста*. Эти члены Политбюро считали, что с Западом нужно заключить мирное соглашение и начать работать сообща, как это было до войны. Препятствие к заключению мира они видели только в упрямстве и одержимости Сталина, готового добиваться своего любой ценой. На этой почве среди ближайшего окружения Сталина возник заговор, целью которого было физическое устранение «Отца народов» и установление с западным иудео-масонством «мирного сосуществования».

В начале 1953 г. Сталин начал новый виток борьбы с еврейством и разорвал дипломатические отношения с Израилем. Это ускорило его конец. 5 марта 1953 г. он скончался в своей подмосковной резиденции, будучи умерщвлен заговорщиками из Политбюро во главе с Хрущевым, Маленковым и Берия. Жестокий тиран и богоборец, умерший без всякого покаяния под анафемой Святой Церкви, был оплакан всем советским народом, но особенно советской лже-церковью, которая служила по нему «панихиды» и возглашала ему «вечную память».

Вождам Московской патриархии Алексею (Симанскому), Николаю (Ярушевичу) и другим было отчего сокрушаться и плакать. Со смертью Сталина рушилась установившаяся «симфония» между предтечей *антихриста* и его лже-церковью. Руководители патриархии понимали, что пришедшее на смену Сталину «советское руководство» склонно к диалогу с Западом, а, следовательно, и к принятию западного плана организации всемирной лже-церкви *антихриста*. Согласно этому плану для советской лже-церкви предусматривалась лишь роль рядового участника экуменического движения, тогда как по сталинскому плану ей отводилась почетная роль стового хребта будущей церкви *антихриста*.

Опасения вождей Московской патриархии оправдались. Новое советское руководство, завершив на пятом году после смерти Сталина внутренние разборки, объявило политику «мирного сосуществования» с Западом, в русле которой восстановило дипломатические отношения с Израилем, начало с западными странами переговоры о сокращении вооружений и сделало ряд других существенных уступок. В частности советская верхушка согласилась с западным планом построения церкви *антихриста* через экуменическое движение.

В начале 1958 г. генеральный секретарь Всемирного Совета церквей (ВСЦ) – главной экуменической организации планеты, сделал Московской патриархии официальное предложение войти в этот Совет. Патриархия, ещё не оставлявшая надежд на возвращение блаженных для неё времен сталинизма, поначалу не захотела сдавать своих позиций первой лже-церкви мира. Тогда за дело взялась советская власть. Лидер коммунистов Хрущев, получивший к этому времени единоличную диктаторскую власть, воздвиг на патриархию за такое непослушание форменное гонение, приступив к закрытию храмов, семинарий и монастырей советской лже-церкви. После этого лже-патриарх Алексей (Симанский) выразил полную покорность, а продолжавшего упорствовать председателя Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) фанатичного сталиниста Николая (Ярушевича) пришлось ликвидировать, и он внезапно умер. На его место был назначен убежденный экуменист и тайный католик, активный сторонник западного плана строительства лже-церкви *антихриста*, агент КГБ и по совместительству «архимандрит» (впоследствии «митрополит») МП Никодим Ротов. Новый глава ОВЦС энергично взялся за дело, и в конце 1960 г. состоялось вхождение Московской патриархии в ВСЦ.

Для предотвращения в будущем бунтов, подобных выступлению Ярушевича, советская власть была вынуждена урезать самостоятельность Московской патриархии и реорганизовать её внутреннюю жизнь. По новому Уставу 1961 г., разработанному лже-патриархом Алексием (Симанским) совместно с представителями Политбюро, патриархийное «священство» было полностью устранено от экономического и финансового управления приходами и становилось наемными работниками. Епархиальные органы управления были также упразднены. Было резко увеличено количество чекистской агентуры и осведомителей КГБ, в частности ими стали все старосты и казначеи приходов.

Между тем, политика «мирного сосуществования» не принесла советским руководителям желаемых плодов. Выяснилось, что западные иудео-масоны не желают равноправных отношений, а требуют восстановления довоенного положения, когда Советский Союз был у них в подчинении. Поэтому тактика односторонних уступок Хрущева, ведущая, в конце концов, к полной капитуляции в «холодной войне», стала вызывать у советской элиты всё возрастающее недовольство. Это недовольство особенно усилилось, когда Хрущев начал новую кампанию по разоблачению и развенчанию Сталина и разругался на этой почве с красным Китаем, возглавляемым правозверным коммунистом и сторонником сталинского плана строительства царства *антихриста* Мао Дзе Дуном. В недрах КПСС стала созревать оппозиция Хрущеву, возглавляемая нео-сталинистами. Однако среди этих людей уже не было человека, хотя бы отдаленно могущего сравниться со Сталиным по степени осатанения и одержимости. Поэтому требования оппозиции по сути дела сводились лишь к тому, чтобы продолжать «холодную войну», но не для достижения победы, как то мыслил Сталин, а для того, чтобы добиться почетной капитуляции в этой войне. Тактика же Хрущева, по мнению оппозиции, вела не к почетной, а к безоговорочной капитуляции.

В октябре 1964 г. эта группа нео-сталинистов произвела государственный переворот, свергла Хрущева и поставила на его место Брежнев. Однако новое советское руководство, несмотря на ряд частичных успехов, включение в сферу коммунизма новых стран в Африке и Азии и создание эффективного ядерного оружия, не сумело выдержать, прежде всего, экономической конкуренции с иудео-масонским Западом. Вследствие этого советским вождям так и не удалось добиться почетной капитуляции в «холодной войне», и через 25 лет, в конце 80-х годов XX века они вынуждены были согласиться на безоговорочную капитуляцию, окончательно отказаться от сталинского плана построения царства *антихриста* и включиться в выполнение западного плана на правах рядового партнера.

Всё эти внешне- и внутривнутриполитические изменения напрямую отражались на жизни Московской патриархии, как составной части антихристовой советской системы. В Московской патриархии тоже произошло разделение архиереев на две основные группы по признаку отношения к сталинскому плану построения лже-церкви *антихриста*. Сторонники данного плана образовали так называемую «красную» партию. Их противники, согласные с западным планом создания лже-церкви *антихриста* через экуменическое движение, составили так называемую «голубую» партию. Свое название эта партия получила по цвету флага ООН, а также оттого, что почти все её члены были содомитами. С годами, по мере постепенной демократизации жизни в Совдепии, влияние «красной» партии падало, а влияние «голубой» партии медленно, но неуклонно возрастало. Триумфом «голубой» партии стало назначение в 1990 г. на пост «Патриарха московского и всея Руси» лидера этой партии Алексия (Ридигера), тогда как предыдущие лже-патриархи Сергей (Страгородский), Алексей (Симанский) и Пимен (Извеков) принадлежали к «красной» партии. Разумеется, обе эти партии были едины в главном – ненависти ко Христу и Его Святой Церкви. В целом наличие двух партий сделало Московскую патриархию наиболее жизнеспособной и универсальной структурой

советской системы, т.к. она могла активно участвовать в строительстве царства *антихриста* независимо от того, по какому плану, сталинскому или западному, пойдет это строительство.

События «холодной войны» отразились и на жизни двух частей Поместной Русской Церкви – Зарубежной и Катакомбной. На территории России Церковь всё глубже и глубже уходила в катакомбы, практически потеряв возможность влиять на широкие народные массы. Постепенно уходила надежда на скорое возрождение православной самодержавной России, а с ней и бывшая приверженность большинства катакомбников к монархической идеологии, которая делалась необязательной. Однако в 50-е и 60-е годы все ещё сохранялась довольно широкая сеть катакомбных общин, обслуживаемых большим количеством священников. Сохранялся и канонический епископат, хотя уже и немногочисленный. Наибольшую известность имели епископы Петр (Ладыгин; † 1957) и Варнава (Беляев; † 1963). Тяжелейшие условия, в которых существовала Катакомбная Церковь, вели к отбору лишь сильных духом людей, почему и исповедание Катакомбной Церкви все эти годы оставалось неизменным: Московская патриархия считалась «сборищем сатанинским» – антихристовой лже-церковью, а советская власть признавалась властью коллективного *антихриста*, с которой не может быть никакого соглашения.

Однако непрекращающаяся деятельность ищек КГБ, которым активно помогало и «духовенство» Московской патриархии, постепенно подрывало силы Катакомбной Церкви. Оскудение епископата привело в обстановке подполья к появлению многочисленных самозванцев, выдававших себя за истинно-православных архиереев, но не могущих ничем подтвердить каноничность своего рукоположения. С начала 70-х годов большинство катакомбных священников, лишившись своих архипастырей и не доверяя самозванцам, стало поминать на богослужениях либо «православное епископство гонимых церкви Российския», не называя никого конкретно, либо Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. В конечном счете, именно богослужебное поминовение Первоиерарха РПЦЗ сделалось критерием, отделявшим принадлежавших к Поместной Русской Церкви от сектантов-самосвятов.

Российская Православная Церковь исповедует, что к середине 70-х годов XX столетия в Катакомбной Церкви уже не осталось архиереев, имевших неоспоримое каноническое рукоположение. С этого момента Катакомбная Церковь могла восполнить свой епископат или подтвердить каноничность своих архиереев только с помощью Русской Зарубежной Церкви, которая таким образом осталась единственной частью Русской Церкви, сохранившей благодать архиерейских хиротоний. Никто, из причисляющих себя к Катакомбной Церкви и отвергающий общение с Высшей церковной властью РПЦЗ, не может считаться принадлежащим к Поместной Русской Церкви.

На протяжении «холодной войны» единственной Церковью, способной открыто исповедовать истину и поведать миру о реальном положении дел в России, была Русская Зарубежная Церковь (РПЦЗ). И она продолжала делать это смело и убедительно, обличая ереси сергианства, экуменизма, софиологии, модернизма и другие, которые можно объединить общим названием «лже-православие». Одновременно выдающимися богословами и мыслителями Зарубежной Церкви была проделана огромная работа по осмыслению учения Святой Церкви применительно к переживаемой нами предантихристовой эпохе. Их трудами была создана современная православная историософия, включавшая учение о всемирной апостасии, об удерживающем значении русской монархической государственности, о новом мировом порядке, об *антихристе* и его лже-церкви и т. д.

Однако для исповеднического существования Зарубежной Церкви требовалось выполнение главного условия – свобода от влияния мирового зла и его организационных структур. Это легко удавалось Зарубежной Церкви в довоенный период, когда Церковная власть пребывала в православном монархическом государстве (Сербском королевстве) и, тем самым, не подвергалась идеологическому давлению мировой закулисы. Теперь же после войны, попав в иудео-масонскую среду и оказавшись на территории государств, управляемых этой мировой закулисой, Зарубежная Церковь не могла не оказаться под колоссальным идеологическим давлением, которое сделалось причиной медленного, но неуклонного разложения и перерождения Зарубежной Церкви, хотя сам процесс апостасии растянулся на десятилетия и на первый взгляд не был заметен. Можно сказать, что Зарубежная Церковь на собственном примере убедилась в великом значении монархической государственности как незаменимого средства внешнего ограждения православной веры и церковной свободы.

Влияние иудео-масонской среды привело, прежде всего, к качественному изменению состава верующих РПЦЗ. В первую очередь это коснулось духовенства, определявшего в силу иерархического устройства Церкви все основные стороны церковной жизни и её общее направление. Ещё в конце войны в Русскую Зарубежную Церковь влились архиереи и священники, ушедшие на Запад вместе с отступавшей немецкой армией. Значительная часть, если не большинство из них были в прошлом так или иначе связаны с Московской патриархией и приобщились её духа, хотя формально и отреклись от неё. Опрометчивое и поспешное принятие этих лиц в РПЦЗ изменило духовную обстановку в Зарубежной Церкви в худшую сторону и создало почву для появления новой либерально-масонской идеологии, которая стала постепенно вытеснять старую – консервативно-монархическую. В начале 60-х годов эта новоявленная идеология имела своих приверженцев уже и на епископском уровне и стала заявлять о себе открыто.

С уходом на покой в 1964 г. митрополита Анастасия (Грибановского), обладавшего в РПЦЗ бесспорным авторитетом, деятельность либерально-масонского крыла резко активизировалась. В епископате образовалась сплоченная группа архиереев либерально-экуменического образа мыслей, лидером которой стал Архиепископ Женевский Антоний (Бартошевич). Он сделался решительным противником исповеднического курса вновь избранного Первоиерарха РПЦЗ митр. Филарета (Вознесенского) и главным идеологом либерально-масонского крыла.

Основные положения новой либерально-масонской идеологии, которую её сторонники без тени смущения и стыда стали выдавать за «традиционную идеологию РПЦЗ», сводились к следующему:

- 1) отказ от признания РПЦЗ единственной истинной Церковью и решительный поворот к экуменизму, осуществляемый как через диалог, так и практически;
- 2) признание антихристовой Московской патриархии благодатной частью Русской Церкви, постепенное сближение с ней, а в перспективе и соединение;
- 3) отказ от национально-государственных задач, сохранения русской самобытности и постепенный переход к «вселенскому православию» евлогианского толка;
- 4) отказ от монархического мировоззрения как общеобязательного и признание масонской демократии богоустановленной властью.

Признание демократии богоугодной формой власти и возврат к церковному феодализму произошел к тому времени в РПЦЗ де-факто, т.к. иначе Зарубежная Церковь не смогла бы легально существовать ни в одной из западных стран. По мнению либерально-масонского крыла оставалось только закрепить это положение де-юре. Почти также обстояло дело и в вопросе о сохранении русской национальной идеологии РПЦЗ. Ассимиляция в странах рассеяния шла полным ходом, большинство пасомых постепенно

американизировалось и европеизировалось, перенимало иудео-масонскую систему ценностей, так что и здесь время работало на либерально-масонское крыло и ему оставалось только ускорять процесс в нужном направлении. Однако в вопросах экуменизма и отношения к советской лже-церкви, т.е. вопросах собственно экклезиологических, группировка Антония Женевского могла рассчитывать взять верх только после очень упорной борьбы, хотя и тут время работало в её пользу.

Между тем, новый Первоиерарх РПЦЗ митр. Филарет пытался твердо вести церковный корабль по антиэкуменическому и антисергианскому пути. Двумя своими знаменитыми «Скорбными посланиями» 1969 и 1972 г.г., направленными против экуменической ереси, он по сути дела противопоставил РПЦЗ всему отступническому «мировому православию» и сделал её центром святоотеческого Православия, к которому стали тяготеть истинно-православные христиане всего мира. Благодаря усилиям митр. Филарета РПЦЗ установила общение с обеими ветвями греческого старостильного движения, одновременно исправив каноническое положение греческих архиереев, хиротонии которых вызывали сомнение и требовали подтверждения со стороны истинно-православных епископов.

В отношении Московской патриархии митр. Филарет занял позицию однозначного непризнания этой структуры. Впервые в истории РПЦЗ он, наконец, четко и недвусмысленно объявил, что считает второй частью Поместной Русской Церкви не «патриархию», а Катакомбную Церковь, и не признает за патриархией лже-иерархией никакого канонического статуса. В экклезиологии митр. Филарета Московской патриархии как церковной структуре просто не оставалось места, она рассматривалась им только как филиал КГБ, как безблагодатная «церковь лукавнующих». Это отношение митр. Филарет выразил уже в одном из своих первых первоиерарших посланий 1965 г., в котором писал о том, что РПЦЗ неразрывно связана с Катакомбной Церковью, считает Её своей сестрой и призвана говорить в свободном мире от Её имени. Свою задачу третий Первоиерарх РПЦЗ видел в укреплении и налаживании связей с Катакомбной Церковью вплоть до восстановления для Неё, в случае необходимости, канонического епископата.

В этот период лидер либерально-масонского крыла Антоний Женевский вел в Зарубежной Церкви закулисную работу по вербовке своих идейных сторонников и расстановке всюду «своих» людей. За несколько лет ему удалось создать внутри РПЦЗ, по сути дела, альтернативный центр власти, почти не зависящий от Первоиерарха и Синода. Антоний Женевский имел разветвленные связи с мировой закулисой, опираясь на свое сильно промасоненное европейское духовенство, а в политическом плане – на «Народно-трудовой Союз» (НТС), который, считаясь антисоветской организацией, в действительности почти целиком состоял из советских агентов. В НТС Антоний Женевский отыскал и своего идейного наследника и преемника – будущего архиепископа Берлинского Марка (Ардта). В противоположность митр. Филарету архиеп. Антоний активно стремился влиться в экуменическое «мировое православие», а в отношении Церкви на Родине, не имея возможности открыто проповедовать благодатность МП и необходимость соединения с нею, сделал ставку на так называемых «церковных диссидентов» – группу сергианских священников и мирян, вошедших в идеологический конфликт со своим начальством. Катакомбную же Церковь Антоний Женевский совершенно игнорировал и считал её реально несуществующей.

Решительный бой группировка Антония Женевского дала консерваторам на Третьем Всезарубежном Соборе РПЦЗ, состоявшемся в 1974 г. Ей удалось сделать центральным пунктом Собора вопрос об отношении к советским церковным диссидентам – Солженицыну, Дудко, Якунину и др. Либерально-масонское крыло требовало безоговорочной поддержки этих людей, как великих исповедников веры, ссылаясь на их антикоммунизм, который всегда был неотъемлемой составляющей идеологии РПЦЗ.

Однако Антоний Женевский и его сторонники старались изо всех затушевать тот факт, что помимо антикоммунизма все эти деятели были убежденными экуменистами и членами сергианской лже-церкви. Безоговорочное одобрение диссидентов, таким образом, означало одобрение их либерально-экуменических воззрений и самого факта их нахождения в МП. Поддержка диссидентов полностью обесценивала подвиг Катакомбной Церкви, создавала впечатление, будто можно быть исповедником веры внутри еретической антицерковной организации. Одновременно Антоний Женевский ратовал на Соборе за объединение РПЦЗ с раскольничьими Парижской и Американской митрополиями во имя гуманистической «любви», которая должна всех примирить.

Хотя усилиями митр. Филарета и консервативных епископов идея экуменического диалога и объединения вне истины была Собором отвергнута, группировка Антония Женевского сумела одержать победу в решающем вопросе о советских диссидентах. Соборное Послание, восхваляя патриархийных оппозиционеров, подобных провокатору Дм. Дудко, ничего не сказало о подвиге Катакомбной Церкви, как будто Её и не было вовсе. Послание смешало в одну кучу катакомбных исповедников и сергиан, русский народ с советским, заявив, что «архипастыри, пастыри, иноки и миряне по обе стороны железного занавеса едины. Вместе они составляют Святую Церковь Русскую — неделимую, как неделим нешвенный хитон Христов», хотя никакого единства между советской лже-церковью и Катакомбной Церковью не было и быть не могло в силу их полной несовместимости. По сути дела, Собор своим Посланием утвердил еретическую экклезиологию Антония Женевского, согласно которой есть две части Русской Церкви — РПЦЗ и Московская патриархия, в которой, в свою очередь, существуют «плохие» епископы, которых РПЦЗ не признаёт, и находящиеся с этими «плохими» епископами в молитвенно-евхаристическом общении «хорошие» священники и миряне, которых РПЦЗ признаёт членами Церкви.

После победы на Соборе Антоний Женевский, почувствовав, что руки у него развязаны, активно возобновил свою экуменическую деятельность и путем демонстративных провокационных сослужений с клириками «мирового православия» добился того, что обе ветви греков-старостильников разорвали (в 1976 и 1979 г.г.) общение с РПЦЗ из-за ее экуменизма. Это был серьезный удар по исповедническому курсу митр. Филарета. Одновременно Антоний Женевский продолжал тесные контакты с советскими церковными диссидентами, в частности, вступил в переписку с сергианским священником-провокатором Дм. Дудко, которого сделал своим главным советником и экспертом по церковным вопросам в России. Всё это было откровенным и дерзким попранием духовного завещания митр. Анастасия, запрещавшего членам РПЦЗ иметь с патриархийным духовенством даже бытовое общение.

Митр. Филарет и поддерживающаяся его группа епископов-консерваторов были решительными противниками заигрывания с деятелями, подобными Дудко или Солженицыну. Митр. Филарет старался внимательно следить за жизнью истинной Церкви в России, противостоявшей как советскому государству, так и МП. В 1977 г. он принял под свой омофор четырнадцать священников Катакомбной Церкви, не сумевших после смерти своего архиерея отыскать в России истинно-православного епископа. Такое оскудение епископата Катакомбной Церкви привело митр. Филарета к мысли о необходимости оказать помощь Церкви на Родине и восстановить для Неё канонически бесспорную иерархию. В поисках достойного кандидата в катакомбные архиереи митр. Филарет остановился на иосифлянском прот. Михаиле Рождественском и стал готовить его рукоположение. Однако в этот процесс вмешался Антоний Женевский, позиция которого по отношению к Катакомбной Церкви к этому времени изменилась.

Причиной этого изменения стал полный крах советского диссидентского движения в конце 70-х — начале 80-х годов. В эти годы советское руководство предприняло

последнюю попытку добиться для себя не безоговорочной, а почетной капитуляции в «холодной войне», для чего начало новый её виток. В рамках обострения отношений с Западом в С.С.С.Р. последовали аресты всех диссидентов, в том числе церковных. Последние начали приносить покаяния, зачастую публичные в своей «антисоветской деятельности». Выступил с таким покаянием и любимчик Антония Женевского Дмитрий Дудко, заявивший по советскому телевидению, что его «так называемая борьба с безбожием» была на самом деле «борьбой с советской властью». Люди, которых либерально-масонское крыло РПЦЗ превозносило как великих исповедников веры, оказались на деле малодушными отступниками, постыдно и жалко пали при первом серьезном нажиме со стороны советской власти. Крах диссидентского движения обернулся для Антония Женевского, сделавшего на это движение ставку, величайшим позором и сильно подорвал его влияние в РПЦЗ. Для сохранения остатков этого влияния Антоний Женевский должен был хотя бы на словах переменить свое отношение к Катакомбной Церкви и формально примкнуть к курсу митр. Филарета. Поэтому он согласился с рукоположением архиерея для Катакомбной Церкви, но предложил своего кандидата – бывшего патриархийного клирика Лазаря (Журбенко), которого ещё в 70-х годах активно пропагандировал Дудко как «гонимого священника Катакомбной Церкви». Кандидатура Лазаря была выбрана Антонием Женевским не без умысла, т.к. почти все в Катакомбной Церкви относились к Журбенко с недоверием, считая его провокатором КГБ. Рукоположение такого человека в качестве первого епископа восстанавливаемой иерархии Катакомбной Церкви наносило Ей страшный удар, на что, видимо, и рассчитывал Антоний Женевский.

В конце 1980 г. Антоний Женевский зачислил рукоположенного в патриархии Лазаря в число клириков Западно-европейской епархии РПЦЗ, затем в январе 1981 г. заочно возвел его в «архимандрита» и стал активно продвигать на архиерейство. В том же 1981 г. состоялся Синод РПЦЗ, на котором митр. Филарет и еще 5 архиереев отвергли кандидатуру Журбенко и остановились на кандидатуре о. Михаила Рождественского. Однако Антоний Женевский с этим не согласился и решил добиваться своего любой ценой. В 1982 г. он вместе с еп. Марком Берлинским тайно рукоположил в епископа Каннского игумена Варнаву (Прокофьева). Последний был снабжен всеми необходимыми документами и отправлен в СССР под видом туриста. Оказавшись в Москве еп. Варнава не сумел связаться с о. Михаилом Рождественским, зато без труда отыскал Лазаря и единолично рукоположил его во епископа на одной из московских квартир. Всё это происходило под присмотром КГБ и приобрело характер откровенной провокации. Таким образом, идею митр. Филарета о восстановлении каноничной иерархии Катакомбной Церкви Антонию Женевскому удалось нейтрализовать, т.к. во главе этой иерархии был поставлен человек, отвергаемый большинством катакомбных христиан как провокатор.

Однако в целом начало 80-х годов ознаменовалось решительным поражением либерально-масонского крыла РПЦЗ и стало вершиной исповеднического пути Зарубежной Церкви. Особенное значение приобрели два события. В 1981 г. на Архиерейском Соборе РПЦЗ были канонизированы Новомученики и Исповедники Российские во главе со святыми Царственными Мучениками, а в 1983 г. на Соборе в Мансонвилле была анафематствована ересь экуменизма. Прославление Царской семьи именно как мучеников было исключительно важным, ибо это был решительный шаг по пути преодоления февральского греха.

Российская Православная Церковь исповедует, что святые Царственные Мученики и, прежде всего, Царь-мученик Николай пострадали за свое христианское служение православного монарха, смысл которого состоит в утверждении данной ему от Бога властью христианских начал в мире и в противодействии деятельности антихристовых сил, подготовляющих пришествие в мир *антихриста*. Для такого рода служения православный монарх получает особого рода дары Святаго Духа,

становясь Помазанником Божиим. Убиение Помазанника Божия, совершенное сатанинскими силами, явилось по своему смыслу богоубийством, а мученическая кончина Государя Николая и Его семьи приняло характер искупительной жертвы за грехи русского народа, приведшие к этому убиению. Путь к покаянию русского народа лежит через восприятие каждым русским человеком плодов этой жертвы, принесенной во образ искупительной крестной жертвы Господа нашего Иисуса Христа.

Российская Православная Церковь исповедует, что Святые Новомученики и Исповедники Российские прославлены у Бога за то, что своей жизнью и кончиной явили образец христианского служения в последние времена, в которые путь ко спасению открывается только через отвержение антихристовой власти и поддерживающей её лже-церкви *антихриста*.

Объявлению анафемы на экуменизм предшествовала всё возрастающая дерзость участников этого движения, расширивших в начале 80-х годов свой экуменический «кругозор» и перешедших от межхристианского «диалога» к межрелигиозному. На Генеральной Ассамблее ВСЦ 1983 года в Ванкувере, где присутствовали представители всех существующих религий, творилось уже настоящее беснование. Ассамблея началась с языческого обряда, совершенного местными шаманами-индейцами, а в дальнейших экуменических радениях активное участие принимали иерархи церковей «мирового православия». В этих условиях Церковь обязана была засвидетельствовать, что экуменизм является ересью ересей, а все члены ВСЦ составляют единую антихристову лже-церковь, сборище сатанинское. И Русская Зарубежная Церковь засвидетельствовала это от имени всей Вселенской Церкви, произнеся на экуменизм анафему.

Российская Православная Церковь исповедует, что анафема РПЦЗ на экуменизм изречена от имени всей Вселенской Церкви, а не является частным делом Поместной Русской Церкви. Поэтому все участники экуменического движения и находящиеся с ними в молитвенно-евхаристическом общении более не являются членами Тела Христова, а образованные этими людьми религиозные сообщества и «православные церкви» лишены благодати Святаго Духа. Никто в Российской Православной Церкви не может истолковывать анафему 1983 г. на экуменизм как относящуюся только к членам Российской Православной Церкви и не носящую вселенского характера.

Прославление Новомучеников и Исповедников Российских и анафематствование экуменизма стали возможными благодаря личным усилиям митр. Филарета (Вознесенского) и явились последними и важнейшими вехами его первоиераршего служения, которым он заслужил всеобщую любовь истинно-православных христиан и дружную ненависть врагов Православия. В конце 1985 г. этот светильник православной веры, «подвигом добрым подвизавшийся» (2 Тим. 4:7), отошел ко Господу, дабы получить «венец правды, который даст Господь ... всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим.4:8).

После кончины митр. Филарета либерально-масонское крыло в РПЦЗ вновь подняло голову. На выборах нового Первоиерарха архиеп. Антоний Женеvский и противостоявший ему консервативный архиеп. Монреальский Виталий (Устинов) получили одинаковое количество голосов преосвященных. Вопрос пришлось решать жребием, который по милости Божией пал на архиеп. Виталия, ставшего новым Первоиерархом Поместной Русской Церкви. Это избрание отдалило триумф либерально-масонских сил в РПЦЗ, в противном случае катастрофа Зарубежной Церкви произошла бы на десять лет раньше, чем она случилась.

Однако вновь избранный митр. Виталий уже не обладал авторитетом покойного митр. Филарета и поэтому не мог должным образом противостоять натиску сильной группировки Антония Женеvского, с которой ему ради сохранения единства постоянно

приходилось вступать в компромиссы, подчас болезненные и разрушительные для Церкви. Уже в Рождественском Послании 1986/87 г. митр. Виталий в угоду либерально-масонскому крылу допустил неосторожное выражение о том, что анафема на экуменизм якобы имеет лишь характер порицания и увещания экуменическим церквам «мирового православия», а не есть отсечение их от Вселенской Церкви, как это и следует из смысла слова «анафема». Но и без этого Послания Антоний Женевский, Марк Берлинский и их клирики продолжали безбоязненно совершать сослужения с представителями экуменического православия, на что митр. Виталий вынужден был закрывать глаза. Единственно в чем митр. Виталий решительно пошел против либерально-масонского крыла, это в вопросе о соединении с Московской патриархией, которую митр. Виталий не признавал за Церковь.

Между тем, С.С.С.Р. исчерпал практически все свои экономические, технические и моральные ресурсы и больше не мог вести «холодную войну». Новое советское руководство, пришедшее к власти в 1985 г., отказалось от идеи продолжать «холодную войну» для достижения почетной капитуляции и согласилось на безоговорочную капитуляцию перед иудео-масонским Западом. Оно изъявило готовность участвовать в западном плане построения царства *антихриста* на условиях победителя, полностью отказавшись от своих идей и замыслов. Этот процесс капитуляции советской системы и постепенной её интеграции в западную систему получил название политики «перестройки». В рамках этой политики предполагалось заменить плановую советскую экономику на западную рыночную, диктатуру КПСС на закулисный механизм управления парламентского типа, официальную коммунистическую идеологию на либерально-масонскую, а Советский Союз расчленил на несколько условно независимых государств, во главе которых поставить марионеточные правительства, получающие указания непосредственно от мировой закулисы. В процессе демонтажа советской системы планировалось ликвидировать практически всё её институты за исключением КГБ и Московской патриархии, поскольку эти организации, имея заведомо сатанинское происхождение, не требовали «перестройки» и легко вписывались в западный план построения царства *антихриста*. Требовалось только произвести необходимые кадровые перестановки и преобразовать внутреннюю структуру этих организаций.

В Московской патриархии этот процесс упрощался тем, что все её высокопоставленные руководители на уровне епископата были сотрудниками КГБ, служившими сатане, как и завещала Декларация 1927 г., не за страх, а за совесть. Поэтому переподчинение патриархии от КПСС мировой закулисе произошло совершенно безболезненно. Во главе Московской патриархии был поставлен лидер «голубой» партии, агент КГБ под псевдонимом «Дроздов» Алексей (Ридигер), сменивший на этом ответственном посту скончавшегося в разгар «перестройки» третьего советского лже-патриарха Пимена (Извекова). Смена руководства Московской патриархии, как и смена её хозяев, никак не изменили её сущности – служение власти *антихриста* не на словах, а на деле. «Перестройка» коснулась только порядка подчинения патриархии антихристовой власти. Теперь этот порядок стал двойным: мировому правительству и его полномочным представителям в данной стране. В случае серьезного конфликта мирового правительства с местным правительством патриархия обязалась принимать сторону мирового правительства, а местному правительству оказывать неповиновение. Это положение патриархия впоследствии закрепила официально в документе под названием «Основы социальной концепции».

На первый взгляд политика «перестройки» открывала для двух частей Русской Церкви – Зарубежной и Катакомбной больше возможностей и приносила им желанную свободу проповеди. Однако так казалось только на первый взгляд. В действительности смена одной богопротивной власти – советской на другую – масонскую, образно говоря, смена Октября на Февраль, никакой подлинной свободы дать Церкви не могла, т.к. эта

свобода может быть в полной мере обеспечена только в условиях богоустановленной самодержавной царской власти.

Особенно трагическим непонимание ситуации было в Русском Зарубежье. Большинство членов РПЦЗ к тому моменту свыклось с западной иудео-масонской системой, как с «нормальной», не понимая того, что Зарубежная Церковь была терпима в этой системе во многом благодаря тому, что, противостоя Московской патриархии, она тем самым противостояла враждебной Западу советской системе, неотъемлемой частью которой являлась советская лже-церковь. Поэтому западные иудео-масоны до поры до времени Зарубежную Церковь не трогали, а кое в чем даже ей помогали, например, предоставляя время для радиовещания на С.С.С.Р. Теперь же в условиях «перестройки» и капитуляции советской системы Запад не испытывал в Зарубежной Церкви никакой нужды. Более того, она стала представлять явную опасность, как хранительница Православного мировоззрения и Русской национальной идеологии. Даже сама борьба против патриархии теперь становилась для Зарубежной Церкви борьбой против победившей западной иудео-масонской системы, т.к. Московская патриархия сделалась составной частью этой системы и начала служить ей столь же ревностно, как ранее служила КПСС.

Таким образом, успешное завершение «перестройки» ставило Зарубежную Церковь в изолированное положение во враждебном антихристовом окружении. В сходном положении оказывалась и Катакомбная Церковь, поскольку её иерархическое возглавление и церковная жизнь к концу 80-х годов стали почти полностью зависеть от Зарубежной Церкви. Фактически с завершением «перестройки» Зарубежная Церковь попадала в ситуацию, сложившуюся для Русской Церкви после Февраля 1917 г., когда сохранить положение официальной и признаваемой властями Церкви можно было только путем отступления от Христа и признания этих властей «богоустановленными». В противном случае неизбежны были конфликт с властями и переход на положение Церкви неофициальной и гонимой.

Но в конце 80-х годов понимания трагичности сложившейся ситуации в Русском Зарубежье не было. Напротив, создавалось впечатление, что приближается долгожданное возрождение России и то время, когда Зарубежной Церкви предстоит исполнить свою историческую миссию – вернуть на Родину сохраненное истинное Православие и русский национальный дух. Это возвращение должно было стать сначала идейным, а затем и фактическим – Первоиерарх РПЦЗ, являвшейся к тому времени по сути Первоиерархом Поместной Русской Церкви, и Архиерейский Синод РПЦЗ должны были перенести свою деятельность в Россию и руководить жизнью Русской Церкви из России, а не из-за границы. Отказ же от возвращения в Россию обесценивал весь смысл пребывания в эмиграции – последняя в этом случае действительно становилась не временным исходом, а трусливым бегством и предательством народа, как это и всегда старались представить советская пропаганда и её подпевалы из Московской патриархии. Сама РПЦЗ это также хорошо понимала, почему свое заграничное пребывание и сам свой статус самоуправляющейся заграничной части Русской Церкви она всегда определяла сроками падения коммунизма в России.

Российская Православная Церковь исповедует, что с упразднением коммунистического С.С.С.Р. и созданием на территории бывшей Российской империи государств с социально-политическим строем стран пребывания РПЦЗ исчезли условия для существования Русской Зарубежной Церкви в качестве самоуправляющейся заграничной части Поместной Русской Церкви. В этих обстоятельствах Зарубежная Церковь должна была войти в каноническое подчинение Высшей церковной власти в России, а ввиду отсутствия такой власти принять все возможные меры для её восстановления или взять функции Высшей

церковной власти на себя, перенеся органы своего управления на территорию бывшей Российской империи.

Таким образом, в конце 80-х – начале 90-х годов наступил решающий момент церковно-исторического бытия Зарубежной Церкви. И тут выяснилось, что духовный, идейный и моральный уровень РПЦЗ никак не соответствует значительности и трудности вставшей перед ней задачи возвращения на Родину и просвещения русского народа. Русская Зарубежная Церковь оказалась не готова решить два важнейших вопроса: об отношении к советской лже-церкви и об отношении к существующей государственной власти.

Выработать антисергианскую экклезиологию и дать догматическое определение сергианской ереси Зарубежной Церкви не удалось даже по времена приснопамятного митр. Филарета. Теперь же после кончины митр. Филарета господствующей идеологией в РПЦЗ и подавно сделалась либерально-масонская идеология Антония Женевского, который считал патриархию благодатной частью Русской Церкви, но плененную безбожниками и возглавляемую их агентами. Сергианство, по мнению либерально-масонского крыла РПЦЗ, есть прегрешение чисто нравственного порядка, которое легко врачуетя покаянием.

Аналогично обстояло дело к тому времени в РПЦЗ и с вопросом об отношении к государственной власти. Согласно либерально-масонской февралистской идеологии богопротивной является только советская власть, тогда как все остальные формы власти суть богоугодные. Поэтому молиться на богослужении за советскую власть, как это делала патриархия, есть грех, тогда как молитвы за иудео-масонские власти стран рассеяния, возносимые в храмах РПЦЗ, угодны Богу. Ликвидация советской власти с заменой её иудео-масонской властью западного типа лишала всякой силы эти рассуждения и оставляла сторонников этой идеологии в полной беспомощности. Усвоившая либерально-масонское мировоззрение РПЦЗ оказывалась совершенно без аргументов в полемике с патриархией, т.к. с падением коммунизма она становилась с ней в одинаковые отношения к властям.

Все эти внутренние немощи РПЦЗ предопределили путь, по которому началось возвращение Зарубежной Церкви на Родину. Если бы РПЦЗ держалась своего традиционного вероисповедания о неразрывном единстве с Катакомбной Церковью, то в своей миссии в России она бы попыталась опереться, прежде всего, на катакомбные приходы, на наследие Катакомбной Церкви и стремилась бы отыскивать, обучать и рукополагать в священники и епископы членов Катакомбной Церкви. Лишь во вторую очередь можно было опираться на наиболее честных и искренних верующих Московской патриархии. На деле же Архиерейский Синод РПЦЗ склонился к предложению Антония Женевского опираться в первую очередь на церковных диссидентов советской лже-церкви, и принимать оттуда в юрисдикцию Архиерейского Синода РПЦЗ в упрощенном порядке оппозиционных священников и целые приходы. В отношении же Катакомбной Церкви РПЦЗ стала руководствоваться рекомендациями еп. Лазаря (Журбенко), который зная о своей репутации в Катакомбной Церкви, стремился опорочить её служителей и представить все её ветви неканоническими. В результате Синод пришел к абсурдному решению: духовенство Московской патриархии, анафематствованной Катакомбной Церковью, принимать «в сущем сане», а духовенство самой Катакомбной Церкви практически всё перерукополагать как «неканоническое» и «самосвятское». Тех, кто на это соглашался, подчиняли после рукоположения всё тому же Лазарю. Это оскорбительное отношение к Катакомбной Церкви, идущее в разрез с прошлыми заявлениями о «Церкве-сестре», оттолкнуло многих катакомбников от РПЦЗ, привело к переходу их в другие юрисдикции, а частично и к превращению в самозамкнутые секты.

Решение о массовом принятии приходов МП в РПЦЗ было принято на заседании Архиерейского Собора РПЦЗ 2/15 мая 1990 г. Эти приходы получали название Свободной Российской Православной Церкви (СРПЦ). Не имея четкой экклезиологической позиции по отношению к Московской патриархии, РПЦЗ с самого начала вступала на скользкий и опасный путь. Так в послании от 3/16 мая 1990 г. Архиерейский Собор РПЦЗ, объясняя необходимость открытия своих приходов в России, заявил: «Верим и исповедуем, что в храмах Московской патриархии, в тех из них, в которых священник горячо верит и искренне молится, являясь не только служителем культа, но и добрым пастырем, любящим своих овец, по вере приступающих, подается в Таинствах спасительная благодать». То есть наличие спасительной благодати связывалось не с епископатом, а со священством, и ставилось в зависимость даже не от веры отдельного священника, а от его моральных качеств. Результатом такой лукавой двусмысленности могла стать только полная дискредитация правильной по существу идеи создания параллельных приходов РПЦЗ в России. Безответственное обращение с экклезиологией, пренебрежение догматической стороной вопроса не могло не иметь нравственных последствий, которые стали проявляться очень быстро.

Из принципиальных духовно-идейных побуждений присоединились к РПЦЗ лишь немногие. Если бы во главу угла была поставлена четкая экклезиология, то даже эти немногие могли стать центрами кристаллизации здоровой церковной жизни. В действительности же они оказались задавлены хлынувшей в РПЦЗ массой проходимцев и нравственно распущенных людей, типичных продуктов советской лже-церкви. Большая часть перешедших активистов оказалась либо карьеристами, амбиции которых почему-либо не удовлетворила Московская патриархия, либо безнравственными личностями, которым даже в патриархии грозило наказание, либо просто авантюристами, мечтавшими о зарубежных поездках и больших деньгах. Последовавшие за такими клириками прихожане в подавляющем большинстве сделали это по привычке во всем слушаться своих «батюшек». Вся эта разношерстная масса несла с собой ещё и целый ворох заблуждений и лжеучений, которыми пропиталась в патриархии.

Усугубляя свою ошибку, Синод РПЦЗ стал подбирать из таких людей кандидатов в епископы в помощь еп. Лазарю, который не справлялся с окормлением огромного количества приходов, да и не особенно желал этого делать. Первым избранником Синода стал патриархийный «архимандрит» Валентин (Русанцов), о котором было заведомо известно, что он активный участник патриархийной «борьбы за мир», награжденный за свою «миротворческую» деятельность грамотами и шестью почетными медалями Советского Фонда Мира, бывшего, как известно, кормушкой для революционеров и смутьянов по всему миру и структурным подразделением КГБ. Имевший более 20-ти церковных наград МП и церковей «мирового православия» Валентин Русанцов к тому же являлся депутатом городского совдепа и за одно это подлежал анафеме патр. Тихона на советскую власть. Впоследствии выяснилось, что он ещё и содомит. Несмотря на всё это, в феврале 1991 года эта сомнительная во всех отношениях личность была хиротонисана во епископа Суздальского.

Между тем, 1991 г. оказался годом успешного завершения политики «перестройки». Советский Союз полностью и окончательно развалился, КПСС самоликвидировалась, а некогда всемогущие советские руководители, подписав безоговорочную капитуляцию, полностью исчезли с политической сцены и на их место пришли подготовленные заранее деятели иудео-масонского мировоззрения, взявшиеся за выполнение западного плана построения царства *антихриста*. На территории Советского Союза было образовано несколько условно независимых государств с марионеточными правителями, одно из которых под названием «Российская Федерация» объявило себя политическим, историческим и правовым преемником С.С.С.Р.

Российская Православная Церковь исповедует, что образованное в 1991 г. на территории бывшей Российской Империи государство под названием «Российская Федерация» (РФ) или «Россия» не имеет преемства с историческим Русским государством, а является духовным, историческим и правовым преемником С.С.С.Р. Существующая на территории этого государства власть есть прямая наследница сатанинской советской власти, на которую Поместной Российской Церковью наложена неснимаемая анафема. Никто из членов Российской Православной Церкви не может под угрозой отлучения участвовать каким бы то ни было образом в деятельности органов этой власти и проводимых ею политических и общественных мероприятиях, а также принимать от представителей этой власти какую-либо финансовую или иную помощь.

Распад С.С.С.Р. и ликвидация советской системы не стали неожиданными для Московской патриархии. Уже в ноябре 1991 г. лже-патриарх Алексей (Ридигер) прибыл в Нью-Йорк, чтобы принести своим новым хозяевам присягу по установленному ритуалу. Здесь он выступил перед представительным собранием американских раввинов с речью, в которой назвал собравшихся жидов «братьями и сестрами» и заявил, что у христиан и иудеев общий Бог-Отец. Речь Ридигера по своему содержанию повторяла основные положения Декларации 1927 г., но раскрывала их применительно к современным условиям, например, знаменитая фраза «ваши радости – наши радости» теперь стала звучать «ваши пророки — наши пророки». Заручившись поддержкой всемирного иудео-масонского штаба и получив от него необходимые инструкции, Ридигер вернулся в РФ и приступил к выполнению своих служебных обязанностей.

Совершенно в других условиях после 1991 г. оказалась РПЦЗ. С крушением советской системы борьба с коммунизмом потеряла для Запада свою важность, и мировая закулиса потребовала от Зарубежной Церкви отхода от своей исповеднической позиции и приспособления к духу апостасийного мира. На Зарубежную Церковь начало оказываться систематическое закулисное давление с целью принудить её интегрироваться в существующий новый мировой порядок. Поначалу Архиерейский Синод РПЦЗ находил в себе силы противостоять этому давлению, и на Соборе в мае 1993 г. епископы РПЦЗ даже специально обличили «мировую систему зла, контролирующую общественное мнение и координирующую действия по уничтожению Православного христианства и национально устойчивых народов». Однако в дальнейшем устоять на исповеднических позициях РПЦЗ не удалось, что было связано с двумя обстоятельствами: провалом миссии РПЦЗ в России и качественным перерождением самой Зарубежной Церкви.

Провал миссии в России, изначально опиравшейся на ошибочные представления о современной русской жизни и ложные идейные предпосылки, сделался очевидным в ближайшие три года после крушения С.С.С.Р.

В начале 1992 года Архиерейский Синод РПЦЗ направил в Россию в качестве своего постоянного представителя еп. Варнаву (Прокофьева), наделив его широкими властными полномочиями. Последний, совершенно не ориентируясь в российской политической и церковной обстановке, внес в жизнь приходов РПЦЗ невероятную смуту и придал её деятельности в России скандальный характер. Особенно тяжелые последствия имел союз еп. Варнавы с Национально-патриотическим фронтом «Память», организацией монархического толка, но возглавляемой совершенно нецерковными людьми, склонными к разного рода авантюрам, в которые они втянули и еп. Варнаву. Скандальное сближение еп. Варнавы с «Памятью» привело к тому, что средства массовой информации, до этого благоволившие к РПЦЗ, как «западной» церкви, стали говорить и писать о ней только в негативных тонах, а общественное мнение стало резко против неё.

Однако именно эта внезапная перемена отношения иудео-масонской прессы и «демократической общественности» к Зарубежной Церкви в связи с её союзом с

«Памятью» моментально обнаружила каково действительное положение РПЦЗ в современном апостасийном мире. Каковы бы ни были недостатки «Памяти», но она была национальной и монархической организацией, и именно это обнаружение монархических симпатий со стороны РПЦЗ сразу сделало последнюю ненавистной в глазах «мировой общественности». Представители РПЦЗ, начиная с Первоиерарха, начали один за другим отречься от монархизма, национализма и вообще политики, подчеркивать свою «аполитичность», толерантность и уважение к либерально-масонским ценностям современного мира. Это была явная сдача своих идейных позиций в угоду мировой закулисе. Публично отказавшись от своей монархической идеологии, РПЦЗ практически лишилась возможности стать центром национального возрождения русского народа.

Через три года после открытия первых приходов РПЦЗ выяснилось, что Зарубежная Церковь не готова стать и центром духовного возрождения одичавших русских людей. Ставка на патриархийных верующих, которых РПЦЗ опрометчиво принимала за русский народ и ошибочно противопоставляла их советским архиереям, привела к тому, что приходы СРПЦ стали представлять собой своего рода отстойник, куда сливалось едва ли не всё худшее, что могла породить патриархия. Это вызвало настоящий шок у представителей РПЦЗ, занимавшихся раньше бездумной идеализацией современного им русского народа, и толкнуло их в другую крайность – всюду видеть только советских человек и агентов КГБ. Последним ударом по миссии РПЦЗ в России стала организация сильного церковного раскола еп. Валентином (Русанцовым), обнаружившим, наконец, свое подлинное лицо авантюриста и проходимца. Воспользовавшись полнейшим развалом церковного управления РПЦЗ в России, устроенным еп. Варнавой, и спекулируя на ошибках Архиерейского Синода, пытавшегося управлять церковной жизнью в России, не считаясь с местными условиями и не зная их, Валентин отделился от РПЦЗ и организовал свою собственную «Российскую Православную Автономную Церковь» (РПАЦ), куда увлек около трети приходов бывшей СРПЦ.

Российская Православная Церковь исповедует, что созданная бывшим епископом РПЦЗ Валентином (Русанцовым) и подведомственным ему духовенством так называемая «Российская Православная Автономная Церковь» (РПАЦ) является раскольнической структурой, не имеющей канонического преемства с Поместной Русской Церковью. Со времени запрещения Архиерейским Синодом РПЦЗ еп. Валентина в священнослужении богослужения последнего безблагодатны, таинства им совершенные не суть таинства, а произведенные им или с его участием хиротонии неканоничны.

Другой причиной потери Зарубежной Церковью исповеднического духа стало качественное изменение состава и духовного состояния верующих РПЦЗ. Сразу после крушения С.С.С.Р. на Запад хлынула волна эмигрантов, многие из которых были членами Московской патриархии. При отсутствии у РПЦЗ ясной экклезиологии в отношении МП все эти люди признавались «братьями и сестрами» и без разбору принимались в РПЦЗ. С собой они приносили советский дух, особое патриархийное «благочестие» и пеструю смесь еретических лжеучений, которыми заразились в советской лже-церкви. Это резко изменило духовную обстановку в РПЦЗ в худшую сторону.

Но отсутствие у РПЦЗ четкого экклезиологического определения Московской патриархии привело и к тому, что подавляющее большинство старых членов РПЦЗ (причем ещё задолго до крушения советской системы) стало оценивать патриархию не с догматических и экклезиологических, а с партийно-политических позиций. Причиной разделения РПЦЗ и МП, по мнению этих людей, был коммунизм, в пленении у которого находилась патриархия. Поэтому, когда рухнул коммунизм, и была объявлена свобода религии, а Московская патриархия перестала формально зависеть от государства, ставшего как на Западе многоконфессиональным и либерально-масонским, то широкими

масса верующих РПЦЗ овладела идеей соединения с патриархией, которую они стали считать «свободной» и даже «Матерью-Церковью». Дело дошло до того, что сам Великий Князь Владимир Кириллович, глава династии Романовых, перешел из РПЦЗ в патриархию, целовал при всех в ноябре 1991 г. крест в руке лже-патриарха Алексия и был отпет несколько месяцев спустя тем же лже-патриархом. За этот поступок Владимир Кириллович был отлучен от Церкви своим духовником архиеп. Антонием (Синкевичем).

Российская Православная Церковь исповедует, что после перехода главы Российского Императорского дома и его наследников в советскую лже-церковь – Московскую патриархию они потеряли право на престолонаследие, поскольку в соответствии со статьей 63-ей Основных Государственных законов и по самому смыслу Православного вероучения о самодержавной Царской власти престол Императора Всероссийского может занимать только лицо православного вероисповедания. Восстановить свои права на престол члены династии Романовых могут не иначе как через принесение покаяния перед Российской Православной Церковью и возвращение в её лоно.

Наконец, пренебрежение экклезиологией лишило серьезных аргументов и самих противников соединения РПЦЗ с патриархией. Все их доводы оказывались чисто политическими и сводились в основном к тезису о том, что коммунизм будто бы никуда не исчез, КГБ всё так же всемогущ и полностью контролирует патриархию. Этот тезис легко опровергался самой жизнью. Попытка же перевести спор в экклезиологическую и догматическую плоскости без труда пресекалась сторонниками объединения ссылками на то, что РПЦЗ никогда не объявляла патриархию безблагодатной и всегда считала её хотя и плененной, но частью Русской Церкви.

Всё это вместе взятое, начиная от провала миссии в России и связанной с ним растерянностью в епископате, и кончая духовным перерождением членов РПЦЗ, вызванным беспомощностью её экклезиологии и господством либерально-масонской идеологии, стало причиной потери РПЦЗ исповеднического духа и появления среди её архиереев сильной группировки, решившей отказаться от противостояния мировой закулисе, капитулировать перед ней и через это заслужить помилование и достойное место в строящемся царстве *антихриста*. Лидером этой группировки стал архиеп. Берлинский и Германский Марк, ученик и идейный продолжатель курса архиеп. Антония Женевского (+ 1993), значительно превзошедший последнего в богоотступлении. Практической программой архиеп. Марка и его сообщников стало добиться объединения РПЦЗ с антихристовой Московской патриархией. Это деяние они справедливо расценивали, как наиболее действенный способ понравиться мировой закулисе, получить её признание и соответствующие блага.

Прежде всего, группа архиеп. Марка озаботилась тем, чтобы подвести экклезиологический фундамент под подобное объединение. В качестве такового была избрана еретическая доктрина греческого старостильного митрополита Киприана, согласно которой старостильные Синоды и экуменическая новостильная церковь якобы представляют собой две разные части единой греческой Церкви – «здоровую» и «больную», при этом последняя сохраняет спасительную благодать в своих таинствах. Эта схема, по мнению объединителей, удачно проецировалась на взаимоотношения РПЦЗ и МП. На Архиерейском Соборе 1994 г. архиереи-отступники добились установления официального общения с Синодом митрополита Киприана, при этом в соборном определении по этому вопросу прямо говорилось: «Синод Митрополита Киприана всецело держится тех же экклезиологических и догматических принципов, как и наша Русская Зарубежная Церковь». Ещё более откровенным было Соборное Послание, заявлявшее, что «... пришло время искать живого общения со всеми частями Единой Русской

Православной Церкви ... Мы готовы выяснить канонические и догматические вопросы, создавшие разрыв между разными частями Русской Церкви как единым целым».

Одновременно группа архиеп. Марка предпринимала меры, чтобы пополнить епископат РПЦЗ своими единомышленниками. В 1994 г. был рукоположен во епископы убежденный киприанит архим. Евтихий (Курочкин), а ещё через год из суздальского раскола был принят после покаяния еп. Агафангел (Пашковский), активный сторонник сближения с патриархией. После кончины в 1995 г. еп. Григория (Габбе), а в 1996 г. последнего консервативного архиерея РПЦЗ архиеп. Антония (Синкевича) возглавляемые архиеп. Марком отступники получили в епископате РПЦЗ большинство и теперь могли легко навязывать ей свои решения. По сути дела единственным серьезным препятствием на пути соединения с МП оставался только Первоиерарх митр. Виталий. Против него был составлен форменный заговор, с целью устранения его под благовидным предлогом и замены одним из архиереев-отступников.

Архиеп. Марк в рамках курса на объединение с МП развернул бурную деятельность. Он предпринял ряд поездок в Москву, где имел встречи с лже-патриархом Алексием (Ридигером), а в своей епархии организовал несколько так называемых «собеседований», на которых сговаривался с представителями патриархии о путях и способах соединения РПЦЗ с МП. Итогом этих переговоров стало совместное заявление архиеп. Марка и советского архиерея о том, что «проблемы, которые еще стоят между нами, не представляют абсолютного препятствия к евхаристическому общению». Все эти нечестивые деяния не встречали никакого отпора со стороны Синода РПЦЗ, напротив, Архиерейский Собор 1996 г. одобрил «собеседования», заявив, что «представляется желательным продолжение и углубление ... собеседований с представителями Московской патриархии» и «следует установить контакты ... с Московской патриархией, как никак возглавляющей большую часть православного народа в России».

Одновременно группа архиеп. Марка приступила к сворачиванию деятельности РПЦЗ в России и поддержки российских приходов. В 1996 году архиеп. Марк распустил заочную семинарию, открытую в 1990 году и призванную готовить духовенство для России. В перспективе это должно было привести к полному оскудению священства. О хиротониях же для России новых епископов не было уже вообще и речи. Российским приходам практически перестала оказываться финансовая помощь, и прекратилось снабжение церковной литературой, которая стала направляться патриархии. Данные меры обрекали российские приходы РПЦЗ на медленное умирание, хотя имели и положительную сторону: значительно сократилось число проходимцев, перебежавших из МП в РПЦЗ в поисках карьеры и хороших денег. Все эти перемены придали уверенности Московской патриархии, которая начала решительно теснить Зарубежную церковь путем насильственного захвата её храмов и монастырей, причем не только в России, но уже и за границей. Наиболее громкие заграничные захваты произошли в Хевроне (1997 г.), Бари (1998 г.) и Иерихоне (1999 г.), произведенные патриархией при поддержке структур нового мирового порядка.

Эти разбойничьи захваты патриархией имущества и недвижимости Зарубежной Церкви на некоторое время задержали подготавливаемое группой архиеп. Марка соединение РПЦЗ с МП, т.к. епископы-отступники, спокойно сдавая патриархии духовное и идейное наследие РПЦЗ, менее всего желали расставаться со своим имуществом. Поэтому Архиерейский Собор РПЦЗ 1998 г., на котором первоначально планировалось устранение митр. Виталия с поста Первоиерарха, принял решения, идущие в разрез с процессом объединения: осудил сергианство и повторил анафему на экуменизм 1983 г. Митрополит же Виталий в своем специальном послании «РПЦЗ и её современное значение» заявил, что «высшее правление Московской патриархии есть просто безблагодатное, государственное учреждение, а ее члены просто государственные чиновники в рясах».

Однако совпадение интересов митр. Виталия и епископов-отступников на Соборе 1998 г. было случайным эпизодом, т.к. принципиального единства между ними уже не было, а временное согласие в отношении патриархии обеспечил лишь имущественный вопрос. Вскоре после Собора 1998 г. от Московской патриархии поступили по тайным каналам заверения, что основное имущество РПЦЗ останется в полной сохранности, если, конечно, последняя подчинится патриархии, и подготовка к объединению продолжилась с прежней интенсивностью. В 1999 г. уже не менее 10-ти епископов РПЦЗ стояло за «диалог» и «сближение» с Московской патриархией. Непримиримого к патриархии митр. Виталия было решено отправить на покой и поставить на его место архиеп. Лавра (Шкурла), одного из активистов группы архиеп. Марка.

Но кроме свержения законного Первоиерарха, которое группе епископов-отступников представлялось техническим несложным делом, на пути к объединению РПЦЗ с МП оставались ещё и принципиальные трудности, связанные с традиционными обвинениями патриархии со стороны Зарубежной Церкви в сергианстве, экуменизме и непризнании святости Новомучеников и Исповедников Российских. Эти трудности нельзя было обойти путем простого отказа от указанных обвинений, т.к. сергианство и экуменизм продолжали процветать в патриархии, а отказ прославить Новомучеников и, прежде всего, Царскую Семью был просто вопиющим. Поэтому без хотя бы минимального содействия со стороны Московской патриархии разрешить эти трудности не представлялось возможным. И советская лже-церковь пришла на помощь своим зарубежным партнерам.

В августе 2000 г. в Москве состоялся так называемый «Юбилейный Собор» МП, на котором лже-иерархия Московской патриархии утвердила два документа «Социальная концепция» и «Концепция по отношению к инославным», целью которых было на словах отказаться от сергианства и экуменизма, на деле оставив всё по-прежнему. Кроме того, на «Юбилейном Соборе» совершилась канонизация Новомучеников во главе с Царём Мучеником-Николаем II. Обе «Концепции» были преисполнены красивыми, но совершенно лицемерными словами о том, что Церковь обязана слушать более Христа, чем государственную власть, и что инославные находятся вне Церкви со всеми вытекающими отсюда последствиями. Канонизация же патриархией Новомучеников, никогда не признававших советской лже-церкви, носила характер откровенного поругания их памяти и похуления их подвига, при этом список прославленных почти наполовину состоял из закоренелых сергиан, убитых чекистами за ненадобностью дальнейшего использования.

Однако, несмотря на всё это, эффект произведенный «Юбилейным Собором» на церковное Зарубежье, как и следовало ожидать, оказался ошеломляющим. Противопоставить этому коварному удару с богословской, духовной и идейной точек зрения РПЦЗ по существу было нечего. К этому моменту Зарубежная Церковь:

1) не имела ясного догматического определения сергианства и, соответственно, не имела четкого экклезиологического определения Московской патриархии, исповедующей сергианскую ересь;

2) в противоречии со своей анафемой 1983 г. всё глубже втягивалась в экуменические контакты с церквями «мирового православия» и исповедывала еретическую полуэкуменическую экклезиологию митр. Киприана о «здоровых» и «больных» членах Церкви;

3) находилась в молитвенно-евхаристическом общении с Московской патриархией на уровне мирян и частично духовенства;

4) фактически отказалась от учения Церкви о Православном Самодержавии и признала богоустановленной властью иудео-масонскую демократию, за которую возносила молитвы на богослужениях;

5) отказалась от исполнения своей исторической миссии передачи в Россию после падения коммунизма истинного Православия и русской национальной идеологии, предоставив Московской патриархии и безбожному государству беспрепятственно растлевать умы и сердца остатка русского народа.

В таких условиях после формального отречения патриархии от сергианства и экуменизма и лукавого прославления ею Новомучеников Российских капитуляция РПЦЗ перед МП и поглощение её патриархией делались неизбежными. Для архиереев же группы архиеп. Марка «Юбилейный Собор» явился долгожданным подарком, окончательно развязывающим им руки. Теперь они могли больше не таить своих намерений, а действовать открыто. Поэтому когда в октябре 2000 г. в Нью-Йорке собрался очередной Архиерейский Собор РПЦЗ, то епископы-отступники уже не стеснясь провозгласили «новый курс» Зарубежной Церкви на соединение с МП и интеграцию в новый мировой порядок.

Принятые этим Собором РПЦЗ документы противоречили тому, что утверждалось Зарубежной Церковью на протяжении десятилетий. Архиерейский Собор приветствовал кощунственное «прославление» Новомучеников патриархией и заявил, что принятая «Юбилейным Собором» новая социальная концепция якобы «перечеркивает «Декларацию» митрополита Сергия 1927 года». Созданная Сталиным советская организация – Московская патриархия признавалась «Церковью», а для подготовки соединения «двух частей» Русской Церкви – РПЦЗ и МП – учреждалась специальная комиссия. С просьбой посредничать в переговорах между МП и РПЦЗ Собор обратился к сербскому патриарху-еретику Павлу, направив этому практикующему экуменисту почтительное послание, в котором заявлял о желании евхаристического общения с его «Церковью-сестрою». Наиболее унижительным документом, принятым Собором, было обращение к старообрядцам. В этом обращении архиереи РПЦЗ выставляли раскольников чуть ли не исповедниками святоотеческого православия и испрашивали у них всевозможные прощения за несуществующие вины Русской Церкви, словно забыв, что старообрядческий раскол с самого начала носил изуверский, сугубо сектантский, антигосударственный и антимонархический характер. На старообрядцах лежал и лежит нераскаянный грех борьбы с богоустановленной царской властью, которую они объявили властью «антихриста».

Российская Православная Церковь исповедует, что русское старообрядчество во всех своих толках и согласиях представляет собой закоренелый и упорный раскол с самосвятской лже-иерархией, совершенно лишенный благодати церковных таинств. Принятие старообрядцев в Российскую Православную Церковь осуществляется через таинство Крещения с последующим их окормлением на основаниях единоверия.

Из участников отступнического Собора 2000 г. только епископ Каннский Варнава (Прокофьев) не подписал его решений. Почти все остальные архиереи РПЦЗ сделались марионетками Московской патриархии и мировой закулисы, полностью потерявшими свою духовную свободу и способность к исповедничеству.

Решения октябрьского (2000 г.) Собора РПЦЗ явились полной неожиданностью для большинства членов РПЦЗ, плохо представлявших глубину апостасии, захватившей их епископат. Чувства растерянности и удивления быстро перешли в чувства возмущения и негодования, вылившиеся, в конце концов, в открытый протест. Протестовавшие направляли письма и обращения в адрес Первоиерарха и Синода с требованием отменить принятые Собором позорные решения, отказаться от «нового курса» и вернуться к прежнему вероисповеданию РПЦЗ. Под давлением своей паствы сняли свои подписи с ряда соборных документов епископы Вениамин и Агафангел. Еп. Варнава пошел ещё дальше, объявив об ограждении «себя, своего духовенства и паствы от глаголемых

епископов, «прежде соборного рассмотрения» этого нового курса», что фактически означало разрыв церковного общения с отступниками при сохранении общения с Первоиерархом. Однако эти протесты не возымели никакого действия. Архиерейский Синод продолжал идти «новым курсом», угрожая применением дисциплинарных мер и, наконец, перешел от слов к делу, запретив в священнослужении еп. Варнаву и ещё 12 клириков Западно-европейской епархии.

Однако сопротивление «новому курсу» продолжало нарастать. Канадское духовенство в полном составе выразило поддержку епп. Варнаве, Вениамину и Агафангелу. На Троицу 2001 г. архиеп. Лазарь объявил о снятии своих подписей под документами Собора 2000 г. и призвал к созыву внеочередного Архиерейского Собора с целью пересмотра принятых решений. Наконец, 9/22 июня 2001 г. Первоиерарх РПЦЗ митр. Виталий, под впечатлением послесоборных нестроений, обратился к Церкви со специальным Окружным Посланием, в котором отмежевался от «нового курса», проводимого епископами-отступниками. Митр. Виталий осудил такие решения Собора 2000 г., как одобрение «Социальной концепции» патриархии и совершенного ею лже-прославления Новомучеников, письмо к сербскому патриарху с просьбой о евхаристическом общении и создание комиссии по объединению с МП и призвал к пересмотру этих решений на новом Соборе. Одновременно Первоиерарх своим указом отменил прещения, наложенные Синодом на еп. Варнаву.

Окружное Послание Митрополита и снятие им прещений с еп. Варнавы ясно дали понять епископам-отступникам, что с намеченным свержением Первоиерарха далее медлить нельзя. 27 июня/10 июля 2001 г. на заседании Синода заговорщики потребовали от митр. Виталия отречься от своего Окружного Послания и примкнуть к «новому курсу». Митр. Виталий отказался это сделать и в знак протеста покинул Синод. Однако, несмотря на то, что без Митрополита Синод не может заседать, и его решения не имеют в этом случае никакой силы, заговорщики, как ни в чем не бывало, продолжили заседания Синода, на которых постановили отправить митр. Виталия на покой, избрав ему заместителем архиеп. Лавра и назначили выборы нового Первоиерарха на Соборе в октябре 2001 г. Дабы обезвредить документы, исходящие от митр. Виталия, участники этого церковного переворота объявили, что ни один синодальный документ без подписи архиеп. Лавра недействителен. После этого заговорщики отправились к митр. Виталию и силою вырвали у него согласие об уходе на покой, принудив его задним числом дать подпись под постановлением незаконного Синода.

Это была решительная победа группировки архиеп. Лавра-Марка. Несмотря на очевидную незаконность совершенного переворота никто из верных митр. Виталию епископов не решился разорвать общения с отступниками, предпочитая дожидаться созыва нового Собора. Кроме того, к этому времени выяснился локальный характер протеста против решений отступнического Собора 2000 г. Протестовало большинство российских клириков, частично духовенство Западно-европейской и Канадской епархий, в остальных же епархиях число протестовавших исчислялось единицами. В целом противники «нового курса» оказались в РПЦЗ в явном меньшинстве. Это показывало, что сохранить исповеднический курс протестующим удастся только через отделение от большинства отступнического епископата, т.е. раскол РПЦЗ делался неизбежным.

5/18 октября 2001 г., за пять дней до намеченного открытия Собора митр. Виталий выпустил свое «Заявление», в котором высказал свое полное отвержение и осуждение попыток сближения и соединения с советской лже-церковью. Назвав предстоящий Собор «собранием безответственных», митр. Виталий призвал всех верных «сплотиться во единую рать против всех незаконных деяний и нынешнего Собора и Московской патриархии».

Однако среди епископата призыву митр. Виталия последовал только один еп. Варнава, не явившийся на этот заведомо разбойничий Собор. Еп. Агафангел, сбросив

маску мнимого «исповедника», открыто примкнул к отступникам и участвовал с ними в избрании архиеп. Лавра Первоиерархом, а архиеп. Лазарь и еп. Вениамин, хотя и не приехали в Нью-Йорк, но участвовали в заседаниях Собора и выборах Лавра по телефону. 12/25 октября митр. Виталий, убедившись в упорной нераскаянности участников Собора, покинул его заседания и уехал в Мансонвилль, откуда 14/27 октября распространил «Чрезвычайное заявление», в котором категорически осуждал «действия нынешних участников «разбойничьего собора», на котором я отказался присутствовать». Митр. Виталий заявил, что он снимает «подпись о своем добровольном уходе на покой и передаче моих полномочий архиепископу Лавру» и потребовал, чтобы его имя по-прежнему возносилось на богослужениях во всех храмах РПЦЗ. Оставшиеся участники разбойничьего собора, проигнорировав это заявление митр. Виталия, провели интронизацию архиеп. Лавра в Митрополиты и подтвердили свой «новый курс» на сближение с МП, взятый на Соборе 2000 г.

Российская Православная Церковь исповедует, что как сам созыв, так и все решения так называемого «Архиерейского Собора РПЦЗ 2001 г.» не имеют никакой законной силы и канонического значения, а сам этот собор должен носить название «разбойничьего». Произведенное этим разбойничьим собором избрание архиеп. Лавра Первоиерархом РПЦЗ Российская Православная Церковь признает недействительным. Образованный на этом соборе «архиерейский синод» является неканоничной структурой, не имеющей преемства с прежним Архиерейским Синодом РПЦЗ. Все участники этого собора, скрепившие своими подписями его решения, с этого момента более не являются епископами РПЦЗ, а составляют раскольное сообщество, отпавшее от полноты Поместной Российской Церкви.

В дальнейшем группировка архиеп. Лавра при посредстве президента РФ Путина, являвшегося наместником мирового правительства в России, осуществила свое тайное желание соединиться с Моск. патриархией и вступила с этой лже-церковью в молитвенно-евхаристическое общение, одновременно признав московского лже-патриарха своим главой. С этого момента она сделалась соучастницей всех преступлений и мерзостей Московской патриархии и на неё тяжким грузом легли все анафемы, под которые подпала советская лже-церковь: 11-й анафематизм, положенный в Неделю Торжества Православия за сочувствие измене и бунту против Царской власти; клятвы Московского Церковно-Земского Собора 1613 года; анафема патр. Тихона 1918 г. на советскую власть и всех сотрудничающих с нею; анафема VI Вселенского Собора (63-е пр.) за хулу на святых мучеников; анафема Катакомбной Церкви на сергиан; анафема экуменизму, провозглашенная Архиерейским Собором РПЦЗ в 1983 г. В настоящее время её статус следует определить как самоуправляющийся заграничный филиал МП.

21 октября/3 ноября 2001 г. митр. Виталий с помощью архиеп. Варнавы хиротонисал во епископы архим. Сергия (Киндякова), положив начало верному епископату РПЦЗ под своим председательством – РПЦЗ(В). Вскоре было рукоположены ещё два епископа, и образован Архиерейский Синод РПЦЗ(В). Под омофором митр. Виталия стали собираться верные пастыри и чада Русской Церкви, с надеждой ожидавшие упорядочения церковной жизни и настоящего возрождения истинного Православия. Однако это собрание шло по принципу отрицания «нового курса» и Московской патриархии, а не по положительному принципу общего вероисповедания, которое у сторонников митр. Виталия было подчас весьма различным. Главным объединяющим началом была личность самого митр. Виталия. Такое отсутствие общей вероисповедной основы грозило в будущем разрушением единства и расколами.

Для выработки истинного вероисповедания необходимо было понимание того, что отступнический Собор 2000 г. возник не на пустом месте. Нужно было осознать, что отступление началось задолго до 2000 г., а сейчас оно лишь вышло на поверхность.

Требовался серьезный анализ исторического пути РПЦЗ и поиск глубинных причин кризиса. К сожалению, в окружении митр. Виталия людей действительно церковных, способных к всестороннему осмыслению происходящих событий, не оказалось. Большинство полагало, что курс церковного корабля можно выправить простым отделением от Синода архиеп. Лавра и громкими заявлениями о своем стоянии в истине.

Тем не менее, Синод митр. Виталия сумел в создавшейся непростой ситуации принять важное решение о разрыве общения с полуэкуменическим Синодом греческого митр. Киприана по причине его неправославного учения о Церкви (о «больных» и «здоровых» членах) и признания Таинств новостильников действительными. Это был серьезный шаг, разрушающий экуменистический фундамент, на котором отступники из Синода архиеп. Лавра конструировали процесс объединения РПЦЗ и МП.

Российская Православная Церковь исповедует, что учение митр. Киприана о том, будто Церковь Христова состоит из «больных членов» — экуменистов и «здоровых» — истинно-православных, является еретическим. Основанная на этом учении экумениология, утверждающая благодатность таинств официально неосужденных церковными Соборами еретиков и возможность спасения вне истинной православной веры, является скрыто-экуменической и попадает под анафему ереси экуменизма, провозглашенную Архиерейским Собором РПЦЗ 1983 г. По этой причине Российская Православная Церковь не может иметь общения со всеми, исповедующими это еретическое учение, или находящимися с ними в молитвенно-евхаристическом единстве.

Церковный путь возрожденной РПЦЗ(В) оказался очень непростым. Отсутствие единства во взглядах, отсутствие общепризнанного вероисповедания, неналаженность административного управления Церковью – всё это давало о себе знать на каждом шагу. Первый кризис не заставил себя долго ждать и был связан с именами архиеп. Лазаря и еп. Вениамина. Эти российские архиереи после разбойничьего Собора 2001 г. заняли выжидательную позицию, не поминая на богослужениях ни митр. Виталия, ни архиеп. Лавра. Причиной этого было давнее затаенное желание архиеп. Лазаря отделиться от РПЦЗ, организовать свою собственную автономную церковь и зажить самостоятельной жизнью. В 1993-94 г.г. архиеп. Лазарь уже участвовал в аванюре еп. Валентина с организацией РПАЦ, но вовремя покался, был прощен и восстановлен в правах правящего архиерея. Теперь он задумал, воспользовавшись церковной смутой, повторить эту авантюру, но уже с еп. Вениамином.

Такая двуличная позиция российских архиереев вызывала справедливое возмущение их духовенства и паствы, остававшихся верными митр. Виталию. Они стали переходить под омофор архиеп. Варнавы или непосредственно митр. Виталия, который, в конце концов, вынужден был официально запросить архиеп. Лазаря о его церковной позиции. Последний заявил о своей якобы полной поддержке митр. Виталия. Через два дня подобное заявление сделал и еп. Вениамин. На основании этих заявлений, без должного разбирательства оба российских архиерея в начале 2002 г. были включены в состав епископата РПЦЗ(В). Вся их дальнейшая деятельность была направлена на получение любыми способами автономного существования от РПЦЗ(В).

В начале 2002 г. архиеп. Лазарь направил в Канаду своего клирика с наказом, во что бы то ни стало добиться от митр. Виталия согласия на дарование автономии российским приходам. Прибыв в Мансонвилль, этот клирик при помощи местной авантюристки, еврейки советского происхождения, вошедшей в доверие к митр. Виталию, обманным путем получил от последнего записку, в которой Первоиерарх РПЦЗ(В) давал разрешение архиеп. Лазарю на проведение хиротоний новых епископов и организацию своего Синода, действующего «в согласии с нашим Архиерейским Синодом».

Эту, фактически выкраденную у Митрополита, записку архиеп. Лазарь и его

окружение посчитали достаточным основанием для отделения от РПЦЗ(В) и создания своей автономной церкви. Однако согласно канонам такие вопросы входят в компетенцию только Собора епископов, а не отдельного епископа, хотя бы и в сане Митрополита. Поэтому, собравшееся вскоре Совецание преосвященных РПЦЗ(В) главе с митр. Виталием, рассмотрев случай с запиской, постановило, что без решения Архиерейского Собора «никакой отдельной церковной администрации в России образовано быть не может», так же как невозможно и совершение архиерейских хиротоний. Наконец, еп. Вениамин обратился к митр. Виталию с повторной просьбой разрешить проведение хиротоний трех епископов из числа отобранных вл. Лазарем кандидатов. Но теперь митр. Виталий отклонил прошение еп. Вениамина, заявив, что вопрос «чересчур важный и нуждается в соборном решении». Казалось, вопрос исчерпан и остается спокойно дожидаться Собора. Но российские архиереи и стоявшие за их спинами искатели епископского сана упорно вели дело к расколу. Поскольку Архиерейский Собор РПЦЗ(В) был назначен на 21 августа/3 сентября 2002 года, то группа архиеп. Лазаря решила упредить события и поставить Собор перед свершившимся фактом.

В начале августа 2002 г. в Одессе архиеп. Лазарь и еп. Вениамин тайно провели хиротонии четырех епископов, положив начало новому расколу. Действуя без всякого согласования с митр. Виталием, не представив ни ему, ни членам его Синода своих кандидатов, не дожидаясь намечавшегося к созыву Собора, архиеп. Лазарь и еп. Вениамин решились на повторение суздальской авантюры. Ответом на совершенное беззаконие было письмо митр. Виталия российским архиереям, в котором он официально заявлял о неканоничности проведенных ими хиротоний. Сутки спустя появилось специальное Определение архиереев РПЦЗ(В), в котором резко осуждались действия архиеп. Лазаря и еп. Вениамина, как «грубое нарушение Правил соборности Церкви» и попытка «принудить нашу Церковь на предоставление просимой ими автономии». Определение заканчивалось недвусмысленным выражением, что «своими незаконными действиями Преосвященные Лазарь и Вениамин и иже с ними, ставят себя вне состава Русской Православной Церкви Заграницей». Впоследствии раскольническое положение группы архиеп. Лазаря неоднократно подтверждалось Первоиерархом, Синодом и Собором РПЦЗ(В).

Однако преосвященные Лазарь и Вениамин и вновь хиротонисанные ими клирики не только не высказали ни малейшего покаяния в учиненном им расколе, но продолжали его углублять, подвели под него псевдоканоническую базу, начали распространять ложь о признании одесских хиротоний митр. Виталием, и, наконец, организовали свой собственный Синод, назначив его председателем архиеп. Лазаря.

Российская Православная Церковь исповедует, что после проведения в августе 2002 г. самочинных архиерейских хиротоний, а затем и организации незаконного «архиерейского Синода» бывшие епископы РПЦЗ Лазарь (Журбенко) и Вениамин (Русаленко), отпали от полноты Поместной Русской Церкви в раскол. С этого момента все священнодействия и таинства, совершенные этими епископами и их священниками являются безблагодатными, а произведенные ими хиротонии – неканоническими. Члены раскольного сообщества архиеп. Лазаря принимаются в общение Российской Православной Церковью через покаяние в том сане или чине, в каком они находились до раскола.

Сами лазаревские раскольники стали называть свое сообщество громким именем «Русской Истинно-Православной Церкви» (РИПЦ), которую объявили полноправной преемницей Катакомбной Церкви. В действительности эта группа не имеет никакого духовного и канонического преемства с исторической Истинно-Православной Церковью митр. Иосифа Петроградского и катакомбными христианами. Достаточно упомянуть, что нынешний председатель «Архиерейского Синода РИПЦ» бывш. иеромонах РПЦЗ Тихон

(Пасечник) до своего крещения в РПЦЗ состоял членом КПСС, т.е. организации анафематствованной Катакомбной Церковью. Сам основатель раскола архиеп. Лазарь имел в Катакомбной Церкви устойчивую репутацию провокатора, т.к. пришел в неё из Моск. патриархии, где и получил священный сан. Весь нынешний «епископат» и клир РИПЦ также целиком набран из бывших священников РПЦЗ или клириков МП, принятых в РПЦЗ в сущем сане.

Экклезиологической основой РИПЦ стал усовершенствованный вариант еретической доктрины митр. Киприана о «здоровых» и «больных» членах Церкви. К последним в РИПЦ относят и представителей Московской патриархии. Свой канонический статус РИПЦ определяет как «самоуправляющаяся часть некогда единой Русской Церкви», однако четко определить другие «части» Русской Церкви канонисты РИПЦ отказываются. Не имея ясной экклезиологии и канонических оснований своего существования РИПЦ охотно пополняет свои ряды за счет раскольников и церковных отщепенцев всех мастей. В идеологическом отношении РИПЦ проповедует аполитичность, практическим следствием которой является стремление РИПЦ к взаимодействию со структурами существующей власти на всех уровнях, получение от неё льгот, регистраций и т.п.

В настоящее время РИПЦ перенесла свою деятельность за границу, где активно насаждает свои приходы, которые идеологи РИПЦ стремятся выдать за «возрожденную Зарубежную Церковь». Эта поддельная РПЦЗ нужна раскольникам в качестве второй «самоуправляющейся части» Русской Церкви для урегулирования своего неканонического положения первой «самоуправляющейся части». На сегодняшний день можно считать твердо установленным, что РИПЦ тайно контролируется и финансируется мировыми антихристианскими силами и в целом является их послушным орудием.

Раскол, устроенный архиеп. Лазарем и еп. Вениамином, значительно усложнил процесс церковного строительства РПЦЗ(В). В России раскольники увлекли за собой значительную часть клириков, особенно на Украине, в Сибири и на Северном Кавказе. Другая часть под впечатлением раскола перешла либо в греческие старостильные юрисдикции, либо вернулась в подчинение раскольного Синода архиеп. Лавра – РПЦЗ(Л). За границей также нашлись сторонники РИПЦ, которые занялись пропагандой в её пользу, стремясь отколоть от РПЦЗ(В) приходы или отдельных клириков. Всё это затянуло процесс упорядочения церковного управления РПЦЗ(В). Только к июню 2003 г. удалось найти кандидатов в архиереи и совершить хиротонии трех новых епископов для России, и лишь в конце 2003 г. для них были учреждены новые епархии, охватывавшие всю территорию бывш. Российской Империи. Зарубежный епископат был за это время пополнен лишь одним архиереем – еп. Антонием (Орловым), впоследствии ставшим архиепископом.

Вступившие в управление своими епархиями российские архиереи сразу столкнулись с невероятными трудностями, связанными, прежде всего, с огромными размерами епархий и отдаленностью от Высшей церковной власти, располагавшейся за тысячи верст от России. Не меньшим препятствием для церковного строительства являлась нерешенность важнейших экклезиологических, вероисповедных и идеологических вопросов. РПЦЗ(В) продолжала жить старым наследием РПЦЗ, в значительной мере устаревшим или искаженным либерально-масонской идеологией архиеп. Антония Женевского.

Самым болезненным вопросом являлся вопрос о сущности Московской патриархии и сергианства, которые в наше время являются главными соблазнами для истинного Православия. Неопределенность в этом вопросе практически обесценивала противостояние РПЦЗ советской лже-церкви, т.к. с годами всё труднее становилось понять, против чего направлено это противостояние, и почему оно необходимо.

Архиерейский Собор РПЦЗ(В), состоявшийся в ноябре 2004 г. в Мансонвилле, наконец, разрубил этот узел, сделав определение сергианской ереси, анафематствовав её и включив анафему на сергианство в чин Торжества Православия, совершаемый на 1-ой неделе Великого Поста. Это был важнейший шаг, без которого невозможно было устранить кризис в Русской Зарубежной Церкви и начать оздоровление её церковной жизни.

Однако одного словесного анафематствования сергианства было недостаточно для излечения духовной болезни, поразившей Зарубежную Церковь. Охвативший её кризис был многосторонним, вызревал десятилетиями, а частично уходил корнями в дореволюционное время. Сергианство как соглашательство с ложью и оправдание зла возникло в Церкви ещё в Феврале 1917 года, когда епископат Русской Церкви добровольно пошёл на разрыв с монархией, отступил от Царя – Помазанника Божия и признал составленное из масонов правительство «благоверным» и «богоустановленным». Дух сергианства был и в словах патр. Тихона, писавшего в Послании от 25 сентября (8 октября) 1919 года о том, что «Церковь не связывает себя ни с каким определённым образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение...». По этому же пути равнопризнания всех образов правления пошло затем и священноначалие РПЦЗ, вознося молитвы за масонские правительства стран своего временного пребывания.

Дальше всех в этом отступлении зашёл Сергей (Страгородский), который призвал к молитве за советскую власть, что являлось уже прямым призывом поклониться антихристу и было отвергнуто Зарубежной Церковью. Но возникший тогда протест против сергианства не мог иметь решительных последствий, так как все протестовавшие против Сергея разделяли с ним грех Февраля и косвенно оправдывали его. После падения коммунизма стало особенно очевидным бессилие антисергианских протестов, если при этом в полной мере не осуждается Февраль и не отвергается искушающая мысль о том, что «Церковь не связывает себя ни с каким определённым образом правления». Поэтому для преодоления кризиса в РПЦЗ необходимо было вернуться к прежнему вероисповеданию и признать православное Самодержавие единственным богоугодным образом правления, с которым Церковь неразрывно связывает себя, отвергая все прочие формы правления как богопротивные и богоборческие. Для Церкви борьба за монархию это не политический вопрос, а вопрос верности Богу, и отказ от такой борьбы – есть отступление от Бога. Таким образом, анафематствование сергианства должно было привести к практическим шагам по искоренению его метастаз в РПЦЗ.

К числу таких шагов относился не только поворот к традиционной монархической идеологии, но и признание безблагодатности таинств Московской патриархии. Произнесение анафемы, собственно, и означает извержение из ограды благодатной Церкви Христовой в область безблагодатности под власть сатаны. Поэтому анафематствование сергианства было равнозначно произнесению окончательного приговора об отпадении Московской патриархии от Христа и требовало отказа от господствовавших тогда в РПЦЗ лже-учений о «частичной благодатности» МП, «неполной потери благодати» патриархией и «непредрешенчестве» в отношении безблагодатности советской лже-церкви, судить которую не вправе, якобы, никто, кроме самого Бога на Страшном Суде. Одновременно анафематствование сергианства не оставляло никакой почвы для дальнейших спекуляций на тему о «двух частях Русской Церкви» и означало признание РПЦЗ(В) всей полнотой Поместной Русской Церкви с момента исчезновения канонического епископата в России. Такое признание, в свою очередь, влекло за собой потерю канонического статуса РПЦЗ как «заграничной части» Русской Церкви и ставило под вопрос законность дальнейшего пребывания Первоиерарха и Синода зарубежом. Признание себя полнотой церковной требовало повернуться лицом к России, сделать последнюю центром духовной и церковной жизни и, наконец, перенести на Родину церковное управление. Вопрос о фактическом возвращении на Родину назрел давно, и успех раскольников из РПАЦ и РИПЦ во многом объяснялся их умелой демагогией о

необходимости после падения коммунизма управлять Русской Церковью из России.

Таким образом, к концу 2005 г. причины затяжного кризиса Зарубежной Церкви довольно четко обозначились, а равно наметились и пути его преодоления. Требовалось:

- отказаться от либерально-масонской «аполитичности» и вернуться к традиционному монархическому вероисповеданию и борьбе за монархию;
- признать таинства Московской патриархии безблагодатными и сделать практические шаги, вытекающие из этого признания;
- признать Зарубежную Церковь не заграничной частью, а всей полнотой Поместной Русской Церкви и осуществить возвращение церковного управления в Россию.

Однако достаточно быстро выяснилось, что в самой РПЦЗ(В) имеется влиятельная группа лиц во главе с секретарем Архиерейского Синода прот. В. Жуковым, которая является решительным противником возвращения на исповеднический курс и церковного строительства на указанных принципах. Основу этой группы составили духовные последователи и ученики архиеп. Антония Женевского, упорно продолжавшие держаться чуждых истинному Православию традиций теплохладности и гуманистической «любви», а также тлетворной непротивленческой идеологии так называемого «среднего», «царского» пути с отказом от исповедничества и борьбы за Монархию. К ним примкнул и ряд клириков еврейского происхождения и воспитания, принятых в разное время из МП, чьё обращение к Православию и РПЦЗ было поверхностным. Свою отступническую идеологию эта группа стремилась выдать за «традиционную» идеологию РПЦЗ и в соответствии с ней направлять курс церковного корабля. Публицисты из этого лагеря доказывали невозможность признания безблагодатности Московской патриархии, ненужность для Церкви самодержавного образа правления и недопустимость признания РПЦЗ(В) всей полной Русской Церкви, по причине наличия в современной России тайного епископата Катакомбной Церкви, скрытого, правда, настолько глубоко, что о существовании его никому неизвестно. Анафему на сергианство эти деятели пытались перетолковать в том же ключе, в каком их предшественники перетолковали анафему на экуменизм, т.е. старались уверить, что она имеет характер лишь простого предупреждения, порицания или даже товарищеского увещания.

Становилось ясно, что без созыва Архиерейского Собора РПЦЗ(В) разрешить этот принципиальный спор не представляется возможным. Инициаторами созыва такого Собора выступили заместитель Первоиерарха РПЦЗ(В) архиеп. Антоний (Орлов) и управлявший крупнейшей российской епархией еп. Виктор (Пивоваров). Их инициатива получила одобрение Первоиерарха РПЦЗ(В) митр. Виталия. Однако захвативший в свои руки все рычаги управления РПЦЗ(В) прот. В. Жуков как лично, так и через своих ставленников в Синоде всячески противился проведению такого Собора. Архиерейский Синод под председательством митр. Виталия был вынужден удалить прот. В. Жукова с занимаемого им поста секретаря Синода и заменить его архим. Дамаскиным (Балабановым). Одновременно митр. Виталий своим указом назначил на 4/17 июля 2006 г. Чрезвычайный Архиерейский Собор в Мансонвилле для разрешения всех накопившихся вопросов и проблем.

Однако обиженный своим устранением от церковных дел прот. В. Жуков начал шумную кампанию, возбуждая недоверие к новому Синоду и добиваясь любой ценой отмены или бойкота Архиерейского Собора. Когда же эта затея не удалась, и в Мансонвилль стали съезжаться участники Собора, то прот. В. Жуков прибег уже к совершенно недопустимым приёмам. Направляемая им группа мирян наглухо изолировала митр. Виталия от прибывших на Собор архиереев, фактически взяв Первоиерарха под домашний арест, при этом агенты Жукова для достижения своих целей не гнушались никакими средствами, включая физическое насилие и попытки удалить участников

Собора из Мансонвилля силами канадской полиции.

В результате Архиерейский Собор, получивший название Свечного, проходил в тяжелейших условиях под председательством заместителя Первоиерарха архиеп. Антония (Орлова). Собор произвел хиротонии двух новых архиереев, постановил признать таинства Московской патриархии безблагодатными и внес необходимые исправления в ряд богослужебных текстов, вернув их к прежнему дофевральскому звучанию. Эти изменения явились первыми шагами на пути возвращения Русской Церкви к выстраданному Ей учению о Симфонии Церкви и Царства.

Через полтора месяца после Свечного Собора четвертый Первоиерарх РПЦЗ митр. Виталий скончался в возрасте 96-ти лет. С его смертью фактически перевернулась последняя страница истории Зарубежной Церкви. Сохраниться дальше как Церковь она могла, лишь перестав быть зарубежной и вернувшись в Россию. Понимая это, заместитель Первоиерарха архиеп. Антоний (Орлов) решил назначить созыв следующего Архиерейского Собора в России, тем самым, положив начало процессу возвращения истинной Русской Церкви на Родину.

Собравшийся в ноябре 2006 г. в подмосковном городе Щербинка Архиерейский Собор принял важнейшее решение – вернуть Высшее церковное управление РПЦЗ в Россию и в соответствии с этим постановил изменить название Церкви Зарубежная на прежнее дореволюционное – Российская Православная Церковь (РосПЦ). На основании решений Свечного Собора, объявившего таинства МП безблагодатными, Московский Собор постановил принимать всех приходящих из Московской патриархии через таинство Крещения, не признавая за ними никаких иерархических степеней, полученных в МП. Собор утвердил новый состав Синода и избрал архиеп. Лос-Анжелосского Антония (Орлова) Первоиерархом РосПЦ с возведением его в сан Митрополита и назначением на московскую кафедру.

Трое бывших епископов РПЦЗ(В), не явившихся на Свечной Собор и не признавших его решений, проигнорировали и Московский Собор, который постановил не считать их более принадлежащими к Российской Православной Церкви. Эти трое епископов с примкнувшим к ним прот. В. Жуковым организовали самочинное сессионное собрание, сохранившее прежнее название РПЦЗ(В), но уже не имевшее никаких канонических оснований для такого названия и совершенно бутафорский, ни разу не собиравшийся «Синод». На сегодняшний день это сообщество фактически раскололось на две враждующие группы, каждая из которых претендует на название РПЦЗ(В), и находится на пути к полному исчезновению в качестве самостоятельного церковного образования.

Российская Православная Церковь исповедует, что после Московского Собора РПЦЗ(В) 2006 г., который постановил вернуть церковное управление в Россию и исключить из названия Церкви слово Зарубежная, не существует никаких канонических оснований для отдельного и независимого существования заграничных органов управления и иерархии Русской Церкви. Любая группа или сообщество, пытающаяся в этих условиях отождествлять себя с исторической Зарубежной Церковью, использовать её название и канонический статус временно самоуправляющейся части Русской Церкви, является самочинным сессионным собранием, отпавшим от полноты Поместной Российской Церкви.

Однако не успела Российская Православная Церковь начать созидательную работу, как она столкнулась с новыми искушениями. Два её старейших иерарха митр. Антоний (Орлов) и архиеп. Виктор (Пивоваров) фактически оказались неготовыми приступить к решению намеченных Свечным Собором задач. Исповедничество этих двух архиереев оказалось чисто словесным, на деле же они обнаружили себя малодушными людьми, духовными дезертирами, неспособными к исповедническим поступкам. Митр. Антоний, испугавшись трудностей церковной работы в России, перестал бывать на Родине и

фактически отдал управление Церковью в руки взбалмошной женщины, которую фактически сделал своим секретарем. Архиеп. Виктор вообще отрекся от исповедания Свечного Собора, объявил себя февралистом и приверженцем Учредительного Собрания, стал утверждать законность отречения Государя-Императора от престола, отрицать февральское отступничество от Царя, совершенное всеми слоями русского народа и в первую очередь церковной иерархией, и соответственно необходимость покаяния в февральском грехе. Всю ответственность за февральскую революцию архиеп. Виктор возложил исключительно на евреев и при содействии секретарши митр. Антония начал активно насаждать свою юдофобскую идеологию в качестве официального учения Церкви, стремясь превратить последнюю в политическую структуру.

Для обезвреживания таких церковно-разрушительных действий группы митр. Антония–архиеп. Виктора, открыто выступивших против канонов и церковного Предания, здоровая часть епископата РосПЦ вынуждена была собраться на Чрезвычайный Архиерейский Собор, который засвидетельствовал об отпадении этой еретичествующей группы от Российской Православной Церкви и признал организованный ею «Синод» неканоничным образованием. Собор избрал новым первоиерархом Российской Православной Церкви еп. Дамаскина (Балабанова), возведя его в сан Митрополита и постановив именовать его титулом митрополита Московского и Всероссийского.

Таким образом, прошедшая через тяжелейшие испытания, но умудренная 90-летним опытом открытого противостояния сатане и его земным слугам, Российская Православная Церковь неизменно продолжает отстаивать истину Христову перед лицом господствующего зла и углубляющейся апостасии. Она *не много имеет силы* (Откр. 3:8) в современном мире, но никогда не откажется от борьбы за Истину в угоду сильным мира сего, памятуя о том, что не в силе Бог, а в правде.

Российская Православная Церковь сознает, что современным истинно-православным христианам суждено жить в исключительно трудную эпоху всеобщего торжества сил зла, когда «взят от среды Удерживающий» (2 Фес. 2:7), и время появления *антихриста* стремительно приближается. Однако тяжелые обстоятельства, в которые поставлен современный христианин, должны стать для него источником не уныния и апатии, а источником решимости вести непримиримую борьбу с надвигающимся царством *антихриста*. Ибо это царство не наступит, пока не будет сломлено сопротивление истинно-православных христиан, и препятствием для торжества сатаны сегодня, как и во все времена, является верность Церкви Христовой своему Главе и готовность каждого Ея члена пострадать за Христа Спасителя. Борьба с *антихристом* нужно уже сейчас, пока возможность этой борьбы ещё не отнята у христианина, ибо после воцарения *антихриста* никакое организованное сопротивление его власти станет уже невозможным. Поэтому всякое уклонение от борьбы теперь, всякий хотя бы самый незначительный компромисс со злом, допущенный сегодня, ещё более увеличивает трудность борьбы завтра и приближает пришествие *антихриста*.

Это сопротивление *антихристу* и исповедническое отстаивание правды Христовой с готовностью пострадать за неё являются в современных условиях единственным путем спасения для истинно-православного христианина. Человек, хотя бы и отличающийся великим благочестием и всеми видами добродетелей, но к такому исповедническому сопротивлению неспособный, неизбежно окажется среди тех, которым «пошлет Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи» (2 Фес. 2:11). От истинно-православного христианина нашего времени требуются именно непримиримость ко Лжи и стремление к Божией правде, ибо беззастенчивые Ложь и обман будут основными средствами *антихриста*, которыми он будет обольщать людей, выдавая себя за Спасителя и Христа. Образец такого исповедничества явили нам прославленные и безвестные

русские святые последнего времени, которые предпочитали муки и смерть согласно с Ложью и были готовы пожертвовать всем ради торжества попираемой правды Божией.

Когда же воля к сопротивлению «тайне беззакония» иссякнет и уже не окажется христиан, готовых бороться со злом, то Господь больше не будет задерживать пришествие *антихриста*, ибо больше не останется на земле желающих и могущих спастись.

Среди всех народов земли, когда-то считавшихся христианскими, такое стремление к борьбе может обнаружиться только у русского народа, которого Бог в прошлом одарил не только Святой Православной верой, но и поставил под власть христианского Государя, бывшего защитником этой веры и Удерживающим приход всемирной апостасии. Православная Российская империя – «Третий Рим» являлась именно таким государством, которое было оплотом Церкви Христовой на земле и свою главную задачу полагало в содействии утверждению Православия во всем мире. По грехам русского народа это Православное Царство ныне у него отнято, однако при всенародном покаянии в этих грехах и всецелом обращении к православной вере и Церкви в России может быть восстановлена «удерживающая» Царская власть и пришествие *антихриста* отодвинуто. И, прежде всего, должно состояться нелицемерное покаяние в том главном грехе, который и привел к падению богоустановленной царской власти – февральском грехе отступления от Помазанника Божия, предательства его служителям сатаны на поругание и смерть и последующего поклонения и содействия богоборческой власти, пришедшей на смену богоустановленной власти православного Царя. Если же такого покаяния русского народа не произойдет, то быстрое завершение апостасии, приход *антихриста* и конец мира становятся неизбежными, ибо никакой другой народ на земле на сопротивление *антихристу* уже не способен.

Но это покаянное обновление и возвращение к идеалу Святой Руси возможно только в Церкви Христовой и только через Церковь Христову, которая есть единственная хранительница этого идеала и священных принципов, из него вытекающих. Поэтому долг русского православного человека хранить верность своей Церкви и ревновать об истинности Ея вероучения, чтобы Она могла быть свидетельницей Правды и чистой неискаженной Истины. Каждый член Российской Православной Церкви, оказавшись перед лицом необходимости защитить истину или свидетельствовать о ней, обязан это сделать в полную меру своих сил.

Но это великое значение Церкви, которая является столпом и утверждением Истины, прекрасно известно и сатане, почему он после падения Православного Царства всю свою ярость сосредоточил на Церкви Христовой (Откр. 12:17), поведя против Неё брань двояко – путем физических гонений и путем подмены Церкви антихристовой лжецерковью. Эта двоякая тактика сатаны вытекает из двоякой природы его главного орудия борьбы с Церковью – *антихриста*, который будет величайшим врагом Христа и в тоже время величайшей подделкой под Христа. Прибегнуть к такой тактике сатане удастся только с падением Удерживающего и исчезновением христианской государственности, когда он впервые получает возможность не только искушать и соблазнять людей, что ему всегда попускалось, но и безраздельно властвовать над ними посредством антихристианской государственной власти.

Эта власть может открыто являть свой богоборческий лик, а может принять благообразный вид и даже карать отдельные преступления людей против естественного нравственного закона. Но в существе своем это одна и та же власть, корень которой не в Боге, а в сатане, почему и апостольское учение о властях к этой власти неприменимо. И тот относительный порядок, который поддерживает эта власть, наказывая за нарушения закона, существует лишь в интересах самой власти, по **существу** же своему **эта власть последовательно совершает человекоубийство как физически, так и духовно.**

Вот почему в предантихристову эпоху отношение к существующей власти является тем оселком, на котором проверяется верность истинно-православного христианина своему Спасителю, и тем критерием, который позволяет отличить истинную Церковь Христову от всевозможных антихристовых подделок под Неё.

В предантихристову эпоху истинная Церковь Христова может иметь в этом мире, готовящемся принять *антихриста*, только статус непризнанной властью, едва терпимой или прямо гонимой организации. Поддельные лже-церкви, напротив, имеют официальный статус, признаны и почитаются властью, имеют от неё различные права и льготы.

Истинная Церковь Христова в свою очередь также не признает законность существующей власти, отказывает ей в поддержке и сотрудничестве, молится о её ниспровержении и условием своей лояльности ставит обращение антихристианского государства в христианское. Поддельные лже-церкви, напротив, признают существующую власть богоугодной, сотрудничают с нею и поддерживают её, обращаются к ней за помощью, возносят за неё свои молитвы и лояльны ко всем её антихристианским мероприятиям.

Истинная Церковь Христова более всего дорожит своей духовной свободой, почему Она не может встать в зависимость не только от государства, но и от финансовых, общественных и политических организаций, являющихся неотъемлемой частью нового мирового порядка и грядущего царства *антихриста*. Поэтому истинная Церковь Христова материально бедна, как целое, так и в лице своих служителей, а в общественном сознании имеет репутацию «фанатичной», «маргинальной», «экстремистской» и «фашисткой» организации. Поддельные лже-церкви, напротив, принципиально отказываются от свободы в обмен на материальное благополучие, высокий политический статус и возможность участвовать в жизни антихристианского общества, в глазах которого они имеют репутацию солидных, уважаемых, толерантных и политически корректных организаций.

Истинная Церковь Христова, несмотря на ограниченные возможности, безбоязненно проповедует истину Христову, которую только Она одна и содержит, и делает это, не приспособиваясь к понятиям и законам мира сего, а следуя лишь Божией правде. Поддельные лже-церкви, напротив, не считают себя обладающими полнотой Истины, и проповедь даже этой полуистины ведут с оглядкой на мнение сильных мира сего, приспособиваясь к иудео-масонским «общечеловеческим ценностям» и потакавая вкусам и наклонностям современного богоотступного человечества.

Истинная Церковь Христова сознает и сохраняет свое духовное преемство с исторической Русской Церковью, которая была воспитательницей русского православного народа и помощницей в созидании Русского православного государства, вместе с которым Она и росла. Истинная Церковь Христова хранит верность учению Русской Церкви о Москве как Третьем Риме, Православном Самодержавии как единственной богоустановленной власти на земле и Симфонии Церкви и Царства. Поддельные лже-церкви, напротив, разорвали с этой государственной традицией Русской Церкви, проповедуют космополитизм, «аполитичность», равнозначность всех форм власти или же осуществляют лже-симфонию с властью предтеч *антихриста*, стремясь представить их богоборческое государство преемником христианской империи.

Истинная Церковь Христова вследствие всего вышеизложенного объединяет людей вокруг Христа, добиваясь сознательного обращения к вере, и воспитывает в них христианский патриотизм, дух жертвенной любви, непримиримость ко лжи и верность Христу до смерти. Поэтому истинная Церковь Христова относительно малочисленна, она слаба как организация, но зато сильна духом и правдой Божией. Поддельные лже-церкви, напротив, объединяют людей вокруг обряда, удовлетворяясь формальным благочестием, и насаждают интернационализм, лже-патриотизм и тлетворный дух лукавых компромиссов,

умолчаний об истине, душевного комфорта и трусливого хоронячества. Поэтому поддельные лже-церкви сильны организационно, они имеют многочисленных последователей, лишенных, однако, Духа Жизни и готовых предать свою веру при первом серьезном испытании.

Российская Православная Церковь исповедует, что она не может пойти по пути всех этих многочисленных лже-церквей, которые производят подмену Христа *антихристом* и заставляют поклониться последнему ещё до его пришествия в мир, а избирает путь истинной Церкви Христовой, готовой бороться с *антихристом* до победы или до смерти. Российская Православная Церковь не страшится испытаний и лишений, связанных с этой борьбой, помня неложное обещание Спасителя, что в решительной схватке с силами ада Церковь Христова останется neodолённой (Мф. 16:18). Она готова взаимодействовать со всеми, готовыми к такой борьбе, и ищет церковного единства с теми, кто разделяет её принципы истинной Церкви Христовой.

На таком пути Российская Православная Церковь может понести чувствительные потери, но доказательством правильности и спасительности этого пути для неё является история Русской Церкви последнего столетия. Несмотря на то, что сатана употребил все доступные ему средства, начиная от кровавых гонений с многомиллионными жертвами и кончая созданием многочисленных лже-церквей, кощунственно именующих себя православными, ему не удалось одержать победы над Церковью. Миллионы и миллионы мучеников, проливших свою кровь за Святую Церковь, одолели сатану несокрушимую силою Христа, показав бессилие князя тьмы и непобедимость Церкви Христовой.

+ Митрополит Дамаскин (Балабанов)

+ Митрополит Дамаскин

+ Архиепископ Иоанн (Зиновьев)

+ Архиепископ Иоанн

+ Епископ Григорий (Кренцив)

+ Епископ Григорий

+ Епископ Владимир (Матвеев)

+ епископ Владимир

Краткое изложение учения Церкви о государственной власти.

Без глубокого усвоения учения Православной Церкви о государственной власти невозможна правильная оценка событий русской церковной истории XX века и церковное строительство в наступившем XXI веке.

Согласно этому учению человеческое естество с момента грехопадения прародителей находится в состоянии глубокого и всестороннего повреждения, от которого не может избавиться своими силами. Утратившее правильное понимание свободы падшее человечество, предоставленное само себе и лишённое всяких сдерживающих начал, неизбежно должно было быть увлечено «вслед скверных похотей плоти» (2 Пет. 2:10), окончательно развратиться, погибнуть и самоистребиться.

Для предотвращения этого, для сдерживания страстей и ослабления греховных проявлений Господь устанавливает как сам принцип власти, основанный на подчинение одних людей другим, так и различные виды властей, как то: власть мужа над женой, власть родителей над детьми, власть начальников над подчиненными, власть церковной иерархии, наконец, государственная власть. Все эти и многие другие виды властей есть божественные установления (Ин. 19:11), основная цель которых – ограничить по возможности распространение зла и не допускать крайних проявлений греха, превращающих земную жизнь человечества в ад.

Однако, по самому смыслу этих установлений они сохраняют свою силу и значение лишь постольку, поскольку соответствуют той цели (сдерживание греха), ради которой и созданы. Если власть не выполняет этого своего прямого назначения, если осуществление властных полномочий ведет не к ослаблению, а к усилению греха, то подчинение такой власти становится противоестественным и противобожественным делом. Если власть своими действиями подрывает сам принцип власти, то прямой долг человека и христианина – не подчиняться такой власти.

Особое место среди всех властей занимает власть государственная, т.к. эта власть в наибольшей степени обладает способностью воздействовать на все области человеческой жизни, а также на все прочие виды властей: семейную, родительскую и т.д. Поэтому в учении Церкви о властях вопрос об отношении христианина к государственной власти получил отдельное рассмотрение.

Государственная власть, будучи установлением божественным (Рим. 13:1), призвана имеющимися в её распоряжении средствами препятствовать распространению зла и содействовать утверждению добра (Рим. 13:3–4). Согласно учению Церкви в такого рода деятельности государства заключается нравственный смысл существования последнего, и христианин призывается быть законопослушным исполнителем повелений такой богоугодной государственной власти. Анархия, безвластие, тем более незаконное посягательство на власть или бунт против власти, когда последняя лишается возможности осуществлять свои полномочия, признается Церковью грехом (Рим. 13:2). Более того, Церковь предписывает своим членам молиться о благоденствии существующих властей (1 Тим. 2,2), если последние достойно выполняют свои обязанности, соответствуют своему предназначению сдерживать греховные начала в человеческой жизни.

Однако не так, согласно учению Церкви, обстоит дело, если власть отступает от своих истинных целей, уклоняется от противодействия злу, тем более, если она попадает в руки злонамеренных людей и начинает потворствовать злу, или даже активно его насаждать. В таком случае заповедь о повиновении Богу становится выше заповеди о повиновении властям, и прямой обязанностью христианина является уклониться от подчинения такой власти, которая принуждает ко греху или к действиям, противоречащим

христианской совести. Именно в этом смысле надлежит понимать слова Апостолов Павла (Рим. 13:1–7) и Петра (1 Пет. 2:13–16) о необходимости за совесть повиноваться существующим властям и мирским начальникам. Апостолы говорят о лояльности только такой государственной власти, у которой «начальствующие страшни не для добрых дел, но для злых» и, «начальник есть Божий слуга, ... отмститель в наказание делающему злое». (Рим. 13: 3–5). Если власть перестает служить Божьему делу на земле, то повиноваться такой власти – значить соучаствовать в её грехах, а если власть оказывается в руках заведомых злодеев, то христианин получает право и активно сопротивляться такой власти. Как пишет блж. Августин: «Ежели власть приказывает нечто противное Божественной воле - не слушайте власти. Нам сказано: несть власти нежели от Бога (Рим. 13:1); однако часто забывают, что следует после этого, а именно: что всё исходящее от Бога хорошо устроено, так дайте нам власть хорошо устроенную и мы не будем сопротивляться».

Такая власть, извратившая смысл своего существования, уже не есть богоустановленная, но богопротивная, существующая лишь как поущение Божие. Ученик св. Златоуста блж. Исидор Пелусиот говорит так: «Потому мы вправе сказать, что самое дело, разумею власть, сиречь начальство, и власть царская установлены Богом. Но если какой злодей беззаконно восхитит сию власть, то не утверждаем, что он поставлен Богом, но говорим, что поущено ему », а св. прп. Иосиф Волоцкий, поясняет: «Если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего - неверие и хула, - такой царь не Божий слуга, но дьяволов, и не царь, но мучитель. Такого царя, за его лукавство, Господь наш Иисус Христос называет не царем, а лисицей: «Пойдите, - говорит Он, - скажите этой лисице» (Лк. 13, 32)... И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью. Этому учат нас пророки, апостолы и все мученики, убиенные нечестивыми царями, но не покорившиеся их повелению».

Соответственно бессмысленны, а в иных случаях и прямо кощунственны становятся молитвы о благополучии такой власти, и в церковной истории известны многочисленные случаи, когда Церковь молилась о смерти нечестивых властителей. Так в житие прп. Иулиана (память 18/31 окт.) повествуется, что во время войны Юлиана Отступника с персами, многие верующие просили преподобного молиться о низложении этого врага христиан. Св. Иулиан 10 дней молился об освобождении от злого мучителя и, наконец, услышал голос: «Нечистое и мерзкое животное погибло». Возвратившись к братии преподобный с радостью возвестил им об этом, сказав: «Братие, настоящее время есть время благодушия и радования: нечестивца не стало; возставший против Господа получил достойное поражение от преследовавшей его руки».

Государственная власть, предназначенная Богом для правильного устройства земных дел, имеет природу отличную от природы Церкви, которая существует не для земных целей, а имеет своей задачей вечное спасение людей. Поэтому сферы деятельности государства и Церкви не могут быть тождественны, Церковь не может подменить собою государство, а государство – Церковь, однако эти сферы не могут не пересекаться. Члены Церкви являются подданными государства, а служащие государству являются чадами Церкви. Поэтому Церкви не безразлично, в каких внешних условиях и при каких государственных порядках живут ее члены, ибо эти порядки оказывают непосредственное и существенное влияние на духовную жизнь христианина и само дело спасения его души. Поскольку спасение человеческих душ является основной задачей Церкви, то последняя заинтересована в такой государственности и поддерживает такую власть, которая своими мерами способствует осуществлению этой задачи. Напротив, по мере уклонения государственной власти от своего предназначения сокращается и область повиновения Церкви такой власти, и, наконец, при сознательно-богоборческом характере власти это повиновение исчезает полностью, т.к. христиане не могут быть подданными Антихристу.

Церковь имеет свой положительный идеал государственной власти, которым является теократия, то есть власть, основанная на прямом Божественном правлении. Такое богоправление может быть либо непосредственным – через пророков Божиих (наиболее совершенная форма теократии), либо делегированным – через избранного Богом и наделенного определенными обязанностями и полномочиями Царя. Ввиду почти полной невозможности – из-за сильного распространения греховности в человеческом роде – осуществления теократии непосредственной, наилучшей исторической формой правления является власть Царская, монархия.

Однако монархический принцип, взятый сам по себе, вне заповедей Христовых, приводит лишь к тому или иному варианту деспотии. По-настоящему принципу теократии удовлетворяет только монархия христианская, которая в своей деятельности руководствуется христианскими идеалами, опирается на христианскую Церковь и ставит своей задачей содействовать последней в воспитании подданных Царства земного гражданами Царства Небесного. Такая православная самодержавная монархия является единственной богоустановленной формой государственной власти на земле, полностью соответствующей своему предназначению. Как Православие – есть не одна лишь из многих религиозных верований, а единственная истинная вера, так и Православная Монархия есть единственная власть от Бога, удерживающая вселенскую апостасию.

С такой властью Церковь не только может, но и обязана находиться в тесной взаимосвязи, делая с ней разными средствами одно общее дело. Совокупность принципов, на которых осуществляется такое взаимодействие, получило в церковном учении название Симфонии Церкви и Царства. Согласно этому учению Священство и Царство это два великих блага, дарованных Богом человечеству и разными путями стремящимся к одной цели – служению Богу. Священство заботится о божественных делах, о спасении человеческих душ, а Царская власть создает наилучшие внешние условия для такой деятельности и является внешней оградой Церкви. Образно говоря, Церковь и Царство соотносятся между собой как душа и тело в живом человеке, и в их связи и согласии состоит благоденствие государственного организма. Разрушение такой Симфонии, отделение Церкви от государства равносильно отделению души от тела и означает смерть этого организма.

В отличие от Православного Самодержавия, все другие существующие формы государственности есть учреждения не Божии, а человеческие, которые имеют своими целями, где «свободу», где «стремление к счастью», где «национальное благополучие», где «законность», а где и защиту ложной веры, но всё вне Святой Церкви и Господа Иисуса Христа, определившего: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30). Вследствие этого, все такие государственности (формы правления) имеют своим результатом, или даже своей скрытой целью, – погубление наибольшего числа человеческих душ на земле и в вечности. Поэтому любая такая неправославная власть не может не находиться с Церковью во враждебных отношениях, она прямо или косвенно лишает Церковь её духовной свободы, и если Церковь не соглашается с этим, то она подвергается со стороны такой власти гонениям. Если же Церковь никак не гонима этой властью, соглашается взаимодействовать с ней или даже пытается наладить с ней лже-симфонию, то она перестает быть Церковью, а превращается «церковь лукавующих» с лже-пастырями во главе.

Поэтому у Православной Церкви почти за 2000 лет Ея истории имеется лишь две формы взаимодействия с государством: это либо гонения той или иной степени (в зависимости от лютости антихристианского режима), либо симфония с Православным Самодержавным Царством. Вне Православной монархии Церковь никогда не сможет свободно исповедывать Истину и для утверждения последней у Неё в этом случае остается только путь исповедничества и мученичества.

Декларация митр. Сергия (Страгородского) и его «Синода» о признании советской власти.

Божьей милостью смиренный Сергий, митрополит Нижегородский, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Патриарший Священный Синод.

Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона перед его кончиною было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: «Нужно бы пожить еще годика три». И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом, выступления зарубежных врагов советского государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая естественное и справедливое недоверие правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего и ему не суждено было при жизни видеть свои усилия увенчанными успехом.

Ныне жребий быть временным Заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело Почившего и всемирно стремиться к мирному строению наших дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мной и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными; с учреждением при мне Временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможность мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона.

Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах. Все это нарушает мирное течение жизни, созидая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. **Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги ее интересы, кто желает вывести ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством.**

Засвидетельствовать это и является первой целью нашего (моего и Синодального) послания.

За тем извещаем вас, что в мае месяце текущего года, по моему приглашению и с разрешения власти, организовался Временный при Заместителе Патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся (отсутствуют Преосвященный Новгородский Митроп. Арсений, еще не прибывший, и Костромской Архиепископ Севастиан, по болезни). Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчались успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т.д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершившейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений... Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о Святой нашей Церкви. **Выразим всенародно нашу благодарность и советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного**

населения, а вместе с тем заверим правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия.

Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, мы ясно осознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. **Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас Апостол (Рим. 13:5). И мы надеемся, что с Божией помощью, при нашем общем содействии и поддержке, эта задача будет нами разрешена.**

Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это - недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Учреждение советской власти многим представлялось недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайности для христианина нет, и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять "знамений времени", и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием. Такое настроение известных церковных кругов, выразившееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекшее подозрение советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с советским правительством. Недаром ведь Апостол внушает нам, что «тихо и безмятежно жить» по своему благочестию мы можем лишь, повинаясь законной власти (1 Тим. 2:2) или должны уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всей ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти.

Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесспорно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя и оставить свои политические симпатии дома, приносить в церковь только веру и работать с нами только во имя веры, или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере, не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять, и очень скоро, возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и православная жизнь остаются неизменными.

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Яркие противосветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить Заграничный Синод (2 мая/22 апреля 1922 года). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны,

наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной.

Не менее важной своей задачей мы считаем и приготовление к созыву и самый созыв нашего второго Поместного Собора, который изберет нам не временное, а уже постоянное центральное церковное управление, а также вынесет решение и о всех «похитителях власти» церковной, раздирающих хитон Христов. Порядок и время созыва, предметы занятий Собора и пр. подробности будут выработаны потом. Теперь же мы выразим лишь наше твердое убеждение, что наш будущий Собор, разрешив многие наболевшие вопросы нашей внутренней церковной жизни, в то же время, своим Соборным разумом и голосом, даст окончательное одобрение и предпринятому делу установления правильных отношений Церкви к советскому правительству.

В заключение усердно просим вас всех, Преосвященные Архипастыри, пастыри, братие и сестры, помогите нам каждый в своем чину вашим сочувствием и содействием нашему труду, вашему усердию к делу Божию, вашей преданностью и послушанием Святой Церкви, в особенности же вашими о нас молитвами ко Господу, да даст Он нам успешно и богоугодно совершить возложенное на нас дело к славе Его святого имени, к пользе Святой нашей Православной Церкви и к общему спасению.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь.

16/29 июля 1927 года

За Патриаршего Местоблюстителя Сергей, Митрополит Нижегородский,

Члены Временного Патриаршего Священного Синода:

Серафим митрополит Тверской,

Сильвестр архиепископ Вологодский,

Алексий архиепископ Хутынский, управляющий Новгородской Епархией,

Анатолий архиепископ Самарский,

Павел архиепископ Вятский,

Филипп архиепископ Звенигородский, управляющий Московской епархией,

Константин епископ Сумский, управляющий Харьковской епархией.

Управляющий делами Сергей, епископ Серпуховский.